

Подписной индекс
по Объединенному каталогу
«Пресса России» (Т. 1) – 54242

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 44

Издание осуществлено при финансовой поддержке РФФИ

**Томск
2012**

УЧРЕДИТЕЛЬ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
(факультет психологии)

Главный редактор – Г.В. Залевский, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО,
заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Богомаз С.А., д-р психол. наук, проф.; **Бохан Т.Г.**, д-р психол. наук, доц.; **Галажинский Э.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО; **Залевский В.Г.**, канд. психол. наук, доц.; **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (зам. главного редактора); **Козлова Н.В.**, д-р психол. наук, доц.; **Красноярцева О.М.**, д-р психол. наук, проф.; **Левицкая Т.Е.**, канд. психол. наук, доц.; **Лукьянов О.В.**, канд. психол. наук, доц.; **Мещерякова Э.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Муравьева О.И.**, канд. психол. наук, доц.; **Серый А.В.**, д-р психол. наук, проф.; **Финогенова Г.А.** (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Асмолов А.Г., д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Бохан Н.А.**, д-р мед. наук, проф. (Томск); **Вассерман Л.И.**, д-р мед. наук, проф. (Санкт-Петербург); **Вяткин Б.А.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Пермь); **Демина Л.Д.**, д-р социол. наук, проф. (Барнаул); **Доценко Е.Л.**, д-р психол. наук, проф. (Тюмень); **Дунаевский Г.Е.**, д-р техн. наук, проф. (Томск); **Залевский Г.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАО (Томск); **Зинченко В.П.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кабрин В.И.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Карнышев А.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Иркутск); **Ключко В.Е.**, д-р психол. наук, проф. (Томск); **Коробейников И.А.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Кунце Г.**, д-р медицины, проф. (Кассель, Германия); **Мухина В.С.**, д-р психол. наук, проф., действительный член РАО (Москва); **Павлик К.**, д-р психологии, проф. (Гамбург, Германия); **Санжаева Р.Д.**, д-р психол. наук, проф. (Улан-Удэ); **Семке В.Я.**, д-р мед. наук, проф., действительный член РАМН (Томск); **Смирнова С.В.**, канд. психол. наук, доц. (Благовещенск); **Соловьев А.В.**, канд. психол. наук, проф. (Москва); **Тхостов А.Ш.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Ушаков Д.В.**, д-р психол. наук, проф. (Москва); **Шюлер П.**, д-р психологии (Марбург, Германия); **Юревич А.В.**, д-р психол. наук, проф., чл.-кор. РАН (Москва); **Яницкий М.С.**, д-р психол. наук, проф. (Кемерово)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК

Г.А. Финогенова

Сибирский психологический журнал
включен в Перечень ведущих научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук
по педагогике и психологии.
(Бюллетень Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки
Российской Федерации. 2007. № 1)

Адрес редакции: 634050, Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет, факультет психологии
Телефон/факс: (3822) 52-97-10
E-mail: den@psy.tsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ	7
-----------------------------	---

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

<i>Карнышев А.Д.</i> ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ И ПАРАДОКСЫ ЭКОЛОГИЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ	9
<i>Рогачева Т.В.</i> ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ЗДОРОВЬЕ	23
<i>Амосова Н.О.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ И ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ	31
<i>Бобровская А.Н.</i> МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО «ВЫГОРАНИЯ» СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА	36
<i>Бардадымов В.А.</i> УПОТРЕБЛЕНИЕ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ЛАТЕНТНАЯ ФАЗА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ	47

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Кадыров Р.В., Манхаева О.М.</i> ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ВИНЫ	52
<i>Лысакова Е.Н.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ	59

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

<i>Tani Franca, Guarnieri Silvia, Seiffge-Krenke Inge, Haid Marja-Lena</i> DIFFERENCES IN RELATIONSHIP NETWORKS AMONG ITALIAN AND GERMAN ADOLESCENTS AND LINKS TO ADAPTATION	66
<i>Тихомирова Т.Н.</i> ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ И ПОКАЗАТЕЛИ КРЕАТИВНОСТИ РЕБЕНКА: РОЛЬ ПОКОЛЕНИЙ	72

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Козлова Н.В., Ветрова Я.А.</i> ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЕЙ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ПЕДАГОГА	83
<i>Филинкова Е.Б.</i> МОТИВАЦИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ УЧИТЕЛЯМИ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ	89

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

<i>Богомаз С.А.</i> МОДИФИКАЦИЯ ОПРОСНИКА «ЯКОРЯ КАРЬЕРЫ»: ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НА ИННОВАЦИОННУЮ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	101
--	-----

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ

<i>Мацута В.В.</i> ВПЕЧАТЛЕНИЯ О РАБОТЕ V СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	110
<i>Сметанова Ю.В.</i> НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ V СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА	113
Программа Международной конференции «Теория и фундаментальные проблемы психологических практик (на примере психологической супервизии)» 4–6 июня 2012 г.	118
13-я международная научно-практическая конференция «Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы»	121

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на научно-практическое руководство «Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике». Авторы: Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, О.Ю. Щелкова. Научный редактор – профессор Л.И. Вассерман. СПб. : Речь, 2011. 270 с.	123
---	-----

ИНФОРМАЦИЯ

Из диссертационных советов	126
Наши авторы	129
Правила оформления материалов для публикации в «Сибирском психологическом журнале»	132

CONTENTS

ADDRESS TO READERS	7
--------------------------	---

CLINICAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF HEALTH

<i>Karnyshev A.D.</i> ETHNO-CULTURAL RESOURCES AND PARADOXES OF ECOLOGICAL ECONOMY AND HEALTH PSYCHOLOGY	9
<i>Rogacheva T.V.</i> THE INFLUENCE OF GENDER SPECIALITIES ON HEALTH	23
<i>Amosova N.O.</i> PSYCHOLOGICAL HEALTH OF STUDENTS-TEACHERS AND ITS PROFESSIONAL VALUE	31
<i>Bobrovskaya A.N.</i> THE MODEL OF DEVELOPMENT AND PREVENTION OF EMOTIONAL «BURNOUT» SYNDROME AMONG THE SPECIALISTS OF SOCIAL AND CULTURAL SERVICE	36
<i>Bardadymov V.A.</i> USING PSYCHOACTIVE SUBSTANCES AS A LATENT PHASE OF ADDICTIVE BEHAVIOR	47

GENERAL PSYCHOLOGY AND PSYCHOLOGY OF THE PERSON

<i>Kadyrov R.V., Manhaeva O.M.</i> GENDER DIFFERENCES IN FEELINGS OF GUILT	52
<i>Lysakova E.N.</i> STAGES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN AVIATION PSYCHOLOGY	59

PSYCHOLOGY OF DEVELOPMENT

<i>Tani Franca, Guarnieri Silvia, Seiffge-Krenke Inge, Haid Marja-Lena</i> DIFFERENCES IN RELATIONSHIP NETWORKS AMONG ITALIAN AND GERMAN ADOLESCENTS AND LINKS TO ADAPTATION	66
<i>Tikhomirova T.N.</i> EDUCATIONAL INFLUENCE IN MODERN RUSSIAN FAMILY AND CHILD'S CREATIVITY SCORES: THE ROLE OF GENERATIONS	72

PSYCHOLOGY OF EDUCATION

<i>Kozlova N.V., Vetrova Y.A.</i> DESCRIPTION OF LEVERS OF THE TEACHER'S ACMEOLOGICAL POSITION	83
<i>Filinkova E.B.</i> MOTIVATION OF DECISION-MAKING BY TEACHERS ABOUT TRANSITION FROM PEDAGOGICAL ACTIVITY TO THE ADMINISTRATIVE	89

FOR PSYCHOLOGIST HELPING: RESEARCHERS AND PRACTITIONERS

<i>Bogomaz S.A.</i> MODIFICATION OF THE CAREER ANCHORS QUESTIONNAIRE: ORIENTATION TO INNOVATIVE AND ENTREPRENEURIAL ACTIVITY	101
---	-----

CONFERENCES, SIMPOSIUMS, SEMINARS

<i>Mazuta V.V.</i> IMPRESSIONS ABOUT THE WORKING OF THE V CONGRESS OF THE RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY	110
<i>Smetanova Y.V.</i> WORK DIRECTIONS OF V CONGRESS OF THE RUSSIAN PSYCHOLOGICAL SOCIETY	113

The Programm of the International Congress “Theory and fundamental problems of psychological practice (the psychological supervision as an example)” 4–6 June 2012	118
The 13 international scientific and practice congress “Economic psychology: actua theoretic and applied problems”	121

REVIEWS

Review of the scientific and practice guide “Psychological diagnostic and correction in somatic clinic” by L.I. Vasserman, E.A. Trifonova, O.Y. Tchelkova. Scientifical editor – professor L.I. Vasserman (Sankt-Peterburg: Rech, 2011. 270 p.)	123
---	-----

INFORMATION

From dissertation advices	126
Our avtors	129
Rules of registration of materials in SPM	132

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Дорогие коллеги и друзья, здравствуйте!

Очередной выпуск «Сибирского психологического журнала» (№ 44) редколлегия готовила под впечатлением недавно состоявшегося в Москве V съезда Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество». О программе Съезда и впечатлениях о его работе рассказывают на страницах нашего журнала (с. 110–117) молодые психологи – преподаватели факультета психологии Томского государственного университета, впервые принявшие участие в таком представительном форуме.

Мои впечатления о работе Съезда, поскольку я тоже принимал самое активное участие в его подготовке (в качестве члена Программного комитета) и работе (в качестве соведущего ряда секций, симпозиумов и круглых столов), самые положительные. Несомненно, заслуживают большой благодарности со стороны психологической общественности организаторы съезда – члены Президиума РПО и Московского ОП РПО, поскольку основной груз организации и проведения этого представительного научного собрания психологов России лег на их плечи. Важно то, что чувствовалась поддержка форума со стороны ректора Московского государственного университета, Правительства РФ.

Встречи участников съезда были разнообразными по числу направлений (многие прозвучали впервые) и организационных форм. Отрадно, что Съезд продемонстрировал необходимость и возможность движения теории навстречу практике и наоборот. Психологической практике было посвящено довольно много места и времени, однако такое актуальное ее направление, как супервизия, было отражено всего в нескольких сообщениях. На следующем Съезде, я не сомневаюсь, ей будет уделено больше внимания.

Хочу напомнить, что 4–8 июня 2012 г. в Томске состоится уже 4-я конференция с международным участием, посвященная именно психологической супервизии в контексте фундаментальных отношений между психологической теорией и психологической практикой. С информацией об этой конференции наши читатели могут ознакомиться на страницах этого номера СПЖ (с. 118–120).

С удовольствием отмечаю, что на V Съезде РПО широко обсуждались проблемы психологии здоровья, психологии безопасности. Примечательно, что на 13-й Международной научно-практической конференции «Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы», которая пройдет 13–14 июня 2012 г. в г. Иркутске, приоритет будет иметь тема: «Межкультурные ресурсы в эко-

логичной экономике и психологии здоровья» (более полную информацию об этой конференции см. на с. 121–122).

Очень важно, что интерес к проблеме здоровья все ширится и среди молодого поколения. Так, 28 апреля 2012 г. в Томском государственном университете прошла студенческая научно-практическая конференция «Студенты Томска – ЗА! Здоровье нации» в рамках акции «Здоровье молодежи – богатство России».

Интерес психологов разных направлений и ориентаций к проблемам психологии здоровья отражает и соответствующая рубрика в нашем журнале.

К сожалению, рубрика «Психология и жизнь» в этом номере не представлена из-за отсутствия материалов. Надеемся, что в последующих выпусках редакция СПЖ такими материалами будет располагать, а потому приглашаем авторов нашего журнала к сотрудничеству и в рамках этой рубрики, что, несомненно, сделает журнал привлекательным для более широкого круга интересующихся вопросами отношений психологии и жизни.

В завершение хотел бы пожелать всем читателям нашего журнала хорошего летнего отдыха, а значит, крепкого физического, психического и духовного благополучия.

Будьте здоровы!

*Главный редактор
Г.В. Залевский*

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

УДК 159.9

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ И ПАРАДОКСЫ ЭКОЛОГИЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И ПСИХОЛОГИИ ЗДОРОВЬЯ

А.Д. Карнышев (Иркутск)

Аннотация. Рассматриваются этнокультурные и социально-психологические аспекты взаимовлияния экологичной экономики и психологического здоровья людей. Показывается противоречивый характер современных теорий и общественных движений, ориентированных на природосбережение. Автор приводит доводы в пользу взаимодействия и взаимопроникновения рассматриваемых реалий как в теоретическом, так и в практическом плане.

Ключевые слова: экологичная экономика; психологическое здоровье; экономические роли: потребитель, предприниматель, производитель; экологические установки; экологичное поведение.

В начале статьи обратимся к одному интересному обстоятельству. Заимствованные из иностранной лексики слова «экология» и «экономика» в греческом языке являются однокоренными, основой которых выступает понятие *oikos* – дом, родина. Экология в данном смысле трактуется как учение о доме применительно к месту обитания человека, животных и растений. Экономика же в словаре иностранных слов определяется как управление домом или хозяйством. С определенной долей натяжки охарактеризуем в данном случае сочетание «экологичная экономика», или «экономичная экология», следующим образом: управление хозяйством, обеспечивающее благоприятное взаимодействие человека, флоры и фауны, когда их «сожительство» и «сосуществование» проходит в общем, надежном доме, комфортном и благоустроенном для всех его жителей.

Такой подход предполагает признание факта, что соответственное «управление хозяйством» и в историческом, и в современном ракурсе имело и имеет своеобразные и специфичные условия и традиции у каждого конкретного народа. Предопределяли особенности управления хозяйством и отношения к природному «дому» прежде всего природные ландшафты, погода, климат региона проживания и зависящие от них виды ведущих деятельности. Управление хозяйством степняка-скотовода отличалось от соответствующих действий земледельца. Для степняка обычной была кожаная обувь с загнутым вверх носком. Это

позволяло при передвижениях не ранить землю, не провоцировать эрозию почвы. Своеобразные тонкости и детали охраны своего дома были у земледельца и скотовода, садовода и охотника, рыбака и китобоя и т.д. На особенности деятельности и управления ею накладывались развивающиеся традиции, обряды, нормы совместного труда и проживания, мировоззренческие позиции и религиозные верования, делая самобытными и уникальными жизнь каждого этноса, его экономические и экологические установки.

Каждый этнос наряду с общечеловеческими средствами и способами достижения хозяйственных целей имел и свои собственные ресурсы. Продолжая разговор об экологичной экономике, стоит хотя бы кратко дать представление о сути понятия «ресурс в экономике». **Экономические ресурсы** – источники, средства обеспечения производства и потребления. Чаще всего речь идет о совокупности ресурсов, используемых в хозяйственной деятельности:

- природные (сырьевые);
- трудовые (человеческий капитал);
- капитальные (физический капитал);
- оборотные средства (материалы);
- информационные;
- финансовые (денежный капитал).

Такое деление не является строго однозначным. Наличие среди перечисленных ресурсов человеческого капитала не только может свидетельствовать о его этническом своеобразии, но и выводит нас еще на один «круг» проблем, связанных с трудоспособностью человека, т.е. его экономическими потенциалами и одновременно с экологией. Здесь подразумевается, в первую очередь, здоровье человека. Категория «здоровье» все чаще воспринимается не только в качестве индивидуальной и социальной, но и в качестве экономически значимой ипостаси. Закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» впервые закрепляет обязанность граждан заботиться о сохранении своего здоровья. Увеличивается ответственность тех, кто нанимает работников. Работодатель обязан обеспечивать лечебно-профилактическое обслуживание работников в соответствии с требованиями охраны труда. Для этого, в частности, создаются санитарные посты с аптечками для оказания первой помощи.

Ухудшение здоровья любого сотрудника, даже если он при этом не берет бюллетень, отражается на его материальной и интеллектуальной производительности. Бичом многих организаций, по признанию их руководителей, становятся больничные листы, по которым теряется огромное количество рабочих человеко-дней. «Болячки» недобросовестных сотрудников зачастую вызывают, мягко говоря, сомнение. Весьма показательно в этом плане рассуждение Г.В. Залевского: «В определении болезни существуют две точки зрения: 1) болезнь есть

любое состояние, диагностированное профессионалом (то, что диагностируют врачи); 2) болезнь есть субъективное ощущение себя больным (чувство дискомфорта или тяжести: “я просто не могу больше...”, приписывание себе роли больного с притязанием на привилегию или какую-то выгоду)» [2. С. 110]. Солидаризируясь с данными мыслями, мы склонны придавать понятиям «привилегии» и «выгоды» экономический смысл.

Здоровье, в свою очередь, самым непосредственным образом связано с экологией, т.е. с уровнем чистоты или загрязненности окружающей среды, основными факторами ее естественного влияния (солнце, воздух и вода). Винить в загрязнении среды только крупные производства, предприятия, химическую и энергетическую промышленность не приходится. В современном мире связь тех же оздоравливающих практик всех видов с экологией нельзя рассматривать вне загрязняющих отходов от огромного количества лекарств, лечебно-технологических средств и т.д. Упаковки и емкости капсул, таблеток, порошков и жидкостей обычно делаются из пластиковых материалов, которые не разлагаются годами и десятилетиями. Подобные отходы в наших лесах, у рек и водоемов можно обнаружить в значительном количестве. Нельзя забывать и о химическом загрязнении воды, воздуха со стороны предприятий фармацевтической промышленности. Таким образом, и само оздоровление, и его средства самыми разными положительными и отрицательными аспектами связаны и с экономикой, и с экологией.

При анализе развития экологичной экономики нельзя уходить от известной и естественной дилеммы – наличия в любом процессе крайностей. Крайности здесь сказываются не только в противоположности взглядов на взаимодействие человека и природы (о чем мы скажем ниже), но и в оценках истинного положения дел в экологии окружающей среды. На одном полюсе крайностей, к примеру, суждения и их конкретные выразители, показывающие близость наступающей природной трагедии. К таким работам можно уверенно отнести книгу «Планета земля: будущее» с ее подзаголовком «Глобальная катастрофа уже началась». Под обложкой собраны высказывания всемирно известных ученых и общественных деятелей, прозвучавших в телесериале «Планета Земля», созданной Би-би-си. Кризис вымирания биологических видов, перенаселение, изменение климата – вот лишь некоторые из представленных тревожных тем.

В определенном созвучии данной книге выполнена и работа Лестера Брауна «Экоэкономика», правда, с достаточно оптимистическим подзаголовком «Как создать экономику, оберегающую планету» [1]. О том, что эта книга полна предчувствий и тревог, говорят заголовки разделов и подразделов:

– *саморазрушающаяся экономика;*

- *выбор между перестройкой и гибелью;*
- *напряженные отношения:*
 - *пересыхание рек,*
 - *понижение уровня грунтовых вод,*
 - *сокращение площади лесов,*
 - *ухудшение качества природных пастбищ,*
 - *эрозия почвы,*
 - *исчезновение биологических видов.*

В работе высказаны также мысли об эффекте синергизма: разные виды ухудшения состояния любых природных объектов зачастую усиливают друг друга и ускоряют негативные процессы деградации естественной среды. К примеру, известно, что не горят тропические леса, но вот вырубки и поля влияют на учащение и интенсивность возгораний.

На другом полюсе крайностей – «сверхоптимистические» работы, в которых возможная катастрофа полностью отрицается и предвосхищается устойчивое экологическое благополучие. Примером таких публикаций является книга Джулиана Саймона «Неисчерпаемый ресурс» [10]. Для демонстрации ее направленности также приведем ряд заголовков:

В будущем нас ждет изумительное обилие ресурсов.

Когда кончится нефть? Никогда!

Нагнетание страхов.

Теория мусора: вываливай сюда, детка, нам это нужно.

В работе подчеркнуто, что экстерналии (внешние эффекты), которые взаимосвязаны с любыми экономическими деятельностями, не являются вредом для будущего: люди найдут средства решать проблемы негативных воздействий на любые природные объекты.

Оптимизм книги должен был бы настраивать читателей и борцов за экологию на позитивные мысли и дела. Д. Саймон, основываясь на ряде фактов, показал необоснованность экологического паникерства, распространенного в средствах массовой информации и общественном сознании. В работе брошен вызов заблуждениям о якобы критическом загрязнении окружающей среды современной технической цивилизацией, глобальном дефиците энергетических ресурсов и полезных ископаемых, пагубных последствиях иммиграции и гибельности перенаселения.

Автор развенчивает множество мифов, касающихся экономики природных ресурсов, и разоблачает подтасовки, а иногда и прямой обман самозванных защитников окружающей среды. Джулиан Саймон настолько убедительно показал научную недобросовестность, а порой и личную материальную корысть экологических активистов, что стал для них врагом № 1 после первого издания этой книги в 1981 г. Появилось немало экологов, ориентированных не на благо природы, а на свои политические и эгоистические интересы. Они, как нанятые на по-

хороны плакальщицы, рвут на себе волосы, никаких уныний и огорчений не испытывая. Стать врагом № 1 для таких людей очень просто. За последние годы в чиновничьих и предпринимательских кругах выросла другая категория людей, готовая торговать экологическими «ценностями» по достаточно сходной цене. Примером может послужить правовая коллизия, возникшая в начале 2012 г. в Москве. Против чиновников Росприроднадзора возбуждено уголовное дело о получении взятки в 90 тыс. евро за проверку деятельности горно-обогатительной фабрики «Святогор», а также 11,8 млн руб. с неё за минимизацию обнаруженных нарушений. Хамовнический суд Москвы санкционировал арест начальника управления экологического контроля Росприроднадзора. Оперативным путем следователи установили факт получения чиновницей 90 тыс. евро в августе 2010 г. за организацию внеплановой проверки нарушений природопользования со стороны дочернего предприятия ГУМК ОАО «Святогор».

В результате заказной проверки в 2010–2011 гг. «Святогора» в производственной деятельности были обнаружены нарушения природоохранного законодательства, штрафные санкции за которые могли бы обойтись предприятию в сотни миллионов рублей. Руководство «Святогора», по данным «Ъ», понимало, что проверка – дело рук конкурентов, но платить штрафы за акт экологической проверки не собиралось. Путем длительных переговоров через посредника, генерального директора одной из коммерческих структур, название которой в интересах следствия пока не называют, и имевшего выход на подследственную, руководство горно-обогатительной фабрики попыталось минимизировать выявленные нарушения природоохранного законодательства за вознаграждение (см.: Коммерсант. 2012. № 033).

Приведенные примеры экологических «извращений» не являются единичными и, как в случае с Д. Саймоном, говорят не только о нравственных, психологических, но и об экономических изъянах в сфере охраны природы. Действия не только предпринимателей, но и экологов должны проверяться и просчитываться.

Экономические и правовые «измерения экологических «перекосов» – далеко не единственный и не главный инструмент для формирования экологического будущего планеты. Главные изменения, которые должны произойти, касаются сознания людей, их личного отношения к вопросам природосбережения.

И здесь стоит заглянуть в историю. Прошло около пятидесяти лет после того, как в начале 60-х гг. XX в. зародился *энвайроментализм* – социальное движение, направленное на защиту окружающей среды. Его сторонники считают деятельность человека источником всех современных экологических проблем, таких как «озоновые дыры», кислотные дожди и т.п., и стремятся всемерно бороться против экологически нерационального производства. К сожалению в мире все больше

разговоров об ухудшении экологической обстановки. Да и оптимистическими прогнозами на ближайшее и не столь отдаленное будущее активисты энвайроментализма не могут похвастаться. Наоборот, пессимизм во взглядах на перспективы климата, флоры и фауны планеты явно преобладает. Деятельностью даже самых целеустремленных и напористых активистов в таком сложном и многостороннем деле явно не обойдешься. Важно, чтобы в позитивном решении проблемы был заинтересован каждый человек, чтобы он не только «вымерял» и свою жизнь и жизнь общества в том числе экологическими критериями, не только понимал их значение для своего существования, развития и здоровья. Гораздо важнее, чтобы его мнения и позиции сопровождались реальными действиями.

«Глобальное» противоречие между сознанием и поведением многих людей неотрывно от других экологических коллизий по своей психологической сути.

В сознании и поведении любого индивида необходимо зафиксировать не столько позицию «экологи всегда правы, а предприниматели – корыстны», сколько понимание возможности альтернативных действий тех и других. Свое мнение по данному вопросу мы изложили еще в 2005 г. в тезисе «экономика должна быть экологичной, а экология – экономичной». Тезис получил свое развитие в ряде работ [4–6].

Инвестиции в экономию ресурсов природы, вложения в природоохранную деятельность, а тем более хозяйственная практика – это сегодня аккумуляция богатства для будущего, с чем еще совсем мало сталкивалась классическая экономическая мысль. Отмечая недалековидность и слабость концепций, мало ориентированных на перспективу, Дж.М. Кейнс писал: «Эта теория может очень хорошо “работать” в мире, где экономические блага обязательно потребляются вскоре после их производства. Но она требует, я полагаю, значительных поправок, если ее прилагать к миру, где аккумуляция богатства для неопределенно отсроченного будущего выступает важным фактором; и чем более относительную роль играет такая аккумуляция богатства, тем более значимыми становятся подобные поправки» [7. С. 106]. Если перевести данное утверждение в практическую плоскость, то адекватным будет признание в том, что сегодня в природных ресурсах мы бездумно и расточительно расходуем то, что завтра будет иметь несоизмеримую цену.

Для экологичной экономики в теоретическом и практическом ракурсе важно определить и проблему, и ресурс, особо значимые для перспектив ее развития. Что касается природосберегающих перспектив, то врагом № 1 окружающей среды в экологическом плане можно уверенно назвать *потребителя*. Его все более возрастающие запросы, прихоти, капризы неизбежно ведут к созданию продуктов, товаров, услуг; последствия производства влияют на состояние природных объек-

тов. Если все потребности каждого гражданина мира привести к среднестатистической удовлетворенности (машины, телевизоры и т.п.), то крах некоторых природных атрибутов, многих объектов флоры и фауны неизбежен. Самым ярким подтверждением этого можно назвать наличие огромных замусоренных территорий: чаще всего на них размещаются «остатки реализованных потребностей». Но есть примеры и другого рода. Подсчитано, что если на каждого гражданина Китая будет выпускаться столько же бумаги, сколько на жителя США, то лесные ресурсы ряда стран окажутся на грани исчезновения. А если на каждого жителя Юго-Восточной Азии (Индия, Китай, Таиланд и т.п.), как в Америке, будет по три автомобиля на четыре человека?

Согласно цели статьи попытаемся проследить взаимосвязь экономических последствий потребительства не только с экологией, но и со здоровьем. Стоит вспомнить, что размах манипуляции мнениями и запросами людей в сфере производства и торговли породил в середине 1960-х гг. в США движение консьюмеризма (от англ. consumer – потребитель), направленное на защиту прав потребителей, обеспечение качества потребительских товаров. В результате власти вынуждены были принять Закон о правах потребителя. В плане примеров конкретного взаимодействия экологии и здоровья целесообразно отметить, что среди **прав потребителя**, закрепленных Законом, на приоритетном месте **«право на безопасность»**, которое обязывает защищать потребителя от изделий и услуг, опасных для здоровья и жизни. Близко к данному праву по рангу и содержанию **«право пользоваться чистой и здоровой окружающей средой»**. Среди других норм, так или иначе связанных с названными установлениями, стоит назвать **«право на информацию»** (обеспеченность необходимыми сведениями о товарах и услугах) и **«право быть услышанным»** (гарантия учета интересов и возмещения убытков). Обратим внимание на один нюанс: насколько права потребителя сочетаются с его **обязанностями**? Например, очень значимое право пользоваться чистой и здоровой окружающей средой в одинаковой мере, на наш взгляд, должно сопровождаться обязанностью лично участвовать в обеспечении соответствующих условий.

Все перечисленные права при отсутствии обязанностей в процессе насаждения норм западной демократии, естественно, «разбрелись по всему миру», определяя реакции по отношению к ним (правам) со стороны этнически разнородных сообществ. Порой без разбора стало проталкиваться в жизнь не только то, к чему некоторые страны были не готовы, но и то, что или вообще-то было не нужно или мало нужно. И здесь мы начинаем подходить к истине, что как «гольный» консьюмеризм, так и декретируемая им забота о среднестатистическом потребителе, т.е. о том, чего и сколько ему в среднем положено из мировой потребительской корзинки, достаточно часто срабатывает во вред природе. Например, если тем же гражданам стран Азии (японцам, корей-

цам, китайцам), восполняющим дефицит белка в организме за счет овощных культур – фасоли, сои и т.п., перейти на мясо как более эффективный источник белка (и не только), то в какое количество истребленных животных и птиц, истощенных полей и степей этот шаг обойдется, трудно просчитать.

Остановимся сначала хотя бы на проблеме влияния «среднестатистических» рекомендуемых продуктов на здоровье человека. Внедряемое в быт некоторых северных народов в советское время потребление молока не было полезным для организмов аборигенов, поскольку у последних в желудочно-кишечном тракте было очень мало ферментов, перерабатывающих такие продукты. Благое действие было по меньшей мере бесполезным, а кое-где приносило и вред. Можно уверенно говорить, что в подобных случаях медицина и экономика вступают в противоречие. Но ведь таких «рекомендаций» – бесчисленное количество, и их последствия также проблематичны. Среднестатистические потребители по крайней мере от этого не выигрывают. Кто может сказать, повлиял или не повлиял закон о правах потребителя на увеличение в цивилизованных странах числа лиц, страдающих от ожирения? А ведь эта проблема, на наш взгляд, также близка к медицине, как и к экологичной экономике.

Обеспечивают потребителей необходимыми товарами и услугами разного рода производители и предприниматели. И уже в связи с этим они несут часть ответственности за тех, кто приобретает их продукцию. Однако современный предприниматель не только *удовлетворяет* запросы своих клиентов, но зачастую их *формирует*, т.е. стимулирует новые потребности людей за счет инновационных товаров и услуг. А последние далеко не всегда «экологичны», не говоря уже о привычках их потребителей, на что уже обращалось внимание в нашей статье. Предприниматель по большому счету должен нести двойную экологическую ответственность и предусматривать соответствующие расходы в своем бизнесе. К сожалению, это происходит далеко не всегда.

Вряд ли возможно обвинить чисто с экономической точки зрения любого бизнесмена в том, что он не любит растрачивать средства на природоохранные мероприятия, а тем более на экологическое просвещение клиентов, ведь для него это «лишние» издержки. К нему можно предъявить какие-то претензии как к гражданину страны, уповать на его сознательность, в крайнем случае, найти возможность оштрафовать его за загрязнение окружающей среды. Речь в таком случае идет о формировании рациональных и эмоциональных экологических мотивов и стимулов современных бизнесменов.

Для предпринимателей финансирование экологических мероприятий – это сопутствующие расходы, которые мало окупаются, если говорить об общей рентабельности предприятия. Тем более, что в стоимость расходов (прибылей) от экологической деятельности могут

входить и зачастую входят так называемые экстерналии, которые трудно подсчитать. Под *экстерналиями* (внешние эффекты) экономисты понимают сопровождающие производство или потребление товаров и услуг дополнительные экономии или издержки третьих лиц, непосредственно не участвующих в данном процессе, экологические или другие потери [9. С. 116]. Экстерналии по многим производствам достаточно высоки.

Не менее проблематично финансирование со стороны государства некоторых производств, которые по сути своей экологически вредны. В 1997 г. общественная организация «Совет Земли» опубликовала материалы исследования под названием «Субсидирование неустойчивого развития». Его целью было определение и сведение в одну таблицу государственных субсидий, подрывающих состояние окружающей среды. Было обнаружено поразительное число таких субсидий в объеме, равном 700 млрд долл. в год. Это позволило авторам сделать немало интересных замечаний. Среди них и признание в том, что есть что-то неподдающееся пониманию: мир ежегодно тратит миллиарды долларов на субсидирование собственного разрушения. По сути дела, каждый год правительства тратят 700 млрд долл., полученных от налогоплательщиков, на стимулирование потребления воды, сжигание ископаемого топлива, применение пестицидов, рыболовство и автомобильное движение – все то, что вредит экологии земли. В докладе приведены бесчисленные примеры того, как налогоплательщики субсидируют потребление воды в странах, где запасы подземных вод сокращаются.

Наличие существенных противоречий и изъянов во взаимодействии таких сфер, как экономика, экология и забота о здоровье человека, требует вмешательства каких-то «посторонних», хоть и нейтральных, но способных примирить все другие, сил. К таковым однозначно можно отнести политическую власть. Есть достаточно емкое и в то же время содержательное определение: политика – это искусство распознавать и согласовывать интересы.

В отношении экологичной экономики этот тезис реализуется как минимум в трех аспектах. Во-первых, распознаванию подлежат «интересы» достаточно молчаливой и терпеливой природы. Их надо понять таким образом, чтобы неверным шагом не нанести окружающему миру какой-либо вред. Выявление данных «интересов» возможно и через обобщение практического опыта, и через научные исследования, особенно если сделать то и другое стратегической линией развития и приоритетом политики. Во-вторых, и это гораздо сложнее, распознаванию и согласованию подлежат экологические интересы разных групп населения и субъектов (агентов) экономической деятельности. В нашем случае это прежде всего субъекты реализации уже рассмотренных экономических ролей: потребители, предприниматели, производители. Как уже говорилось, они во многом расходятся, и своего рода третьей-

ский судья здесь может всегда понадобится. В-третьих, здоровьесберегающие и демографические интересы любой страны не могут реализовываться только на рекомендациях ВОЗ и других международных организаций. К примеру, демографические стратегии России и Китая существенно расходятся: для нас важно любыми средствами увеличить население, для наших соседей – по меньшей мере сократить его рост. Отсюда и специфика связей между экономикой, экологией и политической здравоохранения.

В XXI в. цивилизованные страны стали быстрыми темпами ликвидировать экологические издержки, которые долгое время сопровождали традиционную экономику. При этом практикуется не только эффективная природоохранная и природовосстанавливающая деятельность, но и экологическое благополучие за счет других. Участники дискуссии «Планета Земля: будущее» отмечают: «...восток США почти полностью обезлесел 200 лет тому назад, но сейчас леса восстановлены и заново заселены черными медведями (барibalлами) и американскими лосями. Китай не только больше не теряет лесных массивов, но постепенно приобретает новые. С другой стороны, китайцы с готовностью вырубает леса в других странах, так что там дикая природа страдает из-за китайской политики охраны леса» [9. С. 103]. Если учитывать регионы и страны, где ради китайской экономики выстригаются лесные массивы, то можно понять, насколько последний момент актуален для России, а тем более для ее ресурсного региона – Сибири, именно отсюда лесные ресурсы попадают в Поднебесную.

Один из важнейших вопросов этнопсихологического анализа экологичной экономики – выявление общих экологических установок конкретных народов. Невозможно отрицать тот факт, что в каждом этносе в связи с особенностями его истории, долговременного взаимодействия с природными ландшафтами, наличием своеобразной для конкретных мест флоры и фауны формировалась собственная, в чем-то самобытная система взглядов на окружающий мир. Знать эту систему – значит лучше понимать данный народ, адекватно отражать сокровенности его характера и души. Получая такую информацию, гораздо легче строить и толерантные контакты с представителями данного этноса. Не менее значима и возможность поучиться у конкретного народа формам и методам природоохранной работы, искусству гармонично выстраивать отношения с окружающей средой. Именно с этих позиций для любого современного человека важно знать некоторые факторы формирования и традиции экологического мировоззрения у отдельных народов. Мы считаем весьма целесообразным в данной статье кратко обратиться к системе экологического просвещения, воспитания и системы охраны природы у японцев.

Дело в том, что анализ народных высказываний из Японии заставляет думать прежде всего о двух вещах: во-первых, о том, что

своими действиями мы часто, даже не осознавая, наносим вред обыденному совершенству природы, а во-вторых, тем самым низводим её бесконечное величие до своих меркантильных сиюминутных потребностей. Возможно, это высказывание звучит несколько пафосно, но метафорически оно приемлемо. Японская императрица Комио, правившая страной в VIII в., в своей поэме рассуждала, что даже живущие краткий миг цветы – это подаяние природы не человеку, а вечным святыням:

Срывая цветы, я рукою невольно их оскверняю.

Пусть же стоят на лугу ветром колеблемой жертвой

Буддам времен минувших, сегодняшних и грядущих.

Другой, не менее значимый аспект экологичной японской ментальности связан с синтоизмом – религией, которая обожествляет многие природные объекты: горы, реки и речки, водоемы и т.п. Человек обязан не только поклоняться божествам, но и делать все возможное для их процветания. В России аналогичные божества – духи и соответствующие традиции – живы у шаманистов.

У здравомыслящего человека, наблюдающего шаманские камлания, возникают мысли и вопросы, которые можно сформулировать следующим образом. Если шаманизм и другие природоцентрированные религии, например синтоизм у японцев, – древние ритуалы человечества, то надо удивляться, сколь долго они живут в условиях уже многовековой критики «язычества» и «дикости» примитивных верований. Насколько крепко они оказались вмонтированными в психику человека и человечества? Насколько же они архаичны? А может быть, это и есть те скрытые в Прошлом атрибуты Будущего, к которым нужно обязательно вернуться? Или, еще: неосознаваемые или (и) полусознаваемые ценности вчерашнего дня могут ли стать непреходящими ценностями завтрашнего дня? И если это так, что нужно сделать науке и практике человечества, чтобы наше природоцентрированное, экологичное будущее приблизилось как можно скорее?

Ответы на поставленные вопросы можно найти у разных исследователей и практиков и в самых разных вариантах. Причем проявляются две крайности: или религию отождествляют с природой, или ставят ей в вину забвение природных закономерностей. Иначе подходил к данной проблеме гениальный русский ученый М. Ломоносов. Он писал о слитности деяний Творца и веры в него. «Природа и вера суть две сестры родные, и никогда не могут придти в распрю между собою. Создатель дал роду человеческому две книги: в одной показал свое величие, в другой свою волю. Первая книга – видимый сей мир. В этой книге сложения видимого мира физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влияющих действий суть то же, что в книге священного писания пророки, апостолы и церковные учителя. Не здраво рассудителен математик, ежели он хочет божескую волю вымерять циркулем» [11. С. 329]. Современному дню особо необ-

ходимо, чтобы «сестры родные» теснее сблизились ради улучшения своего будущего, ради Человека, который еще больше будет заботиться о благоденствии природы и веры. Такой человек хорошо понимает святость всего сущего на земле.

Психолого-экологическое значение этнических и территориальных факторов в детерминации здоровья можно проследить хотя бы по известным стереотипным высказываниям «сибирское здоровье» и «кавказское долголетие». Немало ресурсов подобного типа связывается с некоторыми восточными оздоравливающими технологиями: методами тибетской медицины, системой фэн-шуй, йогой и т.п. Немало подобных ресурсов остается сегодня втуне, поскольку мало проводится соответствующих исследований. Нам кажется примечательным и заслуживающим дальнейшего анализа факт, выявленный в диссертационной работе Ю.В. Кузьминой. На основе показателей шкал теста здоровья она определила, что показатели здоровья наиболее высоки у студентов Алтайского края, затем у студентов Томска, Урала, Дальнего Востока [8. С. 17]. Кто бывал на землях Алтая, кто знает не только его красоты, но и сакральность и духовность его коренных жителей, не сомневается в том, что и эти факторы внесли вклад в показатели здоровья студентов. Анализ этногеографических детерминант жителей конкретных регионов необходимо постоянно усиливать.

Кратко остановимся на одном современном аспекте рассматриваемой проблемы. Речь пойдет об инновационном характере взаимосвязанного анализа экологичной экономики и психологии здоровья. Каждое из данных направлений по содержанию достаточно ново, значит, у каждого имеется много собственных ресурсов. Не менее инновационным может стать симбиоз двух концепций – третий вариант. Сформулируем кратко **инновационные потенциалы** последнего варианта в психолого-экономическом плане:

- он нацелен в будущее т.е. имеет в виду прежде всего перспективы человека и человечества, гуманистические мотивы охраны окружающей среды, флоры и фауны, мероприятия по укреплению разных видов здоровья человека (биологического, психологического и т.п.);

- он предполагает наличие высокого уровня прогностических способностей, умение видеть экологические последствия принимаемых решений и хозяйственной практики у рядового потребителя, предпринимателя и любого политика;

- в силу своего деятельного характера он должен ориентироваться не на стереотипы мышления, а на привычки поведения и формировать их; при этом привычки здорового образа жизни и экологии должны коррелировать между собой;

- он требует отказа от излишних апломба и амбиций, завышенных этнических самооценок, поскольку необходимо быстро заимствовать передовые экологические и здоровьесберегающие технологии у разных стран;

– для него необходим очень высокий уровень коммуникативной компетентности и толерантности, так как его субъектам приходится устанавливать контакты и сотрудничать с разными людьми, государственными и общественными организациями.

Важно вновь подчеркнуть, что сторонники экологичной экономики сегодня находятся в явном меньшинстве, необходимы огромные усилия для их адекватного влияния на индифферентное или даже агрессивное большинство.

Выводы:

1. Термины «экономика» и «экология» имеют общий корень, общее основание. Сегодня ни у кого не вызывает сомнения, что слово «oikos» (дом) можно успешно применять как по отношению к индивидуальному жилищу, так и к разноуровневым атрибутам Земли как совместного обиталища людей. В этом смысле экономика и экология – две стороны одного процесса жизни и разрыв их неестествен.

2. Действующие в экономике люди выполняют определенные роли, их реализацию надо увязать с влиянием выполняемых функций на экологию. Социально-экономическая специфика экономических и социальных ролей (потребитель, покупатель, производитель, предприниматель (организатор производства), продавец, плательщик налогов, политик, пресса (PR), психолог-педагог) проявляется и в содержании прав и обязанностей по отношению к природе, и в особенностях воздействия на природосберегающую деятельность.

3. Главное в экологичном поведении – поступок, привычка, действие, их позитивную направленность надо формировать в каждом человеке. Экологичное поведение должно **комплексно** затрагивать все основные подструктуры личности и динамику ее связей с группой.

4. Экологичная экономика должна оперировать материальными (финансовыми, техническими, медицинскими и т.п.) единицами, а не только и не столько чувствами и эмоциями. Отсюда – один из важнейших ее аспектов: использование и ценностных, и стоимостных категорий. Первые из них ближе к психологии, а вторые – к экономике.

5. У каждого народа есть опыт, традиции и ошибки в организации экологичной экономики и обеспечении психологического здоровья. Надо научить многие из них учитывать и заимствовать. Только такой подход сможет объединить людей и этнические сообщества для гуманных целей.

Одновременно надо поднимать роль и значение различных конфессий в их позитивном отношении к природным реалиям. В будущем сущность религий надо оценивать и по влиянию на экологическое сознание и экологичное поведение человека.

Литература

1. Браун Л. Экоэкономика. Как создать экономику, оберегающую планету. М. : Весь Мир, 2003. 392 с.
2. Залевский Г.В. Введение в клиническую психологию. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. 224 с.
3. Залевский Г.В., Кузьмина Ю.В. Некоторые проблемы психологии здоровья и здорового образа жизни // Сиб. психол. журн. 2009. № 35. С. 6–11.
4. Карнышев А.Д. Истоки и динамика этнокультурных традиций и инноваций в экономической психологии (на примере сибирских этносов) // Культура и экономическое поведение : сб. науч. ст. / под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М. : МАКС Пресс, 2011. С. 445–480.
5. Карнышев А.Д. Восприятие Байкала и Сибири в контексте отношения к природе // Сиб. психол. журн. 2005. № 5–6. С. 5–17.
6. Карнышев А.Д., Винокуров М.А. Человек и этнос на своей земле. Иркутск : БГУЭП, 2011.
7. Кейнс Д. Общая теория занятости // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 89–96.
8. Кузьмина Ю.В. Самооценка уровня здоровья и образа жизни студентов во взаимосвязи с биосоциальными факторами и личностными ресурсами : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск : ТГУ, 2011. 23 с.
9. Планета Земля: будущее. СПб. : Амфора, 2008. 319 с.
10. Саймон Дж. Неисчерпаемый ресурс. Челябинск : Социум, 2009. 797 с.
11. Шапов А.П. Избранное. Иркутск, 2001.
12. Этнопсихологические ресурсы экологии и туризма : учеб. пособие / науч. ред. А.Д. Карнышева. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. 195 с.

ETHNO-CULTURAL RESOURCES AND PARADOXES OF ECOLOGICAL ECONOMY AND HEALTH PSYCHOLOGY

Karnyshev A.D. (Irkutsk)

Summary. The article considers ethno-cultural and socio-psychological aspects of interconnection of ecological economy and psychological health of people. It shows contradictory character of modern theories and social movement, that focused on nature saving. The author argues in favour of interaction and interrelation of considered realities in theoretical and practical aspects.

Key words: ecological economy; psychological health; economic roles: a consumers, an entrepreneur, a producer; ecological attitudes; ecological behaviour.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ЗДОРОВЬЕ

Т.В. Рогачева (Екатеринбург)

Аннотация. Дано описание мужских и женских стереотипов поведения в современной России. Рассматриваются гендерные особенности по отношению к своему здоровью, анализируется гендерный контракт. Показаны гендерные стереотипы по направленности и прогнозу.

Ключевые слова: мужские стереотипы; женские стереотипы; нормы маскулинности; гендерный контракт; гендерные роли.

Стали расхожими фразами разговоры о проблемах со здоровьем в России. Так, наша страна отстает по показателю ожидаемой продолжительности жизни не только от развитых, но и от развивающихся стран [2], а в динамике наиболее уязвимо население трудоспособного возраста. Возникает вопрос о факторах, влияющих на индивидуальное здоровье населения России. Понятно, что это полифакторное явление, куда входят экономические, политические, идеологические (религиозные, моральные и пр.), психологические причины. Рассмотрим, какие психологические факторы влияют на жизнедеятельность россиян и как это отражается на их здоровье. Если пренебречь социально-психологическими факторами полоролевого поведения человека, то, как подчеркивает И.С. Кон, «традиционно мужские свойства и образцы поведения невольно принимаются и выдаются за универсальные, что мешает пониманию специфических проблем женской половины человечества» [5. С. 53]. Например, современные исследователи гендерного поведения указывают на неадекватные представления о том, что женщины менее уязвимы для повреждающих здоровье факторов. Известно, что у женщин всех возрастов в настоящее время заболеваемость ниже, чем у мужчин. Однако, по данным Е.П. Ильина, в возрасте 30–39 лет статистика их заболеваемости примерно одинакова. У женщин чаще, чем у мужчин, встречаются заболевания щитовидной железы в 6–7 раз, волчанка – в 4 раза, ревматизм – в 3 раза, аппендицит – примерно в 2 раза [4. С. 49].

Очевидно, что гендерные роли мужчины и женщины по отношению к здоровью, различны. Гендерные стереотипы женщин сложнее и противоречивее, нежели мужчин. Рассмотрим основные женские стереотипы россиянок. «Русская женщина вынуждена «раздваиваться», «растраиваться», выворачиваться наизнанку, поскольку она «и жнец, и на дуде игрец» и должна успеть везде и все. Главное – это ежедневная демонстрация своей выносливости и способности безупречно выполнять возложенные на нее обязанности. Мужчинам для обретения чувства собственного достоинства нет необходимости играть более

одной роли, поскольку жизнь российского общества убеждает его в том, что он – существо высшего порядка, а следовательно, может не слишком напрягаться», – пишет Г. Брандт [1. С. 47]. Поэтому типично женский образ включает ряд черт, связанных, с одной стороны, с социальными и коммуникативными умениями, с теплотой и эмоциональной поддержкой. Другой стороной женственности выступают качества, расценивающиеся как отрицательные. Среди таких черт у женщин чаще называют формализм, пассивность, излишнюю эмоциональность и т.п. Как указывает американский этнограф Н. Рис, изучавшая гендерные стереотипы современной России, «реальным следствием сочетания архаических, но живучих гендерных стереотипов и коммунистической пропаганды оказалось то, что в общественном сознании сложилось два противоположных образа женщины: с одной стороны – Мать-земля, кормилица, полностью отдавшая себя заботам о муже и детях, с другой – современная женщина. Помимо этих двух взаимоисключающих и труднодостижимых идеалов, есть еще один, который по мере сил стремятся воплотить женщины, стремящиеся иметь «настоящий успех». Это образ уверенной в себе, обворожительной красавицы» [7. С. 45].

Таким образом, самочувствие современной женщины серьезно зависит от того, насколько она соответствует тому образу «нормальной», «правильной» женщины, который бытует в ее референтных группах. В современной России эта потребность соответствовать обострена особенно, поскольку, как указывает Г. Брандт, «страсть советского государства к стиранию всяческих граней коснулась достаточно основательно и сферы пола. В течение многих десятилетий в советской пропаганде тиражировался образ женщины маскулинного типа, «сратницы по борьбе», ни в чем не уступающей, а зачастую и перегоняющей мужчину во всех традиционно мужских сферах деятельности» [1. С. 10].

Доминирующий гендерный контракт на постсоветском пространстве, особенно в европейской части, – это работающая женщина, выполняющая также роль жены, матери, хозяйки дома. При этом за пределами дома ей следует быть труженицей, но не строить карьерных планов профессионального роста и самореализации в социальной сфере. Особенно это заметно во властных и политических сферах, где монополия на политическое пространство России принадлежит мужчинам. Отмечается тенденция снижения доли женщин в высших эшелонах власти. Женщины в российском парламенте составляют менее 8%, это один из самых низких показателей среди развитых стран, тогда как в 1980–1985 гг. в Верховном Совете РСФСР женщины составляли 35%.

Современные исследователи фиксируют ситуацию фундаментального «нарушения полового стереотипа» в нашей культуре: гиперактивность, даже агрессивность женщин и пассивность, аморфность мужчин.

По отношению к своему здоровью можно выделить 3 группы женских стереотипов. Первая группа, условно названная «патриархальной», представляет в основном домохозяек, у которых существует множество проблем. Большинство из них не может удовлетворить свои социальные потребности. К тому же многие социологи согласны, что женщина, не зарабатывающая деньги, пользуется в доме меньшей властью. Женщины этой группы чаще демонстрируют следующие модели поведения в болезни:

- чаще и быстрее реагируют на болезненное состояние и обращаются за советом к специалисту;
- преувеличивают количество и серьезность своих проблем;
- должны жертвовать карьерой ради семьи (оставаться дома в случае необходимости ухода за близкими);
- чаще склонны пропускать работу в случае своей болезни или болезни близких.

Во вторую группу вошли модели поведения, ориентированные на феминистский стереотип. Женщины, пытающиеся сделать карьеру, вынуждены демонстрировать маскулинную модель поведения. Достаточно часто они сталкиваются с таким явлением, как «стеклянный потолок». Эта метафора отражает тот факт, что в некоторых организациях существует как бы невидимый потолок, выше которого женщины не могут продвинуться. Общепринятые стереотипы, предполагающие, что мужчины гораздо лучшие лидеры, чем женщины, отчасти ответственны за существование «стеклянного потолка». Еще одной проблемой работающих женщин является то, что они трудятся дома намного больше, чем их работающие мужья, а это приводит к разрыву во времени отдыха. Поэтому женщины этой группы имеют меньше времени для посещения врача в силу двойной занятости; более уверены в своих способностях самолечения.

Третья группа женщин, рассматривающая свое здоровье с позиции эталонов красоты, «готова на все» ради достижения стандарта, который можно назвать «стандартом глянцевого журнала». Отсюда широкая коммерциализация предложений эстетической медицины, различных центров по снижению веса и пр.

Реакция женщин на гендерно-ролевую нагрузку приводит к тому, что частота нервно-психических расстройств у них выше, чем у мужчин в 2–2,5 раза [4. С. 50]. Эта закономерность особенно выражена в возрасте 30–50 лет и проявляется во всех социально-профессиональных группах населения. У женщин в развитых странах чаще отмечают невротические, депрессивные и инволюционные расстройства, у мужчин – психопатические расстройства и алкогольные психозы.

Рассмотрим типичный мужской стереотип, сформировавшийся у большинства россиян. Структура ролевых норм мужчины складывается из трех факторов. Первый связан с ожиданиями, что мужчины за-

воевыывают статус и уважение других (**норма статуса**). Второй фактор, **норма твёрдости**, отражает ожидание от мужчины умственной, эмоциональной и физической твёрдости. Третий фактор – это ожидание того, что мужчина должен избегать стереотипно женских занятий и видов деятельности (**норма антиженственности**).

Норма успешности (статус) – гендерный стереотип, утверждающий, что социальная ценность мужчины определяется величиной его заработка и успешностью на работе. С этой нормой связан целый ряд ограничений. Во-первых, большинство мужчин не способны на 100% ей соответствовать, из-за чего имеют заниженную самооценку. Носитель традиционной мужественности никогда не знает меры и не может наслаждаться тем, что имеет. Он должен постоянно наращивать объём и время работы, и такой стиль жизни часто приводит к появлению обусловленных стрессом физиологических и психологических симптомов. Мужчины склонны выбирать работу и карьеру в зависимости от того, как хорошо это оплачивается. Финансовое давление особенно обременяет мужчин, чьи жёны сидят дома и не работают. Точка зрения, что главная обязанность мужчины в семье – исправно приносить большую зарплату, отрицательно влияет на исполнение им родительских функций, так как, чтобы соответствовать этим ожиданиям, мужчина должен посвящать всё своё время работе. Например, в Японии, где понятие о мужестве включает в себя полную самоотдачу на работе, отцы проводят со своими детьми в среднем 3 минуты по будням и 19 минут по выходным.

Компенсация чувства несостоятельности в профессиональной и экономической сферах называется компенсаторной мужественностью. Когда мужчина не соответствует одному из аспектов мужской гендерной роли, он демонстрирует преувеличенную мужественность в другой области, тем самым компенсируя свою несостоятельность. Одной из таких областей является **твёрдость (жесткость)**. Норма твердости существует у мужчин в нескольких формах: физической, умственной и эмоциональной.

Норма физической твердости – это ожидание социумом от мужчины физической силы и мужественности. Ту популярность, которой пользуется в наши дни бодибилдинг, смело можно считать реакцией на эту норму. Самооценка мужчин, которые не являются физически сильными, хотя чувствуют, что окружающие ожидают от них именно этого, может серьезно снизиться. Временами норма физической твердости может довести мужчину до насилия, особенно в том случае, когда социальная ситуация предполагает, что не проявить агрессию будет не по-мужски, или когда мужчина чувствует, что его мужественность под угрозой или под вопросом.

Норма умственной твердости содержит ожидание того, что мужчина будет выглядеть компетентным и знающим. Человек, пытающийся-

ся соответствовать модели сверхкомпетентности, начинает тревожиться, как только понимает, что чего-то не знает. Наибольшая проблема состоит в том, что в межличностных отношениях мужчина, старающийся соответствовать этой норме, часто унижает других тем, что отказывается признать перед ними свою неправоту или допустить, что кто-то знает больше, чем он.

Норма эмоциональной твердости подразумевает, что мужчина должен быть эмоционально твердым: испытывать мало чувств и быть в состоянии разрешить свои эмоциональные трудности без помощи со стороны. То, что делает мужчину мужчиной, обедняет его отношения с детьми и другими людьми. Мужчины получают меньшую эмоциональную поддержку со стороны и имеют меньше подлинно близких отношений. Отношения между мужчинами характеризуются большей конфликтностью и соревновательностью, меньшим самораскрытием и обсуждением чувств, чем отношения между женщинами. Мужская установка на соревнование не дает мужчинам возможности принимать во внимание мнение окружающих.

Норма **антиженственности** побуждает мужчин избегать стереотипно считающихся женскими занятий, деятельности и моделей поведения. Некоторые мужчины считают, что выражение чувств и самораскрытие свойственны исключительно женщинам, они могут выглядеть недостаточно мужественными, если будут эмоционально экспрессивны. Существует предположение, что страх женственности (фемифобия) происходит из страха гомосексуальности и обусловлен социальным контекстом, который обычно приписывает гомосексуальность мужчинам с чертами женственности. Норма антиженственности предписывает избегать так называемых «женских» видов деятельности, поведенческих тактик и стратегий, которые маркируются как женские. Конструирование нормы происходит посредством выделения женского во второсортное, малозначительное и не престижное, исходя из осей оппозиции: мужское/женское; норма/отклонение; сила/слабость; доминирование/подчинение. Негативным последствием ситуаций, когда мужчине сложно поддерживать стандарт мужской роли или когда обстоятельства требуют от него проявления женских моделей поведения, которых просто нет в его репертуаре или они запрещены мужской ролью, выступает мужской гендерно-ролевой стресс (МГРС). Мужчинам с высоким показателем МГРС очень сложно проявлять нежные чувства, т.е. у них более низкий уровень вербальной и невербальной экспрессивности, чем у мужчин с низким показателем МГРС.

Таким образом, мужчины постоянно сталкиваются с трудностями, которые определены самим содержанием гендерной роли. Хотя в основе большей части научных исследований и идей лежит как норма мужское, наука редко обращается к специфическим переживаниям мужчин. Мужчины находятся под постоянным нормативным и инфор-

мационным давлением, которое предписывает им воспроизводить только маскулинные характеристики. Общество поощряет за гендерно соответствующее поведение и осуждает за отход от него, поэтому широко распространен единственный гендерный мужской стереотип. Корни этого стереотипа лежат в русских народных сказках, в которых функционируют богатыри с «железным» здоровьем, данным от природы. Как описывает маскулинный тип И.С. Кон, это «всегда энергия, инициатива, независимость и самоуправление» [5. С. 135]. В качестве основного маскулинного стереотипа поведения в России выступает образ мужика. «Мужик – значимая маркировка русскости. В противоположность слабому интеллигенту, мужик отличается повышенной сексуальностью, любовью к спиртному, физической силой, грубостью, причем все это ему дано от природы», – указывает И.С. Кон [Там же. С. 175].

Предписание «сильного пола» вступает в противоречие с низкой продолжительностью жизни мужчин России. Общемировая проблема заключается в том, что мужчины реже общаются с врачом, число мужчин, которые были у врача два или более года тому назад, вдвое превышает число женщин (данные американского Минздрава). Одна из причин мужской смертности – несвоевременная диагностика. Это касается практически всех заболеваний и категорий мужчин, но особенно бедных слоев населения, в которых глубже укоренен традиционный стереотип маскулинности. Традиционно этот стереотип ориентирует мужчину на самостоятельное преодоление стрессовых ситуаций и трудностей, одновременно тормозит осознание и вербализацию (проговаривание) своих слабостей. Таким образом, маскулинный стереотип предписывает переоценивать свое здоровье, стесняться признавать свою слабость, не просить о помощи. В. Ерофеев писал: «Мужчина состоит из свободы, чести, гипертрофированного эгоизма и чувств. У русских первое отняли, второе потерялось, третье отмерло, четвертое – кисель с пузырями» [3. С. 48]. Но в целом мужчины демонстрируют гораздо большую согласованность в отношении типично мужских качеств, чем женщины – женских. И.Б. Назарова [6] выделяет следующие мужские стереотипы по отношению к здоровью:

- должны выполнять роль кормильца и делать карьеру, поэтому здоровьем заниматься некогда;
- легче впадают в депрессию, если остаются без работы (крайний случай – самоубийство);
- больше боятся потерять работу и заработок, поэтому чаще выходят на работу во время болезни;
- обращаются к специалисту по поводу более серьезных проблем со здоровьем, чем женщины.

Несоответствие собственного поведения нормам маскулинности требовало психологической компенсации. Е. Ильин [4. С. 177–179] выдвигает несколько вариантов таких компенсаций.

1. Идентификация с традиционным образом сильного и агрессивного мужика, утверждающего себя пьянством, драками, жестокостью, социальным и сексуальным насилием.

2. Покорность и покладистость в общественной жизни компенсируется тиранией дома, в семье.

3. Социальная пассивность и связанная с нею выученная беспомощность компенсируются бегством от личной ответственности в беззаботный мир вечного мальчишества (социальный инфантилизм). Такие мужчины отказываются от личной независимости, от ответственности, передоверяя социальную ответственность начальству, а личную – жене.

Ломка традиционного гендерного порядка неизбежно порождает многочисленные социально-психологические проблемы и трудности, причем мужчины и женщины испытывают давление в противоположных направлениях. Женщины, вовлекаемые в общественное производство и политику, вынуждены развивать в себе необходимые для конкурентной борьбы «мужские» качества: настойчивость, энергию, силу воли, тогда как мужчины, утратив бесспорное господство, – вырабатывать исконно женские качества: способность к компромиссу, эмпатию, умение ставить себя на место другого.

Данные противоречия приводят в том числе и к гендерной асимметрии поведения мужчин и женщин в болезни, поэтому мужчины кажутся более деятельными (agentic) и более компетентными, чем женщины, а женщины – более коммуникабельными. Данные И.С. Кона говорят о том, что чем пластичнее ведет себя человек в болезни, т.е. чем активнее применяет нестандартные гендерные стереотипы поведения, тем позитивнее динамика.

По данным С. Крайслера и Х. Крайслер [8. С. 54], которые изучали психологические особенности мужчин и женщин с выраженной направленностью на здоровье, у мужчин этой группы были выявлены более высокие по сравнению с другими мужчинами показатели привязанности, жизнерадостности, удовлетворенности, а также враждебности и завистливости. Женщины из этой группы отличались эмоциональной реактивностью, склонностью к позитивным фантазиям, низкими показателями депрессивных проявлений, тревожности, страхов. Они реже сообщали о соматических жалобах и симптомах.

Таким образом, вслед за И.Б. Назаровой [6], можно выделить гендерные стереотипы по их направленности и прогнозу. К ним относятся:

– **позитивные стереотипы**, характеризующиеся заботой о здоровье и здоровье близких людей, больше характерные для женщин;

– **негативные стереотипы**, к которым относят:

1) отсутствие заботы о здоровье и обращение за медицинской помощью в крайних случаях, что характерно для людей с высокой занятостью, прежде всего мужчин, а также женщин, делающих карьеру, являющихся главой домохозяйств, с большой иждивенческой нагруз-

кой; у женщин отсутствие времени на заботу о собственном здоровье часто связано с двойной занятостью;

2) отказ от необходимой медицинской помощи, свойственный женщинам, имеющим детей, и мужчинам, боящимся получить негативную оценку на работе; наличие вредных привычек (курение, употребление алкоголя, неправильное питание и др.), свойственное больше мужчинам;

3) преувеличение количества и серьезности заболеваний, характеризующее как мужчин, так и женщин, имеющих тревожный характер; подверженность депрессивным состояниям, развивающимся чаще у мужчин, теряющих работу;

– **сочетанные (позитивно-негативные) стереотипы**, суть которых в том, что человек обращается за медицинской помощью при необходимости, но не признает здоровье как самоценность.

Литература

1. Брандт Г.А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб. : Алетейя, 2006. 160 с.
2. Демографический ежегодник России 2010. Статистический сборник. М. : Росстат, 2010. 525 с.
3. Ерофеев В.В. Мужчины. М. : ЗебраЕ, 2002. 176 с.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб. : Питер, 2007. 288 с.
5. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 114 с.
6. Назарова И.Б. Здоровье в представлении жителей России // Общественные науки и социум. 2009. № 2. С. 91–101.
7. Рис Н. Гендерные стереотипы в российском обществе: взгляд американского этнографа // Этнографическое обозрение. 1994. № 5.
8. Kreisler S., Kreisler H. The psychological profile of the health-oriented individual // European J. of Perconality. 2006. Vol. 5, № 1. P. 52–60.

THE INFLUENCE OF GENDER SPECIALITIES ON HEALTH

Rogacheva T.V. (Ekaterinburg)

Summary. This article gives the descriptors of men and women stereotypes in modern Russia, examinations of gender specialities for health and analysis of gender contract.

Key words: men stereotypes; women stereotypes; masculine standards; gender contract; gender roles.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ И ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

Н.О. Амосова (Иркутск)

Аннотация. Рассматривается профессиональная значимость психологического здоровья студентов педагогических специальностей. Представлены особенности психологического здоровья студентов-педагогов 1–4-х курсов.

Ключевые слова: психологическое здоровье; педагогическая направленность обучения; профессиональная значимость.

Психологическое здоровье является одной из составляющих физического здоровья. Физическое здоровье, отражая биологическую составляющую биопсихосоциоэтической природы человека, в процессе онтогенетической социализации оказывается под влиянием составляющих природы человека и его здоровья более высокого уровня (прежде всего духовного) и интегрируется в структуру «личностного здоровья» (которое образуют, помимо духовного, психологическое и социальное здоровье)...» [1. С. 20].

Как отмечает А.В. Шувалов, «...на протяжении длительного периода дошкольного и школьного детства считать психологическое здоровье сугубо достоянием ребенка некорректно и в принципе неверно. Психологическое здоровье ребенка имеет выраженную интерсубъективную природу. Отношение взрослого как форма и способ сопричастности к жизненному миру ребенка является существенным фактором детского психологического здоровья» [2. С. 98], поэтому важным становится психологическое здоровье студента, а в дальнейшем педагога, как условие психологического здоровья ребенка.

Анализ теоретических подходов к изучению психологического здоровья и наш собственный исследовательский опыт позволяют сформулировать следующее определение психологического здоровья и выделить его показатели.

Психологическое здоровье – динамическая совокупность психических свойств и состояний личности, обеспечивающих состояние гармонии, полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности, осознание своей индивидуальности и своеобразие всех окружающих людей, высокий потенциал достижения благополучия в жизни.

На основании анализа теоретических источников по проблеме исследования нами были определены показатели психологического здоровья студентов: принятие себя, принятие других, уверенность в правильности профессионального выбора, полноценное межличностное общение, осознание своих желаний, ценностей, своего смысла жизни, саморегуляция, самоактуализация.

Исходя из показателей психологического здоровья, нами был определен следующий диагностический блок:

1. Методика для оценки уровня развития адаптационных способностей личности (МЛО «Адаптивность» А.Г. Маклакова и С.В. Чермяниной).
2. Методика «Измерение уровня самоактуализации личности». Вариант данной методики создавался в 1993–1994 гг., в его стандартизации и валидации принимал участие психолог А.В. Лазукин.
3. Шкала субъективного благополучия (адаптация М.В. Соколовой).
4. Шкала самооценки (тревожности) (разработана Ч.Д. Спилбергером, адаптирована Ю.Л. Ханиным).
5. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева).
6. Методика «Мотивация обучения в вузе» Т.И. Ильиной.

С целью определения особенностей психологического здоровья студентов-педагогов было обследовано 192 человека. Анализ результатов показал, что в выборке преобладают *средний*, *ниже среднего* и *выше среднего* уровни психологического здоровья (рис. 1).

Рис. 1. Результаты исследования психологического здоровья студентов-педагогов

Низкий уровень преобладает в следующих компонентах психологического здоровья.

Самоактуализация:

- ориентация во времени – 33%;
- взгляд на природу человека – 49%;
- потребность в познании – 37%;
- автономность – 41%;
- спонтанность – 55%;
- самопонимание – 39%;
- аутосимпатия – 39%;
- шкала контактности – 39%.

Адаптация: поведенческая регуляция – 66%.

Сила (самоконтроль) – 44%.

Для большинства студентов-педагогов характерны мнительность, неуверенность в себе, завышенное стремление к достижениям, невротическая погруженность в прошлые переживания, недоверие к людям, окружающему миру, предвзятое отношение, нежелание узнавать, открывать что-то новое, ориентация на мнение окружающих, отсутствие спонтанности, тревожность, отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности, недостаточный самоконтроль, зависимость от внешних обстоятельств и оценок.

Высокий уровень психологического здоровья преобладает по такому компоненту, как самоактуализация (шкала ценностей). 34% студентов-педагогов разделяют следующие ценности: истина, добро, красота, целостность, отсутствие раздвоенности, жизненность, уникальность, совершенство, свершения, справедливость, порядок, простота, легкость без усилия, игра, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармоничному бытию и здоровым отношениям с людьми, далекое от желания манипулировать ими в своих интересах. По остальным компонентам психологического здоровья у студентов-педагогов преобладает средний уровень.

Рассмотрим результаты исследования психологического здоровья студентов разных курсов (рис. 2).

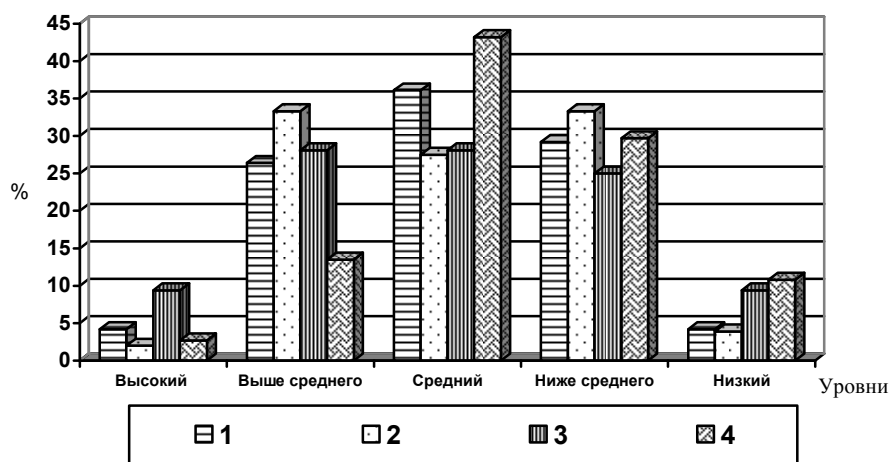

Рис. 2. Результаты исследования психологического здоровья студентов-педагогов 1–4-го курсов

Как свидетельствуют данные, отраженные на рис. 2, уровень психологического здоровья студентов разных курсов имеет свои особенности. Для первокурсников характерно преобладание среднего (36,1%), ниже среднего (29,2%) и выше среднего (26,4%) уровней. Низкие показатели высокого уровня (4,2%) психологического здоровья связаны, по нашему мнению, с периодом адаптации. Низкий уровень

психологического здоровья первокурсников также имеет невысокие показатели (4,2%). Очевидно, это можно объяснить тем, что на данном этапе решение о профессиональном образовании было реализовано при поступлении в вуз.

Проанализируем показатели некоторых компонентов психологического здоровья, которые, по нашему мнению, определяют в большей степени его особенности у студентов-первокурсников. У 51,38% респондентов выявлены недоверие к людям, предвзятость, отсутствие доброжелательности. Для 40,27% опрошенных характерен низкий уровень автономности (жизненность, самоподдержка, зрелость). 50% респондентов отличаются неуверенностью, низким уровнем спонтанности. У 65% студентов выявлены низкий уровень поведенческой регуляции, определенная склонность к нервно-психическим срывам, отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности.

Психологическое здоровье студентов второго курса характеризуется следующими особенностями. Наибольшие значения выявлены по уровням выше среднего (33,3%) и ниже среднего (33,3%). Очевидно, на втором курсе складывается образ выбранной профессиональной деятельности. Часть студентов этот образ принимает и видит себя в дальнейшем в этой профессии, у другой части, для которой характерен уровень психологического здоровья ниже среднего, будущая профессиональная деятельность вызывает напряженность. Показатели по уровням психологического здоровья «высокий» (2%) и «низкий» (3,9%) у студентов второго курса имеют самые низкие значения в сравнении с показателями других курсов. Недоверие к людям, предвзятость, отсутствие доброжелательности характерны для 43,14% второкурсников. Студентов, которые характеризуются низким уровнем спонтанности как качества, вытекающего из уверенности в себя и доверия к окружающему миру, на втором курсе стало больше – 58,83%. Низкий уровень поведенческой регуляции, определенная склонность к нервно-психическим срывам, отсутствие адекватности самооценки и адекватного восприятия действительности также характерны для 58,82% студентов второго курса.

У студентов третьего курса показатели по уровням психологического здоровья «высокий» и «низкий» одинаковые (9,4%), причем высокий уровень преобладает над показателями по другим курсам. Уровни «выше среднего» (28,1%), «средний» (28,1%), «ниже среднего» (25%) отличаются незначительно. Низкий уровень спонтанности характерен для 46,88% студентов третьего курса. 40,62% опрошенных продемонстрировали низкую предрасположенность к взаимно полезным и приятным контактам с другими людьми. Низкий уровень поведенческой регуляции характерен для 50% студентов третьего курса.

Для студентов выпускной группы (4-й курс бакалавриата) характерно преобладание среднего уровня психологического здоровья

(43,2%). Уровни «ниже среднего» (29,7%) и «низкий» (10,8%) в сумме выявлены у 40,5% обследованных. Совокупный показатель по уровням «высокий» (2,7%) и «выше среднего» (13,5%) равен 16,2%. Эти особенности психологического здоровья студентов четвертого курса можно объяснить окончанием учебного заведения и осознанием ответственности за дальнейшую жизнь, что, как показывает исследование, характерно не для всех студентов и вызывает снижение уровня психологического здоровья. Для 45,95% респондентов четвертого курса характерен низкий уровень автономности, у 43,24% выявлен низкий уровень спонтанности. 48,65% опрошенных можно охарактеризовать как неуверенных, ориентированных на мнение окружающих. Низкий уровень поведенческой регуляции выявлен у 62,16% студентов четвертого курса.

Таким образом, психологическое здоровье является динамической совокупностью психических свойств и состояний личности. Проблема психологического здоровья студентов-педагогов как фактора сохранения детского психологического здоровья в будущем требует специальной превентивной и коррекционной работы, которая должна осуществляться на протяжении всего периода получения профессионального образования.

Литература

1. Кузьмина Ю.В. Самооценка уровня здоровья и образа жизни студентов во взаимосвязи с биосоциальными факторами и личностными ресурсами : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2011. 24 с.
2. Слободчиков В.И., Шувалов А.В. Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 91–105.

PSYCHOLOGICAL HEALTH OF STUDENTS-TEACHERS AND ITS PROFESSIONAL VALUE

Amosova N.O. (Irkutsk)

Summary. In the article the professional value of psychological health of students of pedagogical qualifications is viewed. The psychological health peculiarities of students-teachers among 1–4 courses are pointed out.

Key words: psychological health; pedagogical orientation of education; professional value.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ И ПРОФИЛАКТИКИ СИНДРОМА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СЕРВИСА

А.Н. Бобровская (Волгоград)

Аннотация. Анализируются критерии и показатели синдрома эмоционального выгорания, закономерности его развития у специалистов сферы социально-культурного сервиса, представлены результаты эмпирической работы по диагностике структурных компонентов и профилактике синдрома эмоционального выгорания у специалистов предприятий ресторанного сервиса.

Ключевые слова: синдром эмоционального выгорания; уровни развития эмоционального выгорания; модель социально-психологического тренинга «Антивыгорание».

На современном этапе развития российского общества в условиях социально-экономической нестабильности, конкуренции на рынке труда увеличивается количество требований, предъявляемых к профессионализму личности. Однако далеко не каждый специалист может эффективно осуществлять свою профессиональную деятельность, следовательно, возрастает вероятность возникновения неблагоприятных психических состояний.

Одним из таких негативных последствий является синдром эмоционального выгорания (СЭВ), снижающий эффективность профессиональной деятельности и пагубно влияющий на личность и здоровье специалиста. В социально-психологической литературе отмечается, что данный феномен является ярким отражением современной жизнедеятельности человека и широко распространен среди представителей социальных профессий (врачи, психологи, педагоги, юристы, менеджеры, торговые агенты и др.).

К категории работников, подверженных риску развития СЭВ, относятся и специалисты в области социально-культурного сервиса (ресторанный сервис), профессиональная деятельность которых имеет ряд специфических особенностей и осложнена множеством негативных факторов, приводящих к существенным личностным деформациям. Специфика деятельности специалиста сферы социально-культурного сервиса по сравнению с другими социальными профессиями состоит в том, что от работника требуются высокая коммуникативная компетентность и мобильность, а следовательно, психическая и физическая выносливость. Вероятно, вследствие выделенных особенностей в данном сегменте рынка труда отмечается большая текучесть кадров.

Несмотря на немалое количество работ, посвященных изучению СЭВ у представителей профессий типа «человек – человек», исследований его влияния на структуру личности работников сервисных специальностей явно недостаточно, что затрудняет разработку эффективных методов его психопрофилактики и психокоррекции. Актуальными представляются организация и проведение специального научного исследования, направленного на изучение влияния СЭВ на личность специалистов в области социально-культурного сервиса, а также мер по предупреждению этого феномена. Понятие «выгорание» используется в социально-психологических исследованиях для обозначения состояния физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы. В толковых словарях глагол «выгорать» означает «сгореть целиком» [10. С. 91], «целиком, до конца уничтожиться, исчезнуть при горении» [13. С. 443]. В таком толковании выражается опасность выгорания, представляющего собой не просто эпизод, а конечный результат процесса «сгорания дотла». У «сгоревших» на работе людей снижается трудовая мотивация, развивается безразличие, ухудшаются качество и производительность труда.

Под синдромом принято понимать совокупность стойких симптомов чего-либо, проявляющихся в определенных ситуациях или обстоятельствах. Таким образом, понятие «синдром эмоционального выгорания» можно толковать как совокупность устойчивых негативных симптомов, приводящих к деформации личности.

Мы используем термин «эмоциональное выгорание», определяя в качестве основных признаков этого явления именно специфические эмоциональные нарушения, наблюдаемые у профессионалов в сфере социально-культурного сервиса.

Уточнение данного понятия с различных точек зрения позволяет в общем виде интерпретировать эмоциональное выгорание как комплекс психических переживаний и поведения, которые сказываются на работоспособности, физическом и психическом самочувствии, а также на интерперсональных отношениях работника.

Выделяют несколько моделей СЭВ и соответствующие им методы оценки: однофакторную (Pines, Aronson, 1988), двухфакторную (Д. Дирендонк, В. Шауфели, Х. Сиксма, 1994), трехфакторную (К. Маслач, С. Джексон, 1986) и четырехфакторную (Firth, Mims, 1985).

Согласно исследованиям Н.Е. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, наиболее распространенной является трехфакторная модель СЭВ американских исследователей К. Маслач и С. Джексона. В соответствии с данной моделью эмоциональное выгорание понимается как синдром эмоционального истощения, деперсонализации и редукции личных достижений.

Эмоциональное истощение представляет собой *первый структурный компонент* СЭВ, проявляющийся в снижении эмоционального

фона, равнодушном отношении к выполняемым обязанностям. Эмоциональное истощение также может быть определено как чувство перенапряжения и истощения эмоциональных и физических ресурсов, чувство усталости, не проходящее после ночного сна. После отдыха эти явления уменьшаются, однако возобновляются по возвращении в прежнюю рабочую ситуацию.

Второй компонент – деперсонализация – проявляется в деформации отношений с другими людьми (клиентами или коллегами). В одних случаях это может выражаться в конформизме, в других – в повышении негативного, а порой циничного отношения к труду и объектам труда. В частности, в сервисной деятельности деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам.

Третий компонент – редукция личных достижений – «может проявляться либо в тенденции негативно оценивать себя, свои профессиональные достижения и успехи, негативизме по отношению к служебным достоинствам и возможностям, либо в преуменьшении собственного достоинства, ограничении своих возможностей, обязанностей по отношению к другим» [4. С. 188–189].

Анализ содержания основных составляющих синдрома эмоционального выгорания позволил нам выделить критерии и показатели исследуемого феномена (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Критерии и показатели синдрома эмоционального выгорания

Основные факторы	Критерий	Показатель
Эмоциональное истощение	Эмоциональный дефицит	Отсутствие способности к сопереживанию, соучастию; доминирование отрицательных эмоций, потеря жизнерадостности
	Эмоциональная отстраненность	Дистанцирование от клиентов и коллег
	Эмоциональное перенапряжение	Повышенная утомляемость, хроническая усталость, вялость, апатия, нарушения сна, потеря концентрации
Деперсонализация	Полная или частичная утрата интереса к клиенту	Клиент воспринимается как неодушевленный предмет, как объект для манипуляций
	Агрессивные тенденции	Гнев и раздражительность по отношению к коллегам и клиентам
Редукция личных достижений	Снижение самооценки своей компетентности	Негативное восприятие себя как профессионала
	Снижение личной самооценки	Недовольство собой, негативное отношение к себе как личности

Для нашего исследования определяющей является процессуальная модель, в которой СЭВ рассматривается как динамический процесс, развивающийся во времени и характеризующийся нарастающей степенью выраженности его проявлений.

Процесс развития синдрома эмоционального выгорания представляет собой динамику изменений его составляющих, которые, накапливаясь количественно, приводят к качественному скачку, выражающемуся в наибольшей упорядоченности структуры синдрома. Вслед за Н.М. Борытко мы понимаем процесс как разворачивающуюся во времени закономерную смену различных состояний, последовательность которых определена их внутренней структурой и теми возможными переходами (превращениями, преобразованиями), которые содержатся в этой структуре как ее интенция. Процесс не может быть представлен непосредственно как нечто данное, он мыслится всякий раз как последовательность наблюдаемых конфигураций, связанных в единое целое, которое фиксируется и может быть описано в модели и реализовано в действиях [5. С. 42].

Для изучения закономерностей СЭВ мы разработали модель его развития у специалистов сферы социально-культурного сервиса. Модель в широком понимании – «упрощенный мысленный или знаковый образ какого-либо объекта или системы объектов, используемый в качестве их «заместителя», и средство оперирования» [2. С. 300].

При выделении уровней развития эмоционального выгорания мы обратились к динамической фазовой модели, предложенной Р.Т. Голембиевским и Р.Ф. Мунзенридером, позволяющей выделить три степени (низкую, среднюю, высокую) и восемь фаз выгорания (1–3, 4–5 и 6–8). Согласно авторам данной модели в фазе 1 люди общаются с другими людьми уважительно и тактично, а в фазе 8 можно увидеть обратную реакцию: «сгоревшие» работники дистанцируются от людей и, следовательно, не могут получить конструктивную информацию и социальную поддержку [4. С. 208].

На основе определения содержания, структуры синдрома эмоционального выгорания, с учетом профессиональных особенностей специалистов сферы сервиса мы в своем исследовании выделяем три гипотетических уровня СЭВ: низкий, средний и высокий.

Низкий уровень характеризуется положительным отношением к профессиональной деятельности, адекватной оценкой собственных индивидуальных особенностей и возможностей, гибкостью в достижении поставленных целей. Работник отличается оптимизмом, жизнерадостностью, высоким творческим потенциалом, активностью жизненной позиции, в конфликте предпочитает стратегии сотрудничества и компромисса. На среднем уровне происходит постепенное изменение отношения к профессиональной деятельности от положительного к безразличному. Специалист обнаруживает несоответствие между собственным трудовым вкладом и полученным моральным (материальным) вознаграждением. Ответственное отношение к профессиональным обязанностям носит уже не творческий, как прежде, а репродуктивный характер, в конфликте используются стратегии сглаживания и избегания. Высокий

уровень синдрома эмоционального выгорания отличается стойким отрицательным отношением к профессиональной деятельности, обезличиванием отношений между клиентом и специалистом, подавлением проявления со стороны последнего толерантных форм поведения. Происходит занижение собственных достижений, специалист утрачивает желание вкладывать личные усилия на рабочем месте, в конфликтной ситуации отдает предпочтение конфронтации. К концу рабочего дня он может испытывать острое физическое и эмоциональное утомление.

Разработанная модель стала основанием для отбора диагностических методик, направленных на выявление условий профилактики синдрома эмоционального выгорания специалистов социально-культурного сервиса.

Для диагностики использовался следующий методический комплекс: метод наблюдения, беседа, экспертные оценки, тестирование, методы математической статистики. Анализ произведен в контексте задач нашего исследования.

Основу диагностики структурных компонентов составили наблюдения за специалистами сферы социально-культурного сервиса с опорой на разработанные критерии и показатели выраженности синдрома эмоционального выгорания. Наблюдение служило основным методом, с помощью которого определялись состояние психологического благополучия специалистов в области сервиса, социально-психологический климат в трудовых коллективах (взаимоотношения между коллегами и с администрацией).

Беседа применялась для диагностики эмоционального состояния специалистов, их отношения к клиентам и коллегам, к работе в целом, а также для определения факторов, негативно влияющих на их психологическое состояние.

В качестве психодиагностических методик нами были использованы опросник МВІ (авторы К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой) и методика «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (автор В.В. Бойко, адаптация Е.П. Ильина).

Существуют варианты опросника для разных профессиональных групп. Мы воспользовались вариантом опросника МВІ для коммерческого персонала. Адаптированный Е.П. Ильиным вариант оценивает уровень эмоционального выгорания по 5 шкалам, имеющим отношение к мотивации трудовой деятельности, а именно: «неудовлетворенность собой», «загнанность в клетку», «редукция профессиональных обязанностей», «эмоциональная отстраненность» и «личностная отстраненность (деперсонализация)». В соответствии с ключом определяется сумма баллов для каждой шкалы, а затем – сумма баллов по всем симптомам, т.е. итоговый показатель [6. С. 467–468].

Для обработки и анализа эмпирических данных, полученных в ходе исследования, использовались методы математической статистики.

На первом этапе исследования производился отбор предприятий социально-культурного сервиса на основании экспертного опроса. В качестве экспертов выступили представители администрации предприятий ресторанного сервиса, практические психологи, сотрудники сервисных предприятий. С помощью экспертных оценок изучалось объективное состояние социально-психологического климата и организационных характеристик деятельности предприятий.

На втором этапе проводилось психодиагностическое обследование специалистов отобранных предприятий ресторанного сервиса. Для определения уровня эмоционального выгорания на каждом предприятии применялся вышеописанный методический комплекс. Обследование проводилось в группах по 10–15 испытуемых. Соблюдались все общие правила, необходимые для создания соответствующей атмосферы тестирования, принцип добровольности.

Диагностический эксперимент на основе разработанной нами теоретической модели синдрома эмоционального выгорания специалистов социально-культурного сервиса проводился на восьми предприятиях сферы ресторанного сервиса г. Волгограда: в ресторанных комплексах «Волгоград», «Княгининский двор», «Караван»; в кафе «Velvet», «Византия», «Матрешка», «Шуры-Муры» и TV-баре «Пирамида». Всего в эксперименте приняли участие 96 человек в возрасте от 18 до 56 лет; образование респондентов в основном среднее специальное; стаж работы от 2 месяцев до 17 лет; специализация – менеджеры, администраторы, официанты, бармены, повара, кассиры и посудомойщицы.

Согласно полученным данным, низкий уровень СЭВ был обнаружен у 32 (33,3%), а средний у 44 (45,8%) респондентов. Сложившийся синдром эмоционального выгорания выявлен у 20 (20,8%) специалистов социально-культурного сервиса.

Исследования показали, что у 76% работников предприятий сервиса не возникает чувства некомпетентности в профессиональной сфере, осознания неуспеха в ней. Редукция профессиональных достижений проявляется у 24% опрошенных.

Признаки СЭВ у специалистов ресторанного сервиса указывают на необходимость ранней профилактики стресса и улучшения психического здоровья. Теоретической основой профилактики СЭВ может служить модель тренинга «Антивыгорание», разработанная нами для специалистов социально-культурного сервиса.

Управление синдромом эмоционального выгорания предполагает как самопомощь, так и внешнюю профессиональную помощь со стороны специалистов. В первом случае «выгорающим» сервисменам можно порекомендовать научиться не только распознавать характерные симптомы СЭВ, но и управлять ими. Для решения этой задачи необходимо овладеть широким спектром методов психической саморе-

гуляции и преодоления первых признаков эмоционального выгорания в условиях работы. Если же самопомощь окажется недостаточной, необходимо обратиться к профессиональному психологу.

Большой популярностью для предупреждения и преодоления СЭВ пользуются различные социально-психологические тренинги: индивидуальные тренинговые программы (программы, которые используются на уровне одной личности); групповые тренинговые программы – технологии, которые используются на уровне предприятия либо на уровне группы личностей.

В основу предлагаемой нами программы тренинга была положена модель психолого-педагогического тренинга для учителей, предложенная Н.В. Самоукиной [12. С. 111–117]. Основная его цель – снижение уровня профессионального выгорания у специалистов сферы социально-культурного сервиса.

Разработка программы тренинга осуществлялась на основе представления о трехмерной модели выгорания; подбирались техники, направленные на работу с эмоциональным истощением, деперсонализацией и редукцией персональных достижений.

Какими практическими навыками должен обладать специалист социально-культурного сервиса? Он должен быть эффективным во взаимодействии и общении относительно трех основных сфер своей профессиональной деятельности: 1) «Я – специалист в области сервиса» (профессиональная саморегуляция и личная психотехника); 2) «специалист – клиент» (диалоговое общение с каждым отдельным клиентом); 3) «специалист – учреждение сервиса» (взаимодействие с администрацией и коллегами по работе).

Сфера «Я – специалист в области сервиса» – это система навыков и внутренних приемов личной и профессиональной психотехники: умений эффективно «сбрасывать» напряжение и восстанавливать работоспособность, выработка способов гибкой перестройки в стремительно меняющихся коммуникативных ситуациях при общении с разными клиентами и доминировании позитивного отношения ко всем клиентам, стремление удерживать самого себя от несправедливых и неоправданно субъективных оценок.

В программе тренинга данный модуль включает приемы и техники, направленные на преодоление эмоционального истощения и восстановление эмоциональных ресурсов. Участники тренинга обучаются методам релаксации, техникам повышения позитивного эмоционального настроения, эмоциональной устойчивости.

В сфере «Специалист – клиент» первый должен обладать навыками диалогового общения с клиентами: правильно выбирать коммуникативную позицию, чувствовать ритмику разговора, владеть приемами «Я-сообщение», компромисса. Данный модуль тренинга нацелен на профилактику и преодоление деперсонализации и включает игры и

упражнения на развитие эмпатии, уменьшение негативных установок по отношению к клиенту.

В сфере «Специалист – учреждение сервиса» перед специалистом стоят задачи организации деловых отношений с директором сервисного предприятия, коллегами по работе, формирования своего авторитета.

Выполнение профессиональной деятельности в условиях строгой регламентации может обернуться для специалиста потерей собственной индивидуальности. С годами его представление о самом себе и своих человеческих желаниях как бы растворяется в профессиональных требованиях. Отсутствие возможностей свободного проявления индивидуальности и, по существу, «потеря собственного лица» чревата для специалиста нервными срывами, сокращением сугубо дружеских контактов с людьми, стойким ощущением «усталости от профессии».

Целью третьего модуля тренинга является повышение самооценки в сфере персональных достижений и обучение моделям преодолевающего поведения в профессионально трудных ситуациях.

Общая структура тренинга:

1. Вступительная часть: изучение и анализ ожиданий участников; разъяснение основной цели и задач тренинга; знакомство с принципами групповой работы (быть искренним и активным; не выносить за пределы группы обсуждаемые проблемы; говорить только от себя и своего имени; работать в группе, не пропуская ни одного занятия); анализ общего содержания тренинговой программы; знакомство участников тренинга.

2. Основные этапы социально-психологического тренинга: выполнение основных игр и упражнений в соответствии с темой модуля; групповая рефлексия после выполнения каждого упражнения (участники делятся чувствами, впечатлениями, мнениями, делая акцент на основных моментах выполнения упражнения, возникших трудностях при выполнении задания и т.д.).

3. Заключительный этап: анализ проведенного цикла занятий; оценка эффективности тренинга и устойчивости приобретенных новообразований.

Каждое индивидуальное занятие строится по следующему плану: введение (разминка), основная часть (информация о развиваемых умениях и навыках, упражнения и игры, направленные на обучение, формирование и развитие необходимых качеств; усвоение полученной информации и рефлексия) и заключение (подведение итогов занятия, осмысление проделанной работы, информация о направлении дальнейшей работы) [9. С. 147–152].

Оценка эффективности программы тренинга проводится как непосредственно после завершения цикла занятий, так и через некоторое время. В первом случае для оценки эффективности можно использо-

вать: самоотчеты участников тренинга, полученные в ходе тренинговых занятий; психодиагностические методики «Опросник МВІ» и «Диагностика уровня эмоционального выгорания», предъявляя их до начала цикла групповых занятий и после их завершения.

Практически большинство социально-психологических исследований указывает на эффективность применения тренинговых процедур для коррекции психических состояний личности, развития способностей, личностных качеств, умений и навыков. Таким образом, именно эти обстоятельства позволяют считать социально-психологический тренинг одним из эффективных методов профилактики и преодоления эмоционального выгорания (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Примерное содержание основного этапа тренинга «Антивыгорание» (по модулям)

Модуль 1	Игры и упражнения 2	Цель упражнения 3
Я – специалист в области сервиса	«Кто я и как я смотрю на других?» [7. С. 54]	Повышение точности межличностного восприятия
	«Хвастовство» [9. С. 201]	Создать условия для формирования навыков самораскрытия
	«Моя личность» [14. С. 74–79]	Создать условия для осознания специалистом особенностей своей личности, повысить внутренний интерес к самому себе
	«Проблема» [1. С. 21–22]	Снизить субъективную значимость личных проблем у участников группы
	«Плохо – хорошо» [12. С. 163]	Обучение участников группы умению видеть в плохом хорошее, не заикливаться на грустных мыслях и тяжелых переживаниях
	«Могло быть хуже» [12. С. 164]	Помогает держать себя «в форме» в трудных жизненных ситуациях, эффективно сбрасывать внутреннее напряжение и успокаиваться
	«Посмотри на себя глазами того, кто тебя любит» [7]	Активизация уверенности в себе, позитивного отношения к своей личности, достижение внутренней гармонии, преодоление депрессии
Специалист – клиент	«Клиент»	Формирование эмоционально-положительного отношения к клиентам
	«Первая встреча клиента» [11. С. 140–141]	Формирование умений организовать первую встречу клиента
	«Первое впечатление» [7. С. 54–55]	Формирование умений организовать первую встречу с клиентом
	«Комплимент» [11. С. 142]	Формирование умений устанавливать доверительные отношения с клиентом
	«Карусель» [9. С. 179–180]	Развить навыки эффективного общения, установления и окончания контакта с клиентом
	«Мой самый трудный клиент»	Развитие у специалистов эмоционально-положительного отношения к клиентам, организация обмена опытом между ними на предмет общения с трудными клиентами
	«Интонация» [12. С. 161]	Расширение диапазона коммуникативных возможностей специалистов в области сервиса

1	2	3
Специалист – учреждение сервиса	«Зеркало» [9. С. 187–189]	Научиться концентрировать внимание на партнере и на его невербальном языке
	«Продавец» [9. С. 202–203]	Развитие навыков убеждения
	«Выход из контакта» [7. С. 66]	Совершенствование коммуникативных способностей
	«Хочу – Могу – Надо» [12. С. 150]	Активизация и укрепление доверия к самому себе, к собственным желаниям и потребностям, развитие индивидуальности, расширение самосознания, поиск эффективного индивидуального стиля профессиональной деятельности
	«Мои коллеги» [12. С. 152]	Развитие средств эффективного общения специалиста с коллегами
	«Мой директор» [12. С. 153]	Развитие средств эффективного общения с директором сервисного предприятия
	«Диалог» (с начальником, коллегой) [7. С. 55–56]	Отработка умения активного слушания
	«Мой стиль в профессии» [12. С. 151]	Отработка средств и способов эффективного индивидуального стиля профессиональной деятельности
	«Заезженная пластинка»	Изучение метода ассертивной защиты своих прав

Результаты проведенного нами исследования могут быть использованы службами персонала сервисных предприятий в целях улучшения психологического здоровья специалистов и повышения эффективности их профессиональной деятельности. Кроме того, они могут применяться в психологическом консультировании специалистов сферы социально-культурного сервиса и служить основой для разработки личностно-ориентированных коррекционных программ.

Литература

1. Байард Р.Т., Байард Дж. Ваш беспокойный подросток. Практическое руководство для отчаявшихся родителей. М. : Просвещение, 2008. 208 с.
2. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 672 с.
3. Борытко Н.М. Пространство воспитания: образ бытия. Волгоград, 2000. 224 с.
4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб. : Питер, 2008. 336 с.
5. Ермаков С.В. Понятие педагогической деятельности в теории развивающего обучения : дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 1997. 177 с.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб. : Питер, 2004. 512 с.
7. Исаков В.В., Макаров Ю.В. Путь к успеху: психологические основы подготовки психологов-игротехников. СПб. : Школа практической психологии, 1995. 73 с.
8. Кондрашенко В.Т., Донской Д.И. Общая психотерапия: учеб. пособие. Минск : Вышэйшая шк., 1997. 464 с.
9. Михайлова Е.В. Самопрезентация: теории, исследования, тренинг. СПб. : Речь, 2007. 224 с.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1988. 750 с.
11. Рамендик Д.М., Солонкина О.В. и др. Психологический практикум. М. : Мастерство, 2002. 160 с.
12. Самоукина Н.В. Первые шаги школьного психолога. Психологический тренинг. Дубна : Феникс+, 2000. 192 с.
13. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : в 3 т. М., 1935. Т. 1. 1562 с.
14. Чернявская А.П. Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М. : Владос, 2001. 96 с.

THE MODEL OF DEVELOPMENT AND PREVENTION OF EMOTIONAL «BURN-OUT» SYNDROME AMONG THE SPECIALISTS OF SOCIAL AND CULTURAL SERVICE

Bobrovskaya A.N. (Volgograd)

Summary. The criterions and indexes of the emotional «burnout» syndrome, the regularities of its development among the specialists of socio-cultural services are analyzed in this article, and are results of empiric job according to diagnostic of the structural components and prevention of emotional “burnout” syndrome among specialists of the enterprises of restaurant service.

Key words: emotional «burnout» syndrome; development levels of emotional «burnout»; model of socio-psychological training course «Burnout Stop».

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ЛАТЕНТНАЯ ФАЗА АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ

В.А. Бардадымов (Москва)

Аннотация. Статья посвящена вопросу классификации стадий формирования аддиктивного поведения. Автор, опираясь на работы Ц.П. Короленко, выдвигает предложение о введении дополнительной категории «латентная фаза», настаивая на том, что именно «доначальный» этап зависимости может являться определяющим в формировании или отсутствии развития аддикции, и именно на этом этапе интервенция психолога является наиболее эффективной.

Ключевые слова: латентная фаза; этапы формирования аддикции; психоактивные вещества.

На данный момент существует достаточно большое количество описаний стадий возникновения аддиктивного поведения. Такие авторы, как Ц.П. Короленко и В.Ю. Завьялов [5], К. Агу [16], И.Н. Пятницкая [11], С.В. Березин [3] и многие другие, в своих работах описывают стадии возникновения зависимости, в основном опираясь на конкретные агенты. Однако формирование аддикции в целом происходит по схожему сценарию.

Рассмотрим на примере формирования алкоголизма этапы возникновения зависимости от ПАВ: 1-й этап – начальная адаптация к алкоголю (продолжается 1–3 месяца); 2-й этап – усвоение стереотипов алкогольного поведения (продолжается от 2–3 месяцев до 1 года); 3-й этап – психическая зависимость от алкоголя (длительность этапа от нескольких месяцев до 1,5 года); 4-й этап – физическая зависимость от алкоголя [5].

Более обобщённой классификацией этапов формирования зависимости является трёхступенчатая схема формирования химической аддикции:

1. *Стадия психического влечения к наркотику.* Осознанная или неосознанная потребность в употреблении ПАВ для снятия психического напряжения и достижения состояния психического комфорта. Выделяют 2 типа психической зависимости: позитивный (ПАВ применяется для достижения и поддержки субъективно приятного эффекта) и негативный (ПАВ – способ избавиться от пониженного настроения и плохого самочувствия).

2. *Стадия физической зависимости.* Под физической зависимостью понимается адаптивное состояние, которое проявляется интенсивными физическими расстройствами: психоактивный агент как бы «вплетается» в обмен веществ, и прекращение приёма ПАВ на этой стадии ведёт к различным функциональным расстройствам, характеризующим синдром абстиненции.

3. *Этап развития соматической патологии.* На данной стадии введение ПАВ не вызывает эйфорического эффекта, поэтому употребление необходимо лишь для снятия синдрома абстиненции. Кроме психических дефектов в виде негативных эмоционально-волевых расстройств, формируются также соматические дефекты в виде перерождения сердечной мышцы, паренхиматозных органов, изменений в ЦНС [15].

Таким образом, как мы видим, все существующие описания в целом сохраняют логику стадий: *адаптация; усвоение стереотипов аддиктивного поведения; возникновение психической зависимости; возникновение физической зависимости.* Стоит отметить, что зависимость от ПАВ и аффективные расстройства с позиции нейробиологических процессов рассматриваются как результат снижения выработки церебральных моноаминов [1. С. 27–32], т.е. имеет под собой конкретные нейробиологические изменения в организме. При этом влияние ПАВ на организм на уровне нейробиологических и биохимических процессов не происходит мгновенно, так как процессы интервенции веществ имеют латентный период действия на организм. «По своей величине латентный период может существенно меняться в зависимости от модальности и интенсивности раздражителя, от уровня сложности и автоматизированности реакции, от функциональной готовности нервной системы» [10].

Возможно, опираясь на факт задержки в реакции организма на психоактивные агенты, появилась другая классификация этапов, предложенная Ц.П. Короленко: к распространённой схеме добавляются также этапы, предшествующие непосредственной зависимости от вещества. Данная классификация строится на том, что в целом поведение, связанное с использованием того или иного вещества, может быть рассмотрено в трёх плоскостях.

1. *Употребление вещества* (культурно приемлемое использование того или иного вещества, не вызывающее видимых нарушений социального и биологического функционирования);

2. *Злоупотребление веществом* (нарушение выполнения биологических и социальных функций, приводящих к нарушению закона, возникновению социальных и межличностных проблем, возникновению ситуаций, опасных для жизни);

3. *Зависимость от вещества* (переключение основных интересов на поиск и употребление психоактивных веществ) [11].

На наш взгляд, именно первую стадию – фазу употребления – и можно назвать латентной в ракурсе развития или отсутствия перспективы перехода к аддиктивному поведению.

Стоит отметить, что в последнее время термин «латентная фаза», или «латентная стадия» употребления ПАВ, стал появляться в научном и научно-популярном обиходе. Так, например, «Справочная система методической поддержки учреждений социального обслуживания се-

мей и детей по вопросам профилактики злоупотребления психоактивными веществами (ПАВ)» [12] описывает латентную фазу как стадию скрытой аддикции. Е.А. Назаров [8] расширяет это понятие, принося в него смысл, близкий к пониманию Ц.П. Короленко. При этом Е.А. Назаров указывает на высокую значимость семьи в возникновении латентной стадии аддиктивного поведения. Исходя из этого, употребление ПАВ на начальном этапе рассматривается как способ ухода от семейных конфликтов и других психотравмирующих ситуаций семейного происхождения.

С.В. Березин и соавт. [3] также описывают латентную стадию аддиктивного поведения как тесно связанную с семьёй и семейной ситуацией в целом. При этом они понимают латентную стадию как прямую скрытую от других членов семьи. На наш взгляд, подобные подходы могут лишь претендовать на расширение описания самого понятия, не позволяя выделить четкие границы латентной стадии, в отличие от определения, предложенного Ц.П. Короленко, которое выделяет 2 критерия латентной стадии: культурную приемлемость и отсутствие явных нарушений функций организма человека. Таким образом, латентной фазой аддиктивного поведения следует называть этап культурно-приемлемого употребления ПАВ, не ведущий к нарушению социального и/или биологического функционирования. Латентная фаза зависимости может быть описана даже не столько как скрытая для ближайшего окружения, сколько как фаза доначального этапа, в который ещё не произошла адаптация организма к агенту зависимости. Период латентной фазы аддиктивного поведения зависит от самого ПАВ и физиологических особенностей организма и, на наш взгляд, может быть определён количеством и частотой употребления вещества (неодинаковых для различных типов агентов зависимости).

На основании вышесказанного можно выделить такие свойства латентной стадии аддиктивного поведения, как нерегулярность употребления ПАВ; культурная приемлемость употребления; скрытость аддиктивной реализации; отсутствие адаптации организма к приему ПАВ; отсутствие изменений структуры личности; отсутствие нарушений социальной адаптации; неопределенность дальнейшей динамики развития (переход к сформированной зависимости / прекращение употребления ПАВ).

Выделение «латентной фазы» аддиктивного поведения имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, так как момент перехода от употребления вещества к злоупотреблению является границей формирования зависимости. По утверждению О.В. Митиной, «хотя в течение жизни и возможны некоторые спады в употреблении тех или иных ПАВ, доминирующей тенденцией является все-таки рост» [7. С. 145]. Таким образом, диагностика «латентной фазы» зависимости должна проводиться наиболее тщательно, так как именно в

этот момент формируется аддиктивное поведение подростка и именно в этот момент интервенция со стороны специалистов является наиболее эффективной.

Проведённый нами анализ достоверности различий психологических характеристик личностей (критерий Kruskal-Wallis и Медианатест) на различных стадиях формирования зависимости, выделенных с помощью экспертной оценки 12 специалистов на основе анализа опросника «Анкета отношения к психоактивным веществам» [6. С. 29–30], позволил экспериментально подтвердить диагностическую значимость латентной стадии аддиктивного поведения и выделить следующие психологические характеристики подростков с различной степенью сформированности зависимости ($n = 183$; $p < [0,01; 0,05]$). *Наличие опыта употребления* проявляется в высокой значимости суверенности вещей и суверенности социальных связей («Суверенность психологического пространства» [9]), снижении уровня самоконтроля, снижении эмоционального контроля и эмоциональной комфортности («Пятифакторный опросник личности» [13]). *Латентная стадия* проявляется в сниженном самоконтроле, сниженной сознательности поведения и ответственности, привлечении внимания со стороны окружающих («Пятифакторный опросник личности» [13]), склонности к избеганию в стрессовых ситуациях («Шкала SACS» [4]). *Сформированная зависимость* проявляется в расхождении реального и идеального Я («Шкала аутентичности личности» [2]), снижении уровня самоконтроля, выраженном в привлечении внимания («Пятифакторный опросник личности» [13]), применении избегания как превалирующей стратегии совладания со стрессом, проявлении агрессивности в проблемных ситуациях («Шкала SACS» [4]), важности причастности к социальным группам («Тест самоотношения» [14]).

Литература

1. Анохина И.П. Биологические механизмы зависимости от психоактивных веществ // Вопросы наркологии. 1995. № 2. С. 27–32.
2. Бардадымов В.А. Аутентичность личности подростков с латентной стадией аддиктивного поведения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М. : МГППУ, 2009. 27 с.
3. Березин С.В., Лисецкий К.С., Серебрякова М.Е. Семейные предпосылки подростковой и юношеской наркомании. Самара : Универс-групп, 2004. 50 с.
4. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб. : Питер, 2009. 336 с.
5. Короленко Ц.П., Завьялов В.Ю. Личность и алкоголь. Новосибирск : Наука, 1987. 170 с.
6. Курилович С.А. Применение скрининговых методов в раннем выявлении злоупотреблений алкоголем // Наркомании и токсикомании у несовершеннолетних и молодёжи. Новосибирск : СО РАМН, 2005. С. 29–30.
7. Митина О.В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений // Экспериментальная психология. 2008. №1. С. 145.
8. Назаров Е.А. Наркотическая зависимость и созависимость личности в семье : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2000. 25 с.

9. *Нартова-Бочавер С.К.* Опросник «Суверенность психологического пространства» – новый метод диагностики личности // Психол. журн. 2004. Т. 25, № 5. С. 77–79.
10. *Психологический словарь*. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/psihologic/933>, 2000.
11. *Пятницкая И.Н.* Наркомания: Руководство для врачей. М. : Медицина, 1994. 544 с.
12. *Справочная система методической поддержки учреждений социального обслуживания семей и детей по вопросам профилактики злоупотребления психоактивными веществами (ПАВ)*. URL: <http://www.antidrug.ru/catalog/glossaryantidrug.htm>, 2008.
13. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности : учеб.-метод. пособие. Курган : Курганский гос. ун-т, 2000. 23 с.
14. *Энциклопедия психологических тестов: Общение. Лидерство. Межличностные отношения*. М. : АСТ, 1997. 304 с.
15. *Этапы формирования зависимости от наркотических веществ*. URL: <http://narcomania.com/new/index.php>, 2006.
16. *Aru K.* Cross-study comparisons of selfreported alcohol consumption in four clinical groups // Am. J. Psychiatric. 1972. Vol. 138. P. 445–449.

USING PSYCHOACTIVE SUBSTANCES AS A LATENT PHASE OF ADDICTIVE BEHAVIOR

Bardadymov V.A. (Moscow)

Summary. The article is devoted to the classification of addictive behavior phases. The author relying on Korolenko's ideas suggests using one extra category "the latent phase of addiction". He insists on the idea that usage of psychoactive substances is the most important period in the forming of addiction. He mentions that psychologist's work at this period is most effective for preventing addiction development.

Key words: latent phase; phases of addictive behavior; psychoactive substances.

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ ЧУВСТВА ВИНЫ

Р.В. Кадыров, О.М. Манхаева (Владивосток)

Аннотация. Представлен анализ результатов исследования гендерных различий переживания чувства вины.

Ключевые слова: чувство вины; вина-состояние; вина-черта; гендерные различия.

Рост интереса к изучению чувства вины связан как с множеством белых пятен в концептуальном поле данного феномена, так и с потребностью в прикладных исследованиях. Чувство вины занимает прочное место в ряду понятий житейской психологии и уже несколько десятилетий исследуется западными психологами. Однако в отечественной науке работы, посвященные этому вопросу, можно встретить крайне редко [5].

В частности, до настоящего времени практически отсутствуют эмпирические исследования, посвященные гендерным различиям переживания чувства вины. Единственной попыткой исследовать особенности переживания чувства вины мужчинами и женщинами был анализ имплицитных представлений, проведенный И.А. Белик (2006), который основывался на результатах авторской методики, разработанной по аналогии с общеизвестным методом незаконченных предложений. И.А. Белик считает, что ситуации, провоцирующие переживание чувства вины как у женщин, так и у мужчин, связаны со стереотипным представлением о «женском» (заботливая и любящая мать, подруга, жена) и «мужском» поведении (главенствующая роль мужчины в социуме) [2].

Существует определенная сложность психодиагностики эмоциональной сферы, в частности, такого эмоционального состояния, как чувство вины. Это связано с недостаточностью психологического инструментария. Создание эффективных психодиагностических и исследовательских методов способно обеспечить получение новых данных об эмоциональном состоянии. С учетом этого была разработана анкета оценки переживания чувства вины, которая получила название «Ситуационный анализ чувства вины».

Авторы выдвинули исследовательскую гипотезу о существовании гендерных различий в переживании чувства вины.

Материалы и методы исследования

С целью изучения гендерных различий переживания чувства вины было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 170 испытуемых (86 мужчин и 84 женщины) в возрасте от 20 до 50 лет.

Респонденты были разделены на 2 группы, сформированные по однотипным возрастным (средний возраст от 33–35 лет) и образовательным критериям (24% респондентов обеих групп имеют среднее образование – преимущественно рабочие; 26% – среднее специальное – младший медперсонал, учителя, военнослужащие; 27% – неоконченное высшее – студенты высших учебных заведений; 23% – высшее образование – специалисты в различных сферах деятельности, преимущественно руководители).

Анкета

«Ситуационный анализ чувства вины»

Вспомните 7 событий из вашей жизни, после которых Вы испытывали чувство вины. Сокращенно впишите данные события в выданный Вам бланк. В первой графе напротив каждого события поставьте балл (по 7-балльной шкале), соответствующий силе переживания чувства вины за данное событие. Во второй графе поставьте напротив каждого события приблизительный период времени, в течение которого Вы переживали чувство вины за данную жизненную ситуацию. В третьей графе напротив каждого события поставьте приблизительно Ваш возраст, в котором произошла данная ситуация. В последующих столбцах Вы должны на пересечении каждого события и сферы (см. табл. 1), на которую как-либо повлияло переживание чувства вины за это событие, поставить: «–», если чувство вины за данное событие отрицательно повлияло на данную сферу; «0» – никак не повлияло; «+» – положительно повлияло на данную сферу.

Таблица 1

Ситуационный анализ чувства вины

	События жизни	Сила переживания чувства вины (1–7 баллов)	Длительность переживания чувства вины		Возраст		На мое здоровье		На мою психику		На сексуальную сферу		На взаимоотношения в семье		На взаимоотношения со всеми окружающими		На мою репутацию		На отношение к подобным ситуациям		На мои моральные принципы и отношения с законом		На взаимоотношения с людьми, которые участвовали в данном событии		На работу, учебу (профессиональное развитие)		На личностное и духовное развитие		На всю мою жизнь в целом	

Методы исследования:

1. «Опросник вины» (*Guilt Inventory*) К. Куглера, У. Джонса (1991) [2, 3], позволяющий наиболее полно измерить конструкт вины, т.к. объединяет три ее составляющие:

– вину-состояние – временное (текущее) эмоциональное состояние, переживаемое в данный момент, за совершаемый или недавно совершенный проступок;

– вину-черту – устойчивую личностную характеристику, которая связана с наличием сожаления, желания исправить свои ошибки, ненависти к себе;

– моральные нормы – данная личностная характеристика скорее отражает приверженность к ценностям и нормам, нежели вину как эмоцию.

2. *Опросник агрессивности Басса – Дарки* [1], позволяющий выявить виды агрессивных и враждебных реакций испытуемого (физическую агрессию; вербальную агрессию; косвенную агрессию; негативизм; раздражение; подозрительность; обиду), а также представляющие в данном исследовании наибольший интерес *аутоагрессию или чувство вины*.

2. *Анкета «Ситуационный анализ чувства вины»*, позволяющая выявить у испытуемых склонность к воспоминаниям ситуаций, связанных с переживанием чувства вины, интенсивность (силу) и длительность переживания чувства вины. Также можно установить, положительно или отрицательно повлияло переживание чувства вины за какие-либо ситуации на различные сферы жизнедеятельности: на здоровье, психику, сексуальную сферу, взаимоотношения с окружающими и т.д. Помимо этого, ситуационный подход к сбору эмпирических данных при изучении чувства вины позволяет выявить, какие жизненные ситуации чаще всего вызывают у испытуемых чувство вины.

Для выявления статистически значимых различий в уровне исследуемого признака использовался U-критерий Манна – Уитни [6].

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного нами математического анализа по всем использованным методам были выявлены достоверные различия в показателях, отражающих переживание чувства вины (табл. 2).

В показателях «вина-состояние» и «вина-черта» опросника К. Куглера, У. Джонса респонденты в группе женщин набрали большее количество баллов по обоим шкалам. Это говорит о том, что женщины в большинстве своем чаще мужчин испытывают дисфорическое чувство, которое возникает у людей, нарушающих личные моральные принципы или социальные нормы.

Анализ выявил также гендерные различия в показателях по шкале «чувство вины» личностного опросника А. Басса и А. Дарки (см. табл. 2). Респонденты в группе женщин набрали большее количество баллов по

данной шкале. Это говорит о том, что женщины в большинстве своем чаще мужчин выражают убеждение в том, что являются плохими людьми, поступают зло, а также испытывают угрызения совести.

Таблица 2

Оценка степени однородности переживания вины по всем методикам эмпирического исследования в группах мужчин и женщин

№ п/п	ПОКАЗАТЕЛИ	U	Z	p
I. Чувство вины по опроснику К. Куглер, У. Джонс				
1	Вина-состояние	2753,000	-2,67983	0,004**
2	Вина-черта	2536,500	-3,35342	0,000***
II. Чувство вины по опроснику А. Басс и А. Дарки				
3	Чувство вины	2172,000	-4,53629	0,000***
III. Авторская анкета «Ситуационный анализ чувства вины»				
1. Переживание и влияние чувства вины на различные ситуации жизнедеятельности				
4	Интенсивность (сила) переживания чувства вины	2640,000	-3,04241	0,002**
5	Длительность переживания чувства вины	2438,000	-3,66576	0,000***
6	На мое здоровье повлияло отрицательно	2754,000	-2,92257	0,002**
7	На мою психику повлияло отрицательно	2733,500	-2,82700	0,002**
8	На мою репутацию повлияло отрицательно	2999,000	2,03139	0,021*
9	На взаимоотношения с людьми, которые участвовали в данном событии, повлияло отрицательно	2858,500	2,46021	0,007**
10	На всю мою жизнь в целом повлияло положительно	3087,000	-2,01349	0,022*
2. Встречаемость воспоминаний ситуаций, по поводу которых возникает чувство вины				
11	Ситуации, связанные с нарушением закона	3087,500	2,66130	0,004**
12	Ситуации, связанные с зависимостями, вредными привычками	3279,000	2,17973	0,014**
3. Интенсивность переживания чувства вины				
13	Ситуации, связанные с семьей, родными, близкими	2645,000	-3,03955	0,001***
14	Ситуации, связанные с нарушением закона	2976,500	3,11410	0,000***
15	Ситуации, связанные с зависимостями, вредными привычками	3291,000	2,09889	0,014**
4. Длительность переживания чувства вины в различных ситуациях				
16	Ситуации, связанные с переживанием за собственные личностные качества	3176,500	-1,73649	0,041*
17	Ситуации, связанные с семьей, родными, близкими	2462,500	-3,60087	0,000***
18	Ситуации, связанные с нарушением закона	2992,500	3,03525	0,001***
19	Ситуации, связанные с нарушенным взаимодействием в социуме	2810,000	-2,50828	0,006**
20	Ситуации, связанные с зависимостями, вредными привычками	3292,500	2,08895	0,018**

Примечание. U – значение критерия Манна – Уитни; Z – значение критического числа; p – уровень отвержения гипотезы на однородность; * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Достоверные гендерные различия обнаружены и в показателях анкеты «Ситуационный анализ чувства вины» (см. табл. 2).

Женщины, в отличие от мужчин, интенсивно и длительно переживают чувство вины. Они считают, что переживание чувства вины в различных ситуациях положительно влияет на взаимоотношения в семье и на всю их жизнь в целом, а отрицательно это чувство влияет на здоровье и психику. Мужчины же не находят, что переживание чувства вины может положительно влиять на какую-либо из предложенных сфер. В большинстве своем они полагают, что переживание чувства вины в различных ситуациях может отрицательно сказаться на их репутации и на взаимоотношениях с людьми, участвовавшими в событиях, за которые в последующем возникает чувство вины.

Анализируя данные частоты встречаемости ситуаций, по поводу которых возникает чувство вины (см. табл. 2), можно сделать вывод, что мужчины в большинстве своем при переживании чувства вины вспоминают ситуации, связанные с нарушением закона (угнал мотоцикл, избил человека и др.), какими-либо вредными привычками (курение, употребление спиртного и др.) либо зависимостями (наркотики, игромания и др.). Интенсивность переживаний чувства вины у них сильнее, чем у женщин.

Респонденты же из группы женщин интенсивнее переживают чувство вины по поводу ситуаций, связанных с семьей, родными, близкими (не слушалась родителей и др.), а также по поводу ситуаций, связанных с нарушенным взаимодействием в социуме (обман, ссора, предательство и др.).

Кроме того, было установлено, что мужчины, в отличие от женщин, как и в случае с интенсивностью, наиболее длительно переживают чувство вины по поводу ситуаций, связанных с зависимостями, вредными привычками, а также с нарушением закона. Женщины длительно, чем мужчины, переживают чувство вины по поводу ситуаций, связанных с семьей, родными, близкими и с нарушенным взаимодействием в социуме, а также по поводу ситуаций, связанных с переживанием за собственные личностные качества (ленивая, грубая, несправедливая и др.).

Обсуждение результатов и выводы

Переживая чувство вины, женщины, в отличие от мужчин, чаще выражают свое убеждение в том, что являются плохими, поступают зло, испытывают угрызения совести и дисфорическое чувство, которое возникает у них, когда они нарушают личные моральные принципы или социальные нормы.

То, что женщины оказались более чувствительными к нарушению моральных принципов и социальных норм, на наш взгляд, отражает известную, хотя и не бесспорную гендерную закономерность: женщина рассматривается как эмпатийная, эмоциональная, чувствительная, «совестливая» [4], склонная идти на компромиссы, часто в обход собственных интересов, при этом испытывать сильное чувство вины [8–11].

К тому же у женщин в различных ситуациях чувство вины положительно влияет на взаимоотношения в семье и на всю жизнь в целом, а отрицательно – на здоровье и психику. Учитывая эти результаты, можно объяснить большую выраженность у женщин склонности размышлять на темы морали с точки зрения «этики заботы» [12], т.е. она ориентирована на заботу о другом человеке и самоотречение, что негативно сказывается на ее психическом здоровье. Это подтверждается более интенсивным и длительным, чем у мужчин, переживанием чувства вины по поводу ситуаций, связанных с семьей, родными, близкими и с нарушенным взаимодействием в социуме.

Мужчины же, в отличие от женщин, не находят, что переживание чувства вины может положительно влиять на какую-либо из предложенных в исследовании сфер жизнедеятельности. Они считают, что это чувство отрицательно влияет на их репутацию и на взаимоотношения с людьми, по отношению к которым его испытывают. Это позволяет предположить, что на возникновение чувства вины влияют моральные гендерные стереотипы, которые отражают существующие в обществе представления о должном поведении мужчины, ориентированного на карьеру и успех, вынужденного прибегать к агрессии, чтобы выжить в мире жестокой конкуренции, защитника прав других людей. Так, еще К. Юнг [7] неоднократно подчеркивал фундаментальную асимметрию в принципах описания и критериях оценки мужчин и женщин. Мужчина всегда трактуется как активное и культурное начало, а женщине отводится пассивная роль.

Мужчины наиболее интенсивно и длительно переживают чувство вины по поводу ситуаций, связанных с зависимостями и вредными привычками, а также по поводу ситуаций, связанных с нарушением закона. Возможно, это объясняется тем, что соблюдение закона и негативное отношение к вредным привычкам являются внешним критерием оценки социальной успешности со стороны общества.

Полученные результаты ставят целый ряд проблем, нуждающихся в детальной проработке. Так, необходимо изучить вопрос о роли самоуважения и самооценки в «буферизации» развития чувства вины по поводу своих действий в различных ситуациях жизнедеятельности. Необходима также проверка наших предположений на других разновозрастных и профессиональных группах респондентов, что подтвердит репрезентативность полученных данных. В связи с реформированием уголовно-исполнительной системы России является актуальным изучение влияния судебной оценки поведения индивида на формирование у него чувства вины. Самый интересный и практически значимый аспект исследований в данном направлении, на наш взгляд, – это вопрос об условиях и характере влияния осознания личного вклада на формирование чувства вины, на развитие личности и о том, каковы детерминанты этого влияния.

Литература

1. Батаршев А.В. Темперамент и характер: психологическая диагностика. М. : ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. 336 с.
2. Белик И.А. Чувство вины в связи с особенностями развития личности : автореф. ... дис. канд. психол. наук. СПб., 2006. 24 с.
3. Ильин Е.П. Психология общения и межличностных отношений. СПб. : Питер, 2009. 576 с.
4. Ильин Е.П. Эмоции и чувства : учеб. пособие. СПб. : Питер, 2001. 749 с.
5. Манхаева О.М. Теоретико-эмпирическое обоснование феномена «чувство вины» с точки зрения развития личности // Образование и саморазвитие. Казань : Центр инновационных технологий, 2010. № 6 (22). С. 221–227.
6. Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных : учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. СПб. : Речь, 2008. 392 с.
7. Юнг К.Г. Аналитическая психология. СПб., 1994. 136 с.
8. Ferguson T.J., Susan L.C. Gender Differences in the Organization of Guilt and Shame // Sex Role: A Journal of Research. 1997. Vol. 37, № 1–2. P. 19–44.
9. Gilligan C. In a different voice: Psychological Theory and Women's Development. Harvard University Press, 1993. 216 p.
10. Lyubomirsky S., Nolen-Hoeksema S. Self-perpetuating properties of dysphonic rumination // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65, № 2. P. 339.
11. Tangney J.P., Dearing R.L. Gender differences in morality // The psychodynamics of gender and gender role. Empirical studies in psychoanalytic theories / ed. by R.F. Bornstein, J.M. Masling. Washington, DC, US : American Psychological Association, 2002. P. 251–269.
12. Tavris C. The mismeasure of woman: why women are not the better sex, inferior or opposite sex. N.Y. : Simon & Schuster, 1992. P. 80.

GENDER DIFFERENCES IN FEELINGS OF GUILT

Kadyrov R.V., Manhaeva O.M. (Vladivostok)

Abstract. An analysis of the results of the work on the study of gender differences in feelings of guilt.

Key words: guilt; state guilt; guilt characterizing the personality; gender differences.

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АВИАЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

Е.Н. Лысакова (Москва)

Аннотация. Статья представляет собой историко-психологический анализ авиационной психологии как отрасли психологической науки. Автор рассматривает особенности каждого этапа становления отечественной авиационной психологии. Делается вывод о главных детерминантах ее развития: 1) логике становления отечественной психологии; 2) техническом прогрессе в авиации.

Ключевые слова: авиационная психология; военно-авиационная психология; «человеческий фактор» в авиации; обучение летчиков; личность авиатора.

Современная авиация представляет собой единую оборонно-транспортную систему, безопасное функционирование которой во многом определяется профессиональной и психологической надежностью авиатора. Так, по данным Межгосударственного авиационного комитета (МАК), в 2011 г. произошло 39 авиационных происшествий, из них 23 события – по причине «человеческого фактора», по 10 инцидентам расследование продолжается (www.mak.ru). Авиационная психология наряду с авиационной медициной и авиационной педагогикой вносит существенный вклад в понимание закономерностей всех видов трудовой деятельности летчиков, представителей штурманской и инженерной служб, аэродромного обеспечения, руководителей полетов, диспетчеров, а также обучающихся по данным направлениям. Безусловно, основной специальностью является летная как системообразующая и самая опасная. Вот почему большинство исследований в авиационной психологии посвящено летной деятельности и личности летчика [1–9].

Подводя определенный итог развитию авиационной психологии на протяжении столетнего периода (1912–2012 гг.), руководствуясь принципом единства истории и методологии (история научного познания составляет основу методологического анализа), выдвинутым М.Г. Ярошевским [10], рассмотрим исторический путь авиационной психологии в соответствии с основными этапами ее становления.

1. Зарождение авиационной психологии (начало XX в. – 1920-е гг.)

Главным фактором, определяющим социальный заказ на психологические исследования, стало появление военной авиации как перспективного средства ведения боевых действий. На первый план в этой связи была выдвинута задача подготовки профессиональных кадров. С 1910 г. начались практические мероприятия по подготовке летных

кадров в русской армии, а с 1909 по 1913 г. действовала программа подготовки наших летчиков во Франции.

12 августа 1912 г. по военному ведомству издается приказ № 397, в соответствии с которым вводится в действие штат воздухоплавательной части Главного управления Генерального штаба – основного органа управления, ведавшего вопросами применения и технического (тылового) обеспечения авиации. Этим приказом официально было заявлено о создании военной авиации в России. В 1912 г. Севастопольская и Гатчинская авиационные школы подготовили 101 летчика, а в 1913 г. – 117 летчиков [6].

При осуществлении специально организованного образовательного процесса потребовались документы по методике обучения летчиков. К первому такому пособию следует отнести «Памятку летчику», составленную Е.В. Рудневым – инструктором Гатчинской авиашколы – и изданную в 1912 г. Известны и другие методические работы – брошюра военного летчика войскового старшины В.М. Ткачева «Материал по тактике воздушного боя» (1914), «Тип аппарата истребителя» капитана Е.Н. Крутеня (1917) и др.

Многие периодические издания того времени печатали материалы самоотчетов летчиков-методистов. Например, газета «Московский листок» от 8 июня 1914 г. опубликовала сообщение П.Н. Нестерова о впечатлениях от полетов на различных самолетах. Газета «Утро России» от 21 мая 1914 г. поместила статью Н.Н. Нестерова о «мертвых петлях» и т.д.

В соответствии с приказом № 481 по военному ведомству от 11 октября 1911 г. была введена врачебно-летная экспертиза для службы на аэропланах и аэростатах. Немногим ранее в журнале «Русский спорт» (1911. 25 сент.) сообщалось о решении Военного совета установить возрастной ценз для офицеров воздухоплавательных частей. Для летающих на аэростатах предельный возраст составил 58 лет, для летающих на аэропланах – 45 лет. Причем «состояние здоровья офицеровских чинов, летающих на аэропланах, должно быть по достижении ими 35-летнего возраста исследуемо в особой комиссии через каждые два года» [2. С. 60]. Военные психиатры Г.Е. Шумков и В.В. Абрамов неоднократно публиковали научные данные по вопросам медико-психологического отбора в авиацию. Установлено, что впервые термин «психология авиации» был введен профессором В.Н. Образцовым в статье «Победа над страхом», опубликованной в журнале «Заря авиации» в июле 1916 г. [2. С. 85].

Таким образом, 1912 г. стал важной вехой в истории военной авиации, которую можно считать годом рождения авиационной психологии. Мы считаем, что военно-авиационная психология является спецификой авиационной психологии и ее генетической основой. Первые открытия и научно обоснованные выводы психологического обеспече-

ния авиации сделаны военными специалистами: летчиками, врачами, психологами, психофизиологами.

Итак, содержанием этапа зарождения авиационной психологии стало решение следующих практических задач: разработка системы профессионального отбора на летную профессию; обоснование психологических качеств, обеспечивающих летчику успех при выполнении боевых задач; апробация методов обучения, ориентированных на развитие летных способностей. Теоретическая основа авиационной психологии еще не сложилась.

2. Оформление авиационной психологии в 20–30-е гг. XX в.

20–30-е гг. XX в. – новый этап в развитии авиационной психологии, когда осуществлялись интенсивные научно-исследовательские работы по физиологии летного труда, психотехнике, рефлексологии. Изучались, прежде всего, профессиональные особенности лиц летно-подъемной службы (труды С.Е. Минца, И.Н. Шпильрейна, С.Г. Геллерштейна, А.В. Раевского, Н.М. Добровольского, А.Н. Нечаева, А.К. Гастева, К.К. Платонова, А.Д. Архангельского, Л.М. Шварца, Г.Д. Лукова и др.).

В 1924 г. была организована Центральная психофизиологическая лаборатория Военно-Воздушных Сил СССР – первая в Красной Армии. Психофизиологические лаборатории были открыты во всех школах ВВС и военных округах.

В 1936 г. К.К. Платоновым было издано первое в авиации учебное пособие «Конспект курса психологии», где рассматривался широкий круг вопросов обучения и воспитания летчиков. В 1948 г. вышло в свет написанное К.К. Платоновым еще в 1937 г. в соавторстве с Л.М. Шварцем и позднее дополненное материалами военных лет учебное пособие «Очерки психологии для летчиков».

Психофизиолог Я.Ф. Самтер в 1931 г. в авиашколе г. Батайска организовал первую лабораторию в гражданском воздушном флоте по изучению летного обучения и летного труда, в том числе работоспособности летчиков старшего возраста.

В конце 1930-х гг. усилилась идеологизация советской науки и, как следствие, психофизиологические лаборатории и филиал Института авиационной медицины, организованный на базе 1-й Качинской авиашколы, были расформированы. Тем не менее научно обоснованное оформление профессионального отбора и психологической подготовки летчиков состоялось.

В 1920–1930-е гг. авиационная психология пережила и подъем, и репрессии, в итоге была сформулирована новая программа развития в соответствии с методологией диалектического материализма на основе деятельностного, системного и личностно-ориентированного подходов

к пониманию формирования, развития психологии авиаторов и авиационных коллективов.

3. Развитие авиационной психологии в годы Великой Отечественной войны и во второй половине XX в.

В период Великой Отечественной войны, несмотря на разобщенность психологических сил, авиационная психология приобрела богатый опыт практического решения задач боевой подготовки. Четко определилась тематика формирования и развития личности авиаторов, решались психологические проблемы, связанные с глубинным и ночным зрением, утомляемостью летного состава в ходе боевых действий.

В этот период в авиации индивидуальный подход при оценке годности к летной службе начал пониматься как личностный подход, который предполагал знание особенностей личности летчика, его мотивационной и смысловой сферы. Такой подход был применен к легендарному летчику А.П. Маресьеву, успешно вернувшемуся в строй после ампутации обеих ног в области голени вследствие гангрены.

С началом освоения реактивных летательных аппаратов были проведены дальнейшие фундаментальные исследования в области психологии летного обучения, результаты которых представлены в работах: М.Ф. Пешковского «Основы методики летного обучения» (1945), К.К. Платонова, Л.М. Шварца «Очерки психологии для летчиков» (1948), Г.Г. Голубева «Вопросы методики летного обучения» (1953), К.К. Платонова «Психология летного труда» (1960), Н.А. Игнатова «Основы авиационной психологии» (1961), К.К. Платонова «Авиационная психология» (1963), Б.Ф. Ломова «Человек и техника» (1963), А.В. Анохина «Основы авиационной психологии» (1970), А.А. Крылова «Человек в автоматизированных системах управления» (1972), Б.Л. Покровского «Летчику о психологии» (1974) и др.

Эксплуатация реактивных самолетов требовала изучения действия на организм и психику человека стратосферных полетов и полетов на предельно малых высотах с большими скоростями, сверхзвуковых скоростей, многочасового пребывания в кабине и т.д. В 1960–1970-е гг. произошло сближение авиационной и инженерной психологии по вопросам психологической оценки конструктивных особенностей самолетов, авиационного оборудования и приборов: исследования К.К. Платонова, Б.Ф. Ломова, Ю.П. Добровольского, Н.Д. Заваловой, В.А. Пономаренко и др. Важным итогом в развитии авиационной (военно-авиационной) психологии стало обоснование следующих теорий: образа полета; активного оператора; совмещенной деятельности; тренажерного обучения.

В период 1960–1980 гг. разработаны и наполнены конкретным содержанием такие фундаментальные категории авиационной психо-

логии, как «летные способности» (К.К. Платонов, В.А. Пономаренко, А.А. Ворона, Д.В. Гандер, С.Г. Мельник, Б.Л. Покровский и др.), «обучение летчиков, переучивание на новую авиационную технику» (П.А. Корчемный, И.Ф. Выдрин, П.В. Картамышев, Р.Н. Макаров, Н.Ф. Феденко и др.), «психологическое обеспечение безопасности полетов» (К.К. Платонов, В.Т. Юсов и др.).

В 1975 г. в авиации Северо-Кавказского военного округа была создана штатная психологическая служба, которую возглавил военный летчик 1-го класса Д.В. Гандер. В это же время рассматривался вопрос об организации единой психологической службы в ВВС (В.А. Бодров, Л.П. Гримак, В.А. Пономаренко, Б.Л. Покровский, Д.В. Гандер, В.Т. Юсов). Психологическая служба в авиации была создана только в 90-е гг. XX в.

4. Современный этап становления авиационной психологии

В настоящее время в авиационной психологии получили дальнейшее развитие объяснительные принципы деятельностного [6, 9], системного [1, 7] и личностно-ориентированного подходов [1, 3, 4, 6], обоснована феноменологическая методология [8] и технология CRM (управление ресурсами экипажа). Следовательно, имеют место тенденции, характеризующие современное состояние психологической науки в целом – интеграция школ и направлений, нарастание объема прикладных разработок.

Гуманитарные основы летной профессии определены В.А. Пономаренко [7]. Категории «духовность» и «нравственность» рассматриваются как неотъемлемые черты психологии специалиста опасной профессии. Раскрывая понятие человеческого фактора в авиации, В.А. Пономаренко указывает, что ядром психологической составляющей данного фактора является личность человека летящего.

Учет психологических и педагогических закономерностей в совершенствовании всех видов военно-авиационной деятельности в интересах профилактики авиационной аварийности (предотвращении летных происшествий) осуществлен в работах В.Т. Юсова. В результате психолого-педагогическое обеспечение полетов и их безаварийного выполнения представлено как специфический, относительно самостоятельный вид военно-авиационной деятельности [9].

В основе психологической подготовки к боевым действиям, как считает П.А. Корчемный [3], лежит совершенствование личностных и развитие профессионально важных для боя качеств, приобретение опыта успешных действий в моделируемых экстремальных условиях полета. Автор определяет психологическую готовность как состояние личности, психологическую устойчивость как свойство личности.

Центральная проблема исследований Д.В. Гандера – психологическое обеспечение летного обучения, развитие личности профессио-

нала в условиях летного обучения. Автором [1] разработаны общие дидактические принципы летного обучения, дано теоретическое и практическое обоснование положения о функциях и задачах психологической службы в авиации, получил теоретическое обоснование и эмпирическое подтверждение личностно-ориентированный подход в обучении и воспитании летного состава.

Существенный вклад в развитие авиационной психологии внес Ю.К. Стрелков [8], исследовавший психологическое содержание штурманского труда в гражданской авиации, в итоге раскрыты психологические феномены профессиональной деятельности данных специалистов, обоснованы методы обучения принятию решений, проведен обзор актуальных направлений развития зарубежной авиационной психологии.

Н.Д. Лысаков [4] провел психологический анализ особенностей развития личности военного летчика на всех этапах профессионализации, определил новообразования личности воспитанников общеобразовательных школ-интернатов с первоначальной летной подготовкой, курсантов, строевых летчиков, летчиков-испытателей и ветеранов авиации.

Прикладные направления авиационной психологии в настоящее время следующие: психологическая работа в системе морально-психологического обеспечения боевых действий авиации и CRM (Crew Resource Management) – технология управления ресурсами экипажа, определяемая нормативами Международной организации гражданской авиации (ИКАО). Ее назначение – обеспечение точного и безошибочного взаимодействия в экипаже и учет проявлений «человеческого фактора» в конкретной рабочей среде.

Актуальные теоретические и практические задачи авиационной психологии:

- обоснование методов сбалансированной подготовки летчика на тренажере и в реальном полете;
- разработка методов формирования готовности летчика к внезапному (в случае отказа автоматизированной системы управления) переходу с автоматического на «ручной» и полуавтоматический режимы управления;
- введение современной системы психологического отбора абитуриентов с прогнозированием личностного развития в авиационной профессии;
- внедрение на всех этапах профессионализации личностно-ориентированных методов обучения и воспитания, нацеленных на развитие у авиаторов способности к принятию ответственных и творческих решений;
- изучение психологических закономерностей совместной деятельности специалистов различных авиационных служб;
- критическое осмысление взаимовлияния отечественной и зарубежной авиационной психологии;

– совершенствование методов психологической работы в системе морально-психологического обеспечения боевых действий авиации.

Однако развитие авиационной психологии характеризуется рядом противоречий. Например, реально функционирует психологическая служба, но специалисты не объединены организационно. Недостаточно активно внедряются рекомендации психологических исследований. Авиационную психологию преподают в соответствующих учебных заведениях в узком прикладном масштабе.

В итоге историко-психологического анализа можно выделить существенные факторы, определяющие динамику, сущность и содержание этапов развития отечественной авиационной психологии: 1) логика становления отечественной психологии, связанная с поиском предмета, методов исследования, перестройкой методологических оснований; 2) технический прогресс в авиации.

Технический прогресс в авиации нацелен на освоение космического пространства. Возможно, это главное направление развития авиационной психологии в XXI в. и очередной этап ее истории.

Литература

1. Гандер Д.В. Авиационная психология. М. : Воентехиниздат, 2010.
2. К истории отечественной авиационной психологии. Документы и материалы / под ред. К.К. Платонова. М. : Наука, 1981.
3. Корчемный П.А. Психологическая подготовка летчика к полетам. Монино : ВВА, 1982.
4. Лысаков Н.Д. Психологическое обеспечение формирования и развития личности военного летчика: теория и практика. Монино : ВВА, 2002.
5. Лысакова Е.Н. История и методология военно-авиационной психологии. Монино : ВВА, 2008.
6. Платонов К.К., Гольдштейн Б.М. Основы авиационной психологии. М. : Транспорт, 1987.
7. Пономаренко В.А. Психология духовности профессионала. М., 1997.
8. Стрелков Ю.К. Психологическое содержание штурманского труда в авиации : дис. ... д-ра психол. наук. М. : МГУ, 1992.
9. Юсов В.Т. Психолого-педагогические аспекты обеспечения безаварийности полетов (предотвращения летных происшествий) в авиационных частях. М. : Воениздат, 1993.
10. Ярошевский М.Г. История психологии. М. : Мысль, 1985.

STAGES OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN AVIATION PSYCHOLOGY

Lysakova E.N. (Moscow)

Summary. The article contains historical and psychological analysis of aviation psychology as a field of psychology. The author considers features of each stage of development of Russian aviation psychology and the conclusion is made about the main determinants of its development: 1) logic of development of Russian psychology; 2) technical progress in aviation.

Key words: aviation psychology; military aviation psychology; «human factor» in aviation; pilot training; aviator personality.

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159

DIFFERENCES IN RELATIONSHIP NETWORKS AMONG ITALIAN AND GERMAN ADOLESCENTS AND LINKS TO ADAPTATION

Tani Franca (Florenzia), Guarnieri Silvia (Florenzia),
Seiffge-Krenke Inge (Mainz), Haid Marja-Lena (Mainz)

Summary. In a study of 350 Italian and German adolescents with a mean age of 17.3 years, network structure and the quality of their relationships with mothers, fathers, siblings, close friends and romantic partners were assessed. Results identified similarities among Italian and German adolescents in their network structure but differences in the quality of their close relationships. Concerning network structure, in both countries, friends and romantic partners assumed the highest positions in the support-provider hierarchy during adolescence. Further, Italian adolescents, across all relationship types, reported more positive and more negative relationship characteristics than German adolescents.

Key words: adolescence; network structure; quality of close relationships.

Introduction

Recent years have seen an explosion of research in close relationships. A central question in relationship research is whether there is continuity or discontinuity in close relationships, both with respect to network structure and quality. In particular, some researchers are inclined to believe that discontinuity exists, over the lifespan, between different types of close relationships (Beyers & Seiffge-Krenke, 2007; Laursen & Bukowski, 1997; Seiffge-Krenke, 2003). In fact, as friendships became closer and more intense, the exclusivity of parent-adolescent relationships wanes (Furman & Buhrmester, 1992). From mid adolescence onwards, as intimacy and commitment to romantic relationships increase, friendship quality decreases and romantic partners achieve a privileged position in a given individual's social network (Connolly, Furman, & Konarski, 2000; Furman & Buhrmester, 1992). Other researchers, however, are more inclined to believe that, over the lifespan, a substantial continuity exists between different types of close relationships. Based on attachment theory, it is suggested that past relationships continue to have a fundamental, varying influence in different developmental phases (Bowlby, 1969/1982; Connolly & Johnson, 1996; Furman & Wehner, 1997).

Although a valuable body of studies analyzed continuity and discontinuity in close relationships, most studies have focused on the comparison of two close relationships and did not acknowledge the major changes in sev-

eral close relationships during adolescence. Further, close relationships and their developmental changes are strongly embedded in a societal and cultural framework (Ladd, 1992), with great differences in the importance given to family values, peer group norms and couple life through different cultures (Claes, 1998; Cooper, 1994; Edwards, 1992). To date, only a handful of empirical studies have analyzed changing close relationships in different cultural contexts.

This study, therefore, aimed to analyze differences in network structure and quality among adolescents from two different countries, Italy and Germany. The hypothesis underlying this study was that there are similarities with respect to network structure but differences with respect to network quality among Italian and German adolescents. It was hypothesized that there would be similar changes in network structures among Italian and German adolescents insofar as parents will assume an important position as support provider, but will be surpassed by friends and romantic partners during adolescence (Laursen & Bukowski, 1997; Seiffge-Krenke, 2003). In addition, it was expected that Italian adolescents assign more importance to the relationship network structure than German youth (Bruckner, Knaup & Müller, 1993; Claes, 1998).

Method

Participants

The overall sample consisted of 350 adolescents (157 males and 193 females) aged from 15 to 19 years (mean age = 17.3; SD = .97), with 166 German (73 males and 93 females; mean age = 17.02; SD = 1.22) and 184 Italian adolescents (84 males and 100 females; mean age = 17.5; SD = .59). All adolescents, recruited from secondary schools of Florence (a city in Central Italy) and Mainz (a city in Central Germany), were selected according to similar criteria, e.g. with respect to age, gender and educational level. After the adolescents had agreed to participate and parental consent was obtained, subjects were asked to fill in a questionnaire on their close relationships anonymously. 88.5% were raised in two-parent families. Only 67.4% of adolescents were in a committed romantic relationship and reported on romantic partner.

For this study, only adolescents who reported on all five close relationships simultaneously (40.3%) were selected. The final total sample comprised 141 adolescents (64 males and 77 females) with 61 German (32 males and 29 females; mean age = 17.25; SD = 1.37) and 80 Italian adolescents (32 males and 48 females; mean age = 17.51; SD = .59).

Measures

Social Network. The Italian and German version of the *Network of Relationship Inventory (NRI)* (Furman & Buhrmester, 1985), was administered

in order to assess the quality of their relationships with mothers, fathers, siblings, close friends and romantic partners. The NRI assessed two dimensions, namely, social support (companionship, instrumental aid, satisfaction, intimacy, nurturance, affection, admiration and reliable alliance) and negative interaction (conflict and punishment). The subjects indicated on a standard 5-point Likert-scale how strongly each dimension was experienced in each relationship (from 1 = “*little or none*” to 5 = “*the most*”). With regard to the Italian version (Guarnieri & Tani, submitted), internal consistency coefficients (Cronbach’s alpha) for social support and negative interaction ranged from .90 to .93 and from .73 to .78, respectively. Concerning the German version (Seiffge-Krenke, 2000), internal consistency coefficients (Cronbach’s alpha) for social support and negative interaction ranged from .80 to .87 and from .76 to .87, respectively.

Results

In order to analyze similarities and differences between the structure and the quality of relationship network, ANOVAs of repeated measurements were carried out with group (Italian and German adolescents) and gender as between-subject factors, relationship types (mother, father, sibling, close friend, romantic partner relationships) as a within-subject factor and social support and negative interaction as dependent variables.

Means and the standard deviations for social support and negative interaction for mother, father, sibling, close friend and romantic partner relationships are depicted in Table 1 for Italian and German adolescents separately.

Means, Standard Deviations and ANOVA Results of Relationship Quality with Mothers, Fathers, Siblings, Close Friends and Romantic Partners as Perceived by Italian and German Adolescents

NRI		Italian Adolescents						German Adolescents					
		Male		Female		Total		Male		Female		Total	
		M	(SD)	M	(SD)	M	(SD)	M	(SD)	M	(SD)	M	(SD)
Mothers	Social Support	3.51	(.62)	3.74	(.62)	3.64	(.63)	3.39	(.74)	3.36	(.74)	3.37	(.74)
	Negative Interaction	2.83	(.71)	3.00	(.65)	2.92	(.68)	2.07	(.73)	2.19	(.88)	2.14	(.78)
Fathers	Social Support	3.39	(.60)	3.32	(.79)	3.36	(.71)	3.11	(.60)	3.13	(.79)	3.12	(.93)
	Negative Interaction	2.78	(.61)	2.81	(.55)	2.79	(.69)	2.07	(.79)	1.98	(.71)	2.02	(.75)
Siblings	Social Support	4.01	(.56)	4.17	(.55)	4.10	(.55)	3.38	(.71)	3.62	(.70)	3.51	(.71)
	Negative Interaction	2.13	(.53)	2.11	(.56)	2.12	(.54)	1.60	(.47)	1.48	(.37)	1.53	(.42)
Friends	Social Support	3.75	(.83)	4.00	(.71)	3.91	(.76)	3.30	(1.1)	3.52	(.87)	3.42	(.99)
	Negative Interaction	2.54	(.64)	2.42	(.72)	2.47	(.69)	1.47	(.48)	1.76	(.57)	1.62	(.55)
Partners	Social Support	3.44	(.69)	3.54	(.77)	3.50	(.74)	2.85	(.84)	3.04	(.83)	2.95	(.84)
	Negative Interaction	2.45	(.60)	2.54	(.74)	2.50	(.68)	1.89	(.61)	1.93	(.61)	1.91	(.61)

Concerning social support, the ANOVA revealed a significant main effect of relationship types [$F(4,844) = 38.33, p \leq .001 (\eta^2 = .15)$]. Bonferroni post-hoc tests revealed that in both groups, close friends and romantic partners assumed a significant higher position in the social support-provider hierarchy than mothers, fathers and siblings ($p \leq .001$). Further, mothers' support scores were higher than those of fathers ($p \leq .001$) and siblings ($p \leq .01$) which, in their turn, were similar ($p = ns$).

Similarly, the ANOVA revealed a significant main effect of group [$F(1,211) = 43.86, p \leq .001 (\eta^2 = .17)$]. Results showed that Italian adolescents reported significant more social support in their close relationships than German adolescents. No gender differences and interaction effects were found.

Regarding negative interaction, ANOVA results showed a significant main effect of relationship types [$F(4,844) = 46.19, p \leq .001 (\eta^2 = .18)$]. Bonferroni post-hoc tests showed that negative interaction scores of close friends were significant lower than those of romantic partners ($p \leq .01$), mothers, fathers and siblings ($p \leq .001$). Negative interaction perceived in romantic relationships was comparable to negative interaction in sibling relationships ($p = ns$) and lower than in mother and father relationships ($p \leq .001$). Siblings' negative interaction scores were lower than the scores of mothers ($p \leq .001$) and fathers ($p \leq .01$). Further, fathers' scores were lower than those of mothers ($p \leq .05$).

Similarly, the ANOVA revealed a significant main effect of group [$F(1,211) = 124.93, p \leq .001 (\eta^2 = .37)$]. Results reveal that Italian adolescents reported significant more negative interactions in their close relationships than German youth. Again, no gender differences and interaction effects occurred.

Discussion

An important aim of this study was the analysis of the network structure, e.g. relations between different types of close relationships in adolescence. Our findings suggest that the basic network structure is similar in both the Italian and German subsamples. Results have shown that at the age of 17 years, the importance of nuclear-family relationships wanes and the relevance of extra-familial relationships strongly increases (Laursen & Bukowski, 1997; Seiffge-Krenke, 2003). More specifically, in our study, close friends and romantic partners provide more social support for adolescents in both countries than their parents and siblings. Further, in both countries, family relationships are characterized by more negative aspects than friendships and romantic relationships. This finding supports results of earlier studies, which have demonstrated that conflicts during early and mid adolescence occur particularly in familial contexts (Laursen, 2005; Montemayor, 1982). Altogether, our results on network structure are in line with the developmental-contextual model of romantic development proposed by

Brown (1999) which suggests that, at this age, friends and romantic partners are the most important point of reference within adolescent social networks.

A further aim of this study was to analyze differences among network quality in Italian and German adolescents. Altogether, results have shown that Italian adolescents invest more in their relationships than German adolescents. In line with previous studies (Claes, 1998; Jurado Guerrero & Naldini, 1997), Italian adolescents perceive all their close relationships as more supportive and characterized by more positive aspects than their German counterparts. Further, our results have also shown significant differences between Italian and German adolescents in negative aspects that characterize their different types of close relationships with higher scores of Italian youth in negative relationship qualities across all relationship types. Thus, Italian adolescents perceive greater social support from their social partners, but also report more conflict within the network.

There are, though, some limitations in the present study. The two cross-cultural samples are not totally equivalent: in fact, Italian parents' educational level is higher and more Italians have married parents in comparison with the German subsample. In addition, this study considers only the individual's perspective of relationship network quality and this does not allow to investigate shared and unique views of these different types of close relationships.

Despite its limitations, the results of the present study provide a useful starting point for further exploration of network structure and quality among adolescents from different cultural contexts.

References

1. *Beyers W., Seiffge-Krenke I.* Are friends and romantic partner 'the best medicine'? How the quality of other close relations mediates the impact of changing family relationships on adjustment // *International Journal of Behavioral Development*. 2007. № 31. P. 559–568.
2. *Bowlby J.* Attachment and loss. Vol. 1: Attachment. N.Y. : Basic Books, 1969/1982.
3. *Brown B.B.* "You're going out with who?": Peer group influences on adolescent romantic relationships // *The development of romantic relationships in adolescence* / eds. by W. Furman, B.B. Brown, C. Feiring. Cambridge : Cambridge University Press, 1999. P. 291–329.
4. *Bruckner E., Knaup K., Müller W.* Soziale Beziehungen und Hilfeleistungen in modernen Gesellschaften // *Social relationships in modern societies*. Report of the Mannheim Center for European Social Research. 1993.
5. *Claes M.* Adolescents' closeness with parents, siblings, and friends in three countries: Canada, Belgium, and Italy // *Journal of Youth and Adolescence*. 1998. № 27. P. 165–184.
6. *Connolly J., Furman W., Konarski R.* The roles of peers in the emergence of heterosexual romantic relationships in adolescence // *Child Development*. 2000. № 17. P. 1395–1408.
7. *Connolly J., Johnson A.M.* Adolescents' romantic relationships and the structure and quality of their close interpersonal ties // *Personal Relationships*. 1996. № 3. P. 185–194.
8. *Cooper C.R.* Cultural perspective on continuity and change in adolescents' relationships // *Personal relationships during adolescence* / eds. by R. Montemayor, G.R. Adams, T.P. Gullotta. Thousand Oaks, CA : Sage, 1994. P. 78–100.

9. *Edwards C.P.* Cross-cultural perspectives on family-peer relations // Family-peer relationships: Modes of linkage / eds. by R.D. Parke, G.W. Ladd. Hillsdale, NY : Lawrence Erlbaum, 1992. P. 285–316.
10. *Furman W., Buhrmester, D.* Children's perception of the personal relationships in their social networks // Developmental Psychology. 1985. № 21. P. 1016–1024.
11. *Furman W., Buhrmester D.* Age and sex differences in perceptions of networks of personal relationships // Child Development. 1992. № 63. P. 103–115.
12. *Furman W., Wehner E.A.* Adolescent romantic relationships: A developmental perspective // Romantic Relationships in Adolescence: Developmental Perspectives / eds. by S. Shulman, W.A. Collins. San Francisco : Jossey-Bass, 1997. P. 21–36.
13. *Guarnieri S., Tani F.* Adattamento italiano del Network of Relationships Inventory di Furman e Buhrmester // The Italian version of the Network of Relationships Inventory by Furman and Buhrmester. Giornale Italiano di Psicologia (submitted).
14. *Jurado Guerrero T., Naldini M.* Is the south so different? Italian and Spanish families in comparative perspective // Southern European welfare states. Between crisis and reform / ed. by M. Rhodes. London : Routledge, 1997. P. 42–66.
15. *Ladd G.W.* Themes and theories: Perspectives on processes in family-peer relationships // Family-peer relationships: Modes of linkage / eds. by R.D. Parke, G.W. Ladd. Hillsdale, NY : Lawrence Erlbaum, 1992. P. 1–34.
16. *Laurson B.* Conflict between mothers and adolescents in single-mother, blended, and two-biological-parent families // Parenting: Science and Practice. 2005. № 5. P. 47–70.
17. *Laurson B., Bukowski W.M.* A developmental guide to the organisation of close relationships // International Journal of Behavioral Development. 1997. № 21. P. 747–770.
18. *Montemayor R.* The relationship between parent-adolescent conflict and the amount of time adolescents spend alone and with parents and peers // Child Development. 1982. № 53. P. 1512–1519.
19. *Seiffge-Krenke I.* Diversity in romantic relations of adolescents with varying health status: Links to intimacy in close friendships // Journal of Adolescents Research. 2000. № 15. P. 611–636.
20. *Seiffge-Krenke I.* Testing theories of romantic development from adolescence to young adulthood: Evidence of a developmental sequence // International Journal of Behavioral Development. 2003. № 27. P. 519–531.

РАЗЛИЧИЯ В СТРУКТУРЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИТАЛЬЯНСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОДРОСТКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Франка Тани (Флоренция), Силвия Гварнери (Флоренция), Инге Сайфге-Кренке (Майнц), Мария-Елена Хайд (Майнц)

Аннотация. В исследовании приняли участие 350 итальянских и немецких подростков, средний возраст участников составил 17,3 года. Предметом анализа выступили структура социальных взаимоотношений и их качество. В структуру взаимоотношений подростков вошли близкие родственники (родители, сестры, братья), друзья, романтические партнеры. Полученные результаты позволили обнаружить сходства и отличия в структуре социальных взаимоотношений между итальянскими и немецкими подростками. Подростки обеих стран воспринимают друзей и романтических партнеров как самых значимых, так как они оказывают помощь и поддержку на данном жизненном этапе. Итальянские подростки воспринимают все изучаемые в данном исследовании типы взаимоотношений как более позитивные и более негативные, чем немецкие подростки.

Ключевые слова: подросток; структура взаимоотношений; качество близких отношений.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬЕ И ПОКАЗАТЕЛИ КРЕАТИВНОСТИ РЕБЕНКА: РОЛЬ ПОКОЛЕНИЙ

Т.Н. Тихомирова (Москва)

Исследование выполнено с использованием средств гранта Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых в Томском государственном университете, договор № 11.G34.31.0043.

Аннотация. Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между фактом участия в воспитании детей представителей второго предшествующего поколения и уровнем развития креативности детей. Выявлены различия в воспитательных подходах представителей первого и второго предшествующих поколений. Установлено, в какой мере выявленные особенности воспитательного поведения прародителей и родителей опосредуют взаимосвязь с развитием креативности детей.

Ключевые слова: межпоколенческие отношения; факторы воспитательного воздействия; семейная среда; креативность.

Исследования взаимосвязей семейной среды с когнитивным развитием детей являются перспективным направлением психологии способностей, актуальность которого связана как с получением нового теоретического знания о социальных детерминантах способностей, так и с возможностями практической реализации в сфере образования.

В контексте исследований взаимосвязи различных аспектов семейной среды с развитием общих способностей детей несомненный интерес представляет воспитательная функция семьи, в частности, ее аспект, связанный с систематическим воспитательным воздействием каждого члена семьи [2, 4]. В психологической науке под воспитанием понимается планомерное и целенаправленное воздействие на сознание и поведение человека с целью формирования определенных установок, понятий, принципов, ценностных ориентаций, обеспечивающих условия для его развития [11, 12].

Воспитательное воздействие семейной среды активно исследуется в педагогической науке; в психологии традиционно влияние воспитательного воздействия анализируется в контексте формирования и развития личностных качеств детей [1, 3, 6]. Теоретический анализ подходов к определению семейного воспитания дает основания говорить о значимости воспитательных воздействий *каждого* из родителей (в нуклеарной семье) и прародителей (в расширенной семье) на развитие ребенка [7, 8, 13].

Следует признать, что исследования проблемы прародительства встречаются в психологической литературе гораздо реже, чем исследо-

вания воспитательной роли родителей [5, 7]. Все чаще ведущую роль в воспитании детей играют представители второго предшествующего поколения – бабушки. Введение в эмпирический анализ этой переменной расширит вариативность социальных воздействий, находящихся в поле внимания исследователей.

В настоящей статье представлены результаты исследования, целью которого был эмпирический анализ взаимосвязей факторов воспитательного воздействия второго предшествующего поколения с уровнем развития креативности детей. При этом под факторами воспитательного воздействия понимаются устойчивые паттерны воспитательного поведения человека в группе сходных ситуаций [10].

Программа исследования

В исследовательском проекте принимали участие 180 испытуемых – учащиеся муниципального образовательного учреждения Московской области – и 180 родителей или представителей второго предшествующего поколения. Возраст испытуемых-школьников составил от 9,1 до 10,0 лет ($M = 9,5$).

В ходе исследования испытуемые были разделены на две группы по степени участия в их воспитании прародителей и родителей в соответствии с разработанной анкетой, наблюдениями педагогов и личными беседами с детьми [10]. Проведена диагностика уровня развития креативности детей (методика «Краткий тест творческого мышления» Торренса). Представители второго (бабушки) и первого (родители) предшествующих поколений (соответственно по группам) заполнили опросник «Факторы воспитательного воздействия» [10]. Таким образом, рассматривались следующие *факторы воспитательного воздействия*:

1. Наличие/отсутствие требований к ребенку.
2. Наличие/отсутствие запретов поведения, действий ребенка.
3. Наличие/отсутствие наказаний за проступки ребенка.
4. Поощрение/отрицательное отношение к поступлению информации к ребенку.
5. Положительное/отрицательное отношение к исследовательской деятельности.
6. Степень влияния учителя на самооценку ребенка.
7. Удовлетворение/неудовлетворение потребностей и желаний ребенка.
8. Поощрение/отрицательное отношение к общению ребенка с ровесниками.
9. Степень участия учителя в занятиях и играх ребенка.
10. Наличие/отсутствие выбора у ребенка.
11. Степень самостоятельности ребенка.
12. Степень эмоционального самовыражения ребенка.

Наряду с анализом на уровне отдельных факторов воспитательного воздействия, нам представляется возможным и более обобщенный анализ на уровне категорий, выделенных на основании эксплораторного факторного анализа и содержательно объединяющих отдельные воспитательные воздействия [9]. Таким образом, рассматривались следующие категории воспитательного воздействия:

1. Поддержка самовыражения ребенка.
2. Поощрение общения и взаимодействия.
3. Поощрение исследовательской деятельности.
4. Вовлеченность взрослого.

Результаты

Результаты сравнения детей, воспитываемых прародителями и родителями, по уровню креативности. На первом этапе анализа сравнивались показатели креативности в группах детей, воспитываемых прародителями и родителями. Сравнение проводилось с использованием критерия Манна – Уитни для двух независимых выборок, не требующего нормальности распределения данных (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Сравнение уровня развития креативности в группах «прародители» и «родители»

Сравниваемый показатель	Среднее значение в группе «родители»	Среднее значение в группе «прародители»	Критерий Манна – Уитни	Скорректированные Z-оценки	Уровень значимости
Креативность	7,29	14,03	41,000	6,956	0,000

Таким образом, показатели уровня креативности достоверно выше в группе испытуемых, воспитываемых прародителями.

Результаты сравнения факторов воспитательного воздействия прародителей и родителей. На следующем этапе анализа по каждому из факторов воспитательного воздействия группы «прародители» и «родители» проводилось сравнение с использованием критерия Манна – Уитни для двух независимых выборок.

Оказалось, что показатель наличия требований к ребенку в группе родителей статистически достоверно выше, чем в группе прародителей. Родители демонстрируют достоверно более высокий уровень запретов в отношении поведения и действий ребенка, чем прародители. Показатель наличия наказаний за проступки ребенка в группе родителей также достоверно выше, чем в группе прародителей. При этом прародители в большей степени склонны одобрять и поддерживать самооценку ребенка. Они в значительно большей степени стремятся к удовлетворению потребностей и желаний ребенка, чем родители. Прародители также демонстрируют статистически достоверно более высокие показатели в предоставлении ребенку выбора и по поддержке его

самостоятельности. Наконец, прародители на достоверно более высоком уровне склонны поддерживать эмоциональное самовыражение ребенка (рис. 1).

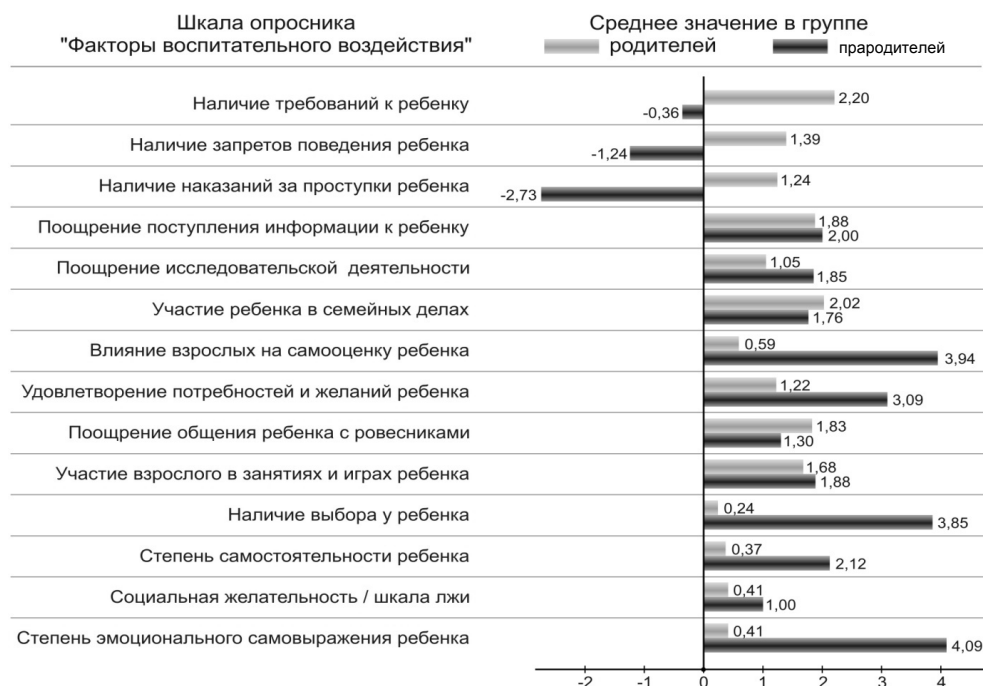

Рис. 1. Сравнительный анализ групп родителей и прародителей по факторам воспитательного воздействия

Таким образом, родители и представители второго предшествующего поколения демонстрируют значимые различия в применяемых факторах воспитательного воздействия. Обобщая наблюдаемые различия семейной среды в терминах категорий воспитательного воздействия, можно отметить, что различия между родителями и прародителями наиболее выражены по тем факторам, которые вошли в первую категорию – «поддержка самовыражения ребенка» [10]. Именно в рамках этой категории объединились факторы наличия требований, запретов и наказаний (на одном полюсе) и поддержки самооценки и эмоционального самовыражения ребенка, предоставления ему выбора и самостоятельности, удовлетворения потребностей ребенка (на другом полюсе). Статистически достоверных различий по тем факторам, которые вошли в другие обобщенные категории воспитательных воздействий, между родителями и прародителями обнаружено не было.

Итак, дети, воспитываемые родителями и прародителями, существенно различаются по уровню креативности. Одновременно мы обнаружили, что родители и прародители в разной мере склонны применять те или иные факторы воспитательного воздействия при взаимодействии со своими детьми и внуками.

Установив особенности воспитательного воздействия представителей первого и второго предшествующих поколений, мы задаемся вопросом о том, насколько перечисленные выше факторы воспитательного воздействия являются предикторами развития креативности ребенка, а также о том, в какой мере они опосредуют воздействие прародителей и родителей на когнитивное развитие ребенка.

Очевидно, что в нашем исследовании вопрос об оценке комплексного влияния факторов воспитательного воздействия семейной среды на показатели креативности ребенка не может быть напрямую решен с использованием множественного регрессионного анализа, поскольку выделенные нами факторы воспитательного воздействия во многих случаях статистически достоверно взаимосвязаны между собой. Понятно, что включение коррелирующих предикторов в множественный регрессионный анализ может привести к завышенной оценке процента объясненной дисперсии, а также к существенным ошибкам в оценивании β -коэффициентов, включая не только неточную оценку их величины, но и искажение их направленности [14].

Начнем наш анализ с оценки влияния категорий воспитательного воздействия, выделенных с помощью факторного анализа с последующим ортогональным вращением, на показатели креативности. От оценки эффекта этих категорий мы перейдем к обсуждению отдельных факторов воспитательного воздействия, составляющих эти категории. После этого мы оценим, насколько существенным остается эффект воспитания прародителями и родителями, не объясняемый различиями в используемых факторах воспитательного воздействия. На этом этапе анализ будет направлен на то, чтобы попытаться дифференцировать эффекты влияния на креативность, с одной стороны, собственно воспитательных воздействий, а с другой – особенностей самой семейной среды, а именно воспитания ребенка преимущественно родителями или прародителями. Наконец, мы оценим, одинаковый ли эффект оказывают воспитательные воздействия на креативность детей в том случае, если они используются представителями первого или второго предшествующих поколений.

Категории воспитательного воздействия как предикторы уровня креативности. На основании результатов заполнения опросника «Факторы воспитательного воздействия» в каждом случае подсчитывались баллы по каждой из категорий воспитательного воздействия. Индивидуальный балл по каждой категории представлял собой соответствующий факторный балл после вращения методом варимакс. Именно баллы по категориям воспитательного воздействия использовались в качестве предикторов во множественном регрессионном анализе для предсказания уровня креативных способностей ребенка. Суммарно они объяснили 41,92% дисперсии этого показателя. Уравнение регрессии в целом статистически значимо ($F = 14,17$; $p = 0,000$). В табл. 2 представлены оценки параметров регрессии.

Т а б л и ц а 2

Категории воспитательного воздействия как предикторы уровня креативности

Категории воспитательного воздействия	β	Стандартная ошибка β	B	Стандартная ошибка B	t-критерий	Уровень значимости
Поддержка самовыражения ребенка	0,652	0,089	2,720	0,372	7,306	0,000
Поощрение общения и взаимодействия	-0,055	0,089	-0,230	0,372	-0,617	0,539
Поощрение исследовательской деятельности	0,001	0,089	0,004	0,372	0,011	0,991
Вовлеченность взрослого	0,153	0,089	0,638	0,372	1,715	0,091

Таким образом, значимым предиктором креативности испытуемых оказалась категория воспитательных воздействий, условно названная нами «поддержка самовыражения ребенка». Эта категория включила в себя наибольшее количество факторов воспитательного воздействия, четко сгруппировавшихся вокруг двух полюсов. На одном полюсе этой категории оказались факторы влияния взрослых на самооценку ребенка, удовлетворения его потребностей и желаний, предоставления ребенку выбора и самостоятельности, разрешения эмоционального самовыражения. На другом полюсе расположены факторы наличия требований, запретов поведения и наказаний ребенка.

Эта категория воспитательных воздействий оказалась статистически достоверным предиктором уровня креативности ребенка, причем соответствующий β -коэффициент положителен. Это означает, что более высокий уровень креативности демонстрируют те дети, в семьях которых поддерживается их самооценка, удовлетворяются потребности, предоставляется выбор и поощряется самостоятельность, разрешается эмоциональное самовыражение при невысоком уровне требований, запретов поведения и наказаний за действия.

Заметим, что именно по этим факторам воспитательного воздействия мы обнаружили наибольшие различия между представителями первого и второго предшествующих поколений. Связаны ли наблюдаемые различия в креативности испытуемых с конкретными факторами воспитательного воздействия или они скорее могут быть отнесены к более общему эффекту воспитания родителями или прародителями? Для ответа на этот вопрос мы использовали многоуровневый регрессионный анализ. Мы анализировали эффект фактора принадлежности к группе «родители» или «прародители», эффект четырех категорий воспитательного воздействия, а также эффект взаимодействия фактора принадлежности к группе и каждой из категорий воспитательного воздействия с точки зрения их влияния на уровень креативности испытуемых.

Скорректированный R^2 итоговой регрессионной модели составил 0,63, уравнение регрессии в целом статистически значимо ($F = 14,52$; $p < 0,001$). В табл. 3 представлены полученные оценки параметров регрессионной модели.

Т а б л и ц а 3

Эффект влияния факторов семейной среды на уровень креативности

Анализируемый эффект	Сумма квадратов	Критерий Фишера	Уровень значимости
Принадлежность к группе («родители» или «прародители»)	113,39	17,366	0,000
Поддержка самовыражения ребенка	0,00	0,000	0,984
Поощрение общения и взаимодействия	0,02	0,003	0,958
Поощрение исследовательской деятельности	0,14	0,022	0,882
Вовлеченность взрослого	4,84	0,741	0,393
Поддержка самовыражения ребенка и принадлежность к группе, взаимодействие факторов	1,61	0,246	0,622
Поощрение общения и взаимодействия и принадлежность к группе, взаимодействие факторов	0,75	0,115	0,735
Поощрение исследовательской деятельности и принадлежность к группе, взаимодействие факторов	15,65	2,396	0,127
Вовлеченность взрослого и принадлежность к группе, взаимодействие факторов	0,41	0,063	0,803

Следует подчеркнуть, что именно принадлежность испытуемых к группе воспитываемых родителями или прародителями оказалась единственным статистически достоверным предиктором уровня креативности. Причем при введении фактора принадлежности к группе категория воспитательных воздействий, связанных с поддержкой самовыражения ребенка, перестала играть самостоятельную роль в предсказании уровня креативности.

Чтобы проинтерпретировать подобного рода неоднозначный характер взаимосвязей семейной среды с показателями креативности ребенка, обратимся к конкретному примеру. Рассмотрим фактор наличия наказаний за проступки в качестве одного из факторов воспитательного воздействия, составляющих категорию поддержки самовыражения ребенка (рис. 2).

Если рассматривать всех испытуемых в качестве единой группы, очевидно, что полученное облако рассеяния говорит об однозначной тенденции к наличию негативной взаимосвязи между переменными. Иными словами, чем выше уровень наказаний за проступки ребенка, тем в меньшей степени он будет проявлять креативность. Однако картина несколько меняется, если анализировать взаимосвязи в рамках

двух самостоятельных подгрупп – групп детей, воспитываемых родителями или представителями второго предшествующего поколения. Ни в первой, ни во второй группе в отдельности не обнаруживается влияния уровня наказаний на креативность ребенка.

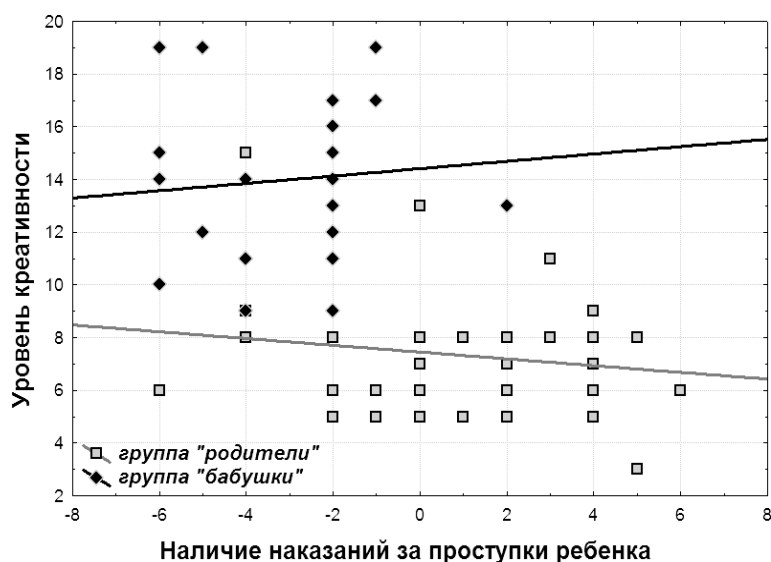

Рис. 2. Взаимосвязь наличия наказаний за проступки ребенка со стороны родителей и прародителей и уровня креативности ребенка

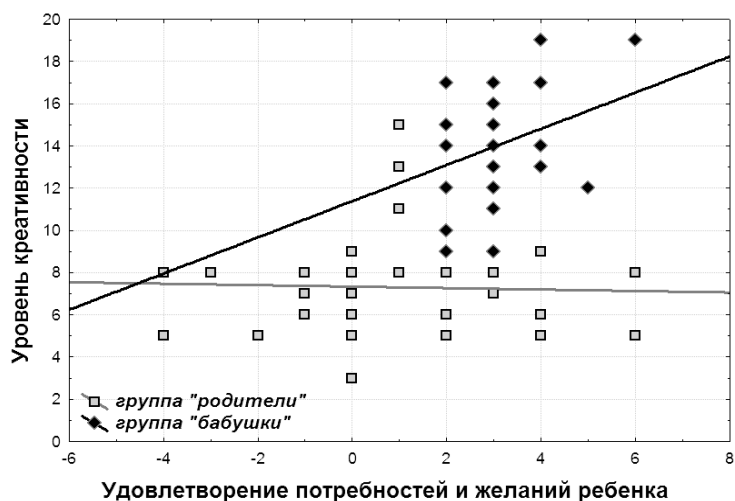

Рис. 3. Взаимосвязь удовлетворения потребностей и желаний ребенка со стороны родителей и прародителей и уровня креативности ребенка

Подобного рода взаимосвязи мы обнаружили для факторов наличия требований, наличия запретов поведения, влияния на самооценку ребенка, предоставления выбора и самостоятельности, поддержки эмоционального самовыражения ребенка. Некоторое исключение из общей тенденции можно отметить для фактора удовлетворения потребностей и

желаний ребенка. Характер связи этого фактора воспитательного воздействия с показателем креативности ребенка проиллюстрирован на рис. 3. Очевидно, что тенденция достоверной положительной взаимосвязи сохраняется не только для облака в целом, но и для подгруппы детей, воспитываемых прародителями. Удовлетворение потребностей и желаний ребенка и в целом по группе, и в подгруппе прародителей положительно сказывается на креативности ребенка.

Обсуждение результатов

Итак, попробуем построить целостную картину результатов. В случае анализа показателя креативности, на наш взгляд, очевидным образом проявилось воздействие эмоциональной поддержки на когнитивное развитие ребенка. Вся совокупность факторов воспитательного воздействия, формирующая эмоционально поддерживающее отношение, в первую очередь, прародителей, оказалась достоверно взаимосвязанной с демонстрируемым ребенком уровнем креативности.

Однако специфический вклад конкретных факторов воспитательного воздействия в развитие креативности ребенка остается не вполне понятным. На основании полученных нами результатов скорее можно говорить о том, что фактор воспитания ребенка прародителями оказывает комплексный эффект на развитие креативности, который в том числе реализуется через конкретные факторы воспитательного воздействия. По-видимому, прародители создают некоторую уникальную атмосферу воспитания внуков, которая в целом способствует повышению демонстрируемого уровня креативности. Воспитательное воздействие прародителей характеризуется большей эмоциональной поддержкой и разрешением самовыражения, сниженным уровнем контроля и, вероятно, еще целым комплексом элементов воспитательного воздействия, которые вместе создают условия для развития креативности ребенка. Именно этот комплексный паттерн влияния прародителей, по-видимому, в гораздо большей степени связан с креативностью ребенка, чем каждый из факторов воспитательного воздействия в отдельности. Этот факт мы с неизбежностью будем иметь в виду, говоря в дальнейшем о взаимосвязи воспитательных воздействий с уровнем креативности детей.

Представляется, что общим для всех факторов воспитательного воздействия, которые оказываются положительно связанными с креативностью, является то, что они способствуют внутренней инициации деятельности, т.е. большему подчинению деятельности желаниям субъекта и меньшему – внешним требованиям. Действительно, отрицательное влияние требований со стороны родителей (даже более сильное, чем влияние запретов) в этом случае вполне понятно, поскольку требования заставляют ребенка подчиняться внешней стимуляции в противоположность внутренней. Точно так же разрешение эмоционального самовыражения позволяет ребенку действовать, основываясь на внутренних

стимулах (эмоциях), и в меньшей степени подчиняться внешним (социально принятым нормам поведения). Внутренняя инициация действия также понятным образом связана с оригинальностью. Оригинальность – основной показатель креативности в нашем исследовании – характеризует способность к выдвижению идей, отличающихся от очевидных, банальных или твердо установленных, заданных внешними нормами. Даже технически подсчет оригинальности в тестах осуществляется как подсчет частоты встречаемости в проявлениях других людей. В этом плане подчинение внешней стимуляции является источником банальности, стандартности, а оригинальность часто возникает из готовности субъекта следовать своим внутренним стимулам в поиске решений.

Из полученных результатов, конечно, не следует, что воспитание должно приводить к снижению роли внешних стимулов и норм в регуляции поведения ребенка. Каким следует воспитывать ребенка – вопрос скорее этический, чем психологический, и выходящий за пределы настоящей работы. Кроме того, следует подчеркнуть, что установленные факторы воспитательного воздействия не являются просто способами поведения взрослых, они возникают во взаимодействии взрослого с ребенком. Другими словами, те или иные факторы воспитательного воздействия могут практиковаться взрослым в отношении одного ребенка, но не другого. Интересным и перспективным представляется планирование и проведение исследования с целью установить, насколько уровень креативного развития ребенка определяет то, какие факторы воспитательного воздействия будут применяться к нему родителями и прародителями.

Выводы:

1. Результаты сравнительного анализа воспитательного воздействия прародителей и родителей констатируют, что родители и представители второго предшествующего поколения демонстрируют значимые различия в применяемых факторах воспитательного воздействия. Обобщая наблюдаемые различия семейной среды в терминах категорий воспитательного воздействия, можно отметить, что различия между родителями и прародителями наиболее выражены по тем факторам, которые вошли в категорию «поддержка самовыражения ребенка».

2. Выявлены факторы воспитательного воздействия, которые оказываются взаимосвязанными с показателем креативности детей вне зависимости от того, кем из представителей первого или второго предшествующих поколений они используются. Значимым предиктором креативности испытуемых оказалась категория воспитательных воздействий «поддержка самовыражения ребенка».

3. Обращает на себя внимание тот факт, что именно принадлежность испытуемых к группе воспитываемых родителями или прародителями оказалась единственным статистически достоверным предиктором уровня креативности. При введении фактора принадлежности к группе категория воспитательных воздействий, связанных с поддерж-

кой самовыражения ребенка, перестала играть самостоятельную роль в предсказании уровня креативности. На основании полученных результатов скорее можно говорить о том, что фактор воспитания ребенка прародителями оказывает комплексный эффект на развитие креативности, который в том числе реализуется через конкретные факторы воспитательного воздействия.

Литература

1. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М. : Апрель Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000.
2. Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М. : Академический проект, 2004.
3. Варга А.Я. Системная семейная психотерапия. М. : Когито-центр, 2009.
4. Дружинин В.Н. Психология семьи. М. : КСП, 1996.
5. Крайг Г. Психология развития. М. ; СПб. : Питер, 2002.
6. Лужецкая И.А., Павлова О.Н. Особенности материнского отношения к ребенку до и после его поступления в школу // Родители и дети. М. : Когито-Центр, 2003. С. 119–126.
7. Карабанова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учеб. пособие. М. : Гардарики, 2004.
8. Смирнова Е.О., Быкова М.В. Опыт исследования детско-родительских отношений // Психология семьи : сб. статей. М. : Вопр. психол., 2002. С. 113–123.
9. Тихомирова Т.Н. Взаимосвязь аспектов социальной среды с показателями интеллекта и креативности детей старшего дошкольного возраста // Вопр. психол. 2011. № 1. С. 85–94.
10. Тихомирова Т.Н. Интеллект и креативность в условиях социальной среды. М. : ИП РАН, 2010.
11. Фельдштейн Д.И. Современное Детство: проблемы и пути их решения // Вестник практической психологии образования. 2009. № 2. С. 28–32.
12. Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В. Психология и психотерапия семьи. 3-е изд. СПб. : Питер, 2001.
13. Cassidy J., Berlin L.J. The insecure/ambivalent pattern of attachment // Theory and research. Child Development. 1994. № 65. P. 971–991.
14. Greene W.H. Econometric Analysis. 3d edition. Prentice-Hall, New Jersey, 1997.

EDUCATIONAL INFLUENCE IN MODERN RUSSIAN FAMILY AND CHILD'S CREATIVITY SCORES: THE ROLE OF GENERATIONS

Tikhomirova T.N. (Moscow)

Summary. The results of empirical study of relationship between grandparents' educational influence and child's creativity scores are presented in this paper. The results of comparative analysis of grandparents' and parents' of educational influence in modern Russian families are presented. We focus on the factors of grandparents' and parents' educational influences predictive for the child's creativity scores.

Key words: intergenerational relationship; educational influence; family environment; creativity.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159

ХАРАКТЕРИСТИКИ УРОВНЕЙ АКМЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ПЕДАГОГА

Н.В. Козлова (Томск), Я.А. Ветрова (Новокузнецк)

Аннотация. Рассматривается определение акмеологической позиции педагога в условиях модернизации образования, определяются ее критерии и показатели, обосновывается уровневая выраженность.

Ключевые слова: акмеологическая позиция; модернизация образования; уровни развития акмеологической позиции; базовые условия акмеологической позиции педагога.

Изменение целей современного российского образования и новое понимание сущности образовательного результата (в качестве цели образования постулируется развитие личности учащегося на основе изучения универсальных способов познания и освоения мира) требует освоения новых функций и содержания профессиональной педагогической деятельности, прогрессивных форм и технологий организации образовательного процесса, повышает требования к компетентностям всех ее участников. Повышение профессионального уровня педагогов и их социального статуса, формирование педагогического корпуса, соответствующего запросам современной жизни, выделяются в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года», в национальной образовательной инициативе «Наша новая школа» и других программных документах [7, 8, 11–14] как необходимые условия модернизации системы образования России.

По мнению А.Г. Асмолова [1], изменения, присущие современному образованию, их глубина и количество придают ему черты подлинного реформирования, в котором происходит реформа педагогических методов и технологий обучения и реформа жизненного пути подрастающего поколения. В.П. Засыпкин и Г.Е. Зборовский отмечают, что модернизация – глубокая и системная трансформация всех основных структур и подсистем социального организма, в том числе образования, в котором одной из главных фигур призван стать педагог [5. С. 87–88].

При этом обостряется противоречие: с одной стороны, повышаются требования к педагогическим кадрам, на первое место ставится ценность личностно-профессионального развития и саморазвития педагога, возрастают его роль и место в образовательном процессе, который необходимо реализовывать на принципиально более высоком ка-

чественном уровне; с другой стороны, обнаруживается дефицит педагогических кадров необходимой квалификации, с которым в настоящее время связана «негибкость и инертность системы образования» [8. С. 14].

И.Т. Богдан [2] по этому поводу замечает, что актуальной становится потребность в учителе, который, ориентируясь в широком образовательном пространстве и в разных теоретических направлениях, мог бы включиться в инновационный процесс и самостоятельно проектировать свою профессиональную деятельность с учетом достижений психологии и педагогики. Такой учитель может психологизировать учебный процесс, тем самым раскрывая подлинные познавательные и личностные способности каждого ученика. Такой учитель способен выстраивать для учащихся индивидуальную траекторию развития. Такой учитель действует с пониманием того, что формирование целостной личности учащегося возможно только на основе признания ее ценности и необходимости для сегодняшнего общества, а «личность учащегося формируется личностью учителя». Л.В. Шеховцова продолжает эту мысль: «воспитать личность может только личность, лишь педагог, осознающий личность самого себя» [18. С. 5].

Таким образом, в условиях модернизации образования достаточно актуальной становится проблема психологического сопровождения педагога, основной задачей которой будет оказание поддержки в «преодолении психологических барьеров при проведении мероприятий по модернизации образования» [3. С. 21], в приобретении психолого-педагогических компетенций (социально-психологической, аутопсихологической), в развитии акмеориентированных ценностей, отвечающих за активное личностно-профессиональное развитие. В условиях модернизации образования важным становится не просто перечисление профессиональных компетенций педагога, отвечающих за его профессиональную успешность, а исследование базовых условий и уровней развития профессиональных компетенций педагога, отвечающих за непрерывное профессиональное становление.

Проблема активного профессионального становления, личностно-профессионального развития подробно изучается в акмеологическом подходе (А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, А.К. Маркова и др.). Суть акмеологического подхода состоит в выявлении условий мобилизации у человека установки на свои наивысшие достижения, на наиболее полную самореализацию личности. При оценке личностно-профессионального развития акмеологический подход предлагает учитывать не только внешние показатели труда (успешность, результативность), не только внутренние состояния (мотивацию, труд, удовлетворенность) человека, но и наличие постоянной специфической высокопродуктивной деятельности, готовности к поступательному саморазвитию и личностные характеристики (акмеологические инварианты профессионализма). Вместе с тем акмеологический подход предполагает изуче-

ние «психологической цены» высоких достижений, т.е. рассматривает механизмы обеспечения баланса между отдельными сторонами личностно-профессионального развития, тем самым обеспечивая достижение профессиональных вершин без использования предельных возможностей организма [4].

Анализ теоретических источников позволяет сделать вывод о том, что в условиях модернизации образования правомерно говорить об обусловленности личностно-профессионального развития педагогов таким понятием, как «акмеологическая позиция» [6, 9 и др.]. Акмеологическая позиция определяется как субъектная позиция человека, его устойчивое стремление к достижениям, к самореализации творческого потенциала и жизненных сил в гуманистически оправданных видах деятельности. Акмеологическая позиция является результатом ценностно-смыслового самоопределения личности, избирающей приоритетные ценности – здоровье, профессиональный и жизненный успех, духовность. Акмеологическая позиция есть показатель личностной, профессиональной и социальной зрелости человека, готовности к самоопределению и самосовершенствованию в конкретной жизненной и профессиональной ситуации, она является продуктом жизненного опыта, мышления, рефлексии, поиска личностного смысла [9, 16, 17].

Конкретизируя понятие «акмеологическая позиция» применительно к педагогу, В.Н. Максимова определяет его как производную профессионального, личностного и духовного развития учителя, как гуманистическую установку на обеспечение успеха и здоровья каждого ученика, на развитие творчества учителя и ученика в их взаимодействии [9].

Н.В. Сосновских [16], проводя свое исследование в рамках акмеологии школьного образования, выделяет следующие структурные компоненты акмеологической позиции:

- стремление к субъектности;
- стремление к здоровому образу жизни;
- стремление к самопознанию;
- принятие гуманистических ценностей;
- способность к анализу и рефлексии;
- стремление к самоактуализации и творчеству;
- стремление к достижениям в профессиональной и других видах деятельности.

Кроме того, последние исследования (Козлова Н.В., Вержицкая Е.Н., 2010) показывают, что в условиях модернизации образования акмеологическая позиция рассматривается как акмеофактор личностно-профессионального развития педагога и определяется как позитивное отношение к собственной профессиональной деятельности и ее преобразованиям, высокий уровень мотивации достижения успеха [6]. В нашем исследовании мы опираемся именно на это определение, но

считаем необходимым конкретизировать признаки и критерии акмеологической позиции педагога. От уровня развития названных характеристик будет зависеть и уровень развития акмеологической позиции педагога.

С нашей точки зрения, акмеологическая позиция складывается из отношения к профессиональной деятельности, в качестве показателей которой мы выделяем: жизненные ценности, активность в жизненных сферах, удовлетворенность профессиональной деятельностью; из отношения к нововведениям, показателями которых являются: смысло-жизненные ориентации (уровень осмысленности жизни, уровень целей в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией) и профессиональная перспектива; из мотивации достижения, представленной такими показателями, как: локус контроля, уровень притязаний личности и способность к саморазвитию.

Для исследования уровневой выраженности акмеологической позиции педагога нами использовалась трехуровневая модель оценки выраженности компетенции – базовый, высокий и высший [10. С. 218–219]. Поскольку каждая компетенция проявляется через поведенческие особенности работников, базовый уровень выраженности соответствует ситуации, когда специалист демонстрирует ожидаемый результат. Высокий уровень выраженности компетенции соответствует ситуации, когда специалист не просто демонстрирует ожидаемый результат, но может объяснить другим людям, как он получил этот результат, почему он действовал именно так, а не иначе. И наконец, высший уровень выраженности соответствует ситуации, когда специалист не только демонстрирует ожидаемые результаты, не только способен объяснить то, как он их получил, но и может научить других людей действовать столь же эффективно.

Характеристики базового, высокого и высшего уровня акмеологической позиции педагога представлены в таблице.

Уровни акмеологической позиции педагога

<i>Уровни акмеологической позиции</i>		
<i>Базовый</i>	<i>Высокий</i>	<i>Высший</i>
1	2	3
Преобладание эгоистически-престижных ценностей (собственный престиж, достижения, материальное положение, сохранение индивидуальности)	Выраженность духовно-нравственных и эгоистически-престижных ценностей	Преобладание ценностей развития (духовно-нравственных ценностей: развитие себя, духовное удовлетворение, креативность, социальные контакты)
Противоречивое отношение к своей профессиональной деятельности	Неустойчивое позитивное отношение к своей профессиональной деятельности	Устойчивое позитивное отношение к своей профессиональной деятельности

1	2	3
Уровень осмысленности жизни выше среднего. Уровень целей в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией выше среднего	Высокий уровень осмысленности жизни. Высокий уровень целей в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией	
Поиск смыслов в профессиональной деятельности и профессиональной перспективы, рассогласованность профессиональных намерений с личными, семейными, жизненными, недостаточное знание своих достоинств и недостатков, стратегий преодоления трудностей	Выраженное на среднем уровне видение смысла в профессиональной деятельности и профессиональной перспективы, средняя согласованность профессиональных намерений с личными, семейными, жизненными, знание на среднем уровне своих достоинств и недостатков, стратегий преодоления трудностей	Видение смысла в профессиональной деятельности и профессиональной перспективы, согласованность профессиональных намерений с личными, семейными, жизненными, знание своих достоинств и недостатков, стратегий преодоления трудностей
Противоречивый локус контроля	Невыраженный внутренний локус	Внутренний ярко выраженный локус контроля
Средний уровень притязаний	Уровень притязаний выше среднего	Высокий уровень притязаний
Средняя способность к саморазвитию	Способность к саморазвитию выше среднего	Высокая способность к саморазвитию

С нашей точки зрения, необходимо определить *базовые условия*, обеспечивающие наличие у педагога акмеологической позиции. Педагога, обладающего акмеологической позицией, характеризуют способность обнаружить и исследовать собственные профессиональные трудности, активный поиск тактик и стратегий их преодоления, благоприятное эмоциональное состояние, позитивное восприятие себя и других, конструктивные коммуникативные связи.

Литература

1. Асмолов А.Г. Стратегия социокультурной модернизации образования: на пути к преодолению кризиса идентичности и построению гражданского общества // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 65–86.
2. Богдан И.Т. Готовность к творческому саморазвитию учителей и учащихся средней общеобразовательной школы, работающей в инновационном режиме // Успехи современного естествознания. 2007. № 12. URL: [http:// www.gae.ru](http://www.gae.ru)
3. Виноградова Е.Б. Аксиоматический аппарат и законы теории модернизации образования // Инновации в образовании. 2007. № 1. С. 16–24.
4. Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Маркова А.М. Психология развития профессионала : учеб. пособие. М. : Изд-во РАГС, 2000. 121 с.
5. Засыпкин В.П., Збровский Г.Е. Модернизация педагогического образования // Социологические исследования. 2011. № 2 (322). С. 87–93.

6. Козлова Н.В., Вержицкая Е.Н. Личностно-профессиональное развитие педагогов в условиях модернизации образования // Вестник ТГУ. 2010. № 341. С. 178–180.
7. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М. : АПКИПРО, 2002. 24 с.
8. Концепция Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 годы // Вестник образования России. 2005. № 22. С. 8–37.
9. Максимова В.Н., Полетаева Н.М. Акмеология последипломного образования педагога / Рос. акад. образования, Гос. науч. учреждение «Ин-т образования взрослых». СПб. : ИОВ РАО, 2004. 227 с.
10. Морозова Г.Б. Психологическое сопровождение и организации, и персонала. СПб. : Речь, 2006. 400 с.
11. Наша новая школа. Национальная образовательная стратегия // Вестник образования России. 2010. № 4. С. 63–70.
12. Приказ Министерства образования и науки от 24 апреля 2010 г. № 209 «О порядке аттестации педагогических работников государственных и муниципальных образовательных учреждений».
13. Программа модернизации педагогического образования // Вестник образования России. 2003. № 10. С. 10–13.
14. Распоряжение Правительства Российской Федерации «О плане действий по модернизации общего образования, направленных на реализацию национальной образовательной инициативы “Наша новая школа”, на период 2011–2015 годов» от 28 апреля 2010 г.
15. Сластенин В.А. Профессиональное саморазвитие учителя // Известия РАО. М., 2000. № 3. С. 80.
16. Сосновских Н.В. Формирование акмеологической позиции школьников в учебном процессе : дис. ... канд. пед. наук. Ульяновск, 2009.
17. Сосновских Н.В. Развитие акмеологической позиции ученика // Вестник научной школы педагогов «АКМЕ». Вып. 2: Акмеологическое моделирование школьной образовательной среды : сб. науч. ст. / под ред. М.И. Лукьяновой. Ульяновск : УИПКПРО, 2009. С. 19–28.
18. Шеховцова Л.Ф. Профессионально важные качества учителя и личностно-ориентированная парадигма в педагогике // Психология обучения. 2007. № 8. С. 4–27.

DESCRIPTION OF LEVERS OF THE TEACHER'S ACMEOLOGICAL POSITION

Kozlova N.V. (Tomsk), Vetrova Y.A. (Novokuznetsk)

Summary. In article it is considered the definition of the teacher's acmeological position in terms of modernization of education, defined its criteria and indicators, justified the level expressiveness of acmeological position.

Key words: acmeological position; modernization of education; levels of development of acmeological position; the basic conditions of the teacher's acmeological position.

МОТИВАЦИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ УЧИТЕЛЯМИ О ПЕРЕХОДЕ ОТ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ

Е.Б. Филинкова (Москва)

Аннотация. Изучены мотивы и факторы принятия учителями решения о занятии должности заместителя директора школы по УВР. Выявлено два типа этого решения – вынужденное и самостоятельное. Описаны негативные факторы, препятствующие принятию решения учителями, а также основные и второстепенные факторы, способствующие этому решению.

Ключевые слова: мотивация; принятие решения; педагогическая деятельность; управление.

В рамках среднего общего образования существует система подготовки руководящих кадров, однако зачастую по укоренившейся с советских времен традиции подготовка к руководству начинается не до момента прихода учителя в управление, а после назначения его на должность. Между тем от уровня профессиональной и психологической готовности учителя к управленческой деятельности во многом зависит будущая ее эффективность. Следовательно, для психологов актуальным становится вопрос об исследовании состояния готовности педагогических работников к управленческой деятельности. Данная проблема не является абсолютно новой: в социальной психологии существуют работы, посвященные психологической готовности личности к управленческой деятельности [1–3]. Однако таких исследований явно недостаточно, психологические проблемы перехода как от педагогической деятельности к управленческой, так и от одного уровня управления к другому остаются недостаточно разработанными. Высокая научно-практическая актуальность обозначенных проблем обусловила проведение исследования, посвященного психологии принятия решения педагогами средней школы о переходе на разные уровни управления. Настоящая статья является первой частью презентации результатов исследования и представляет собой изложение результатов по принятию решения учителями о переходе на должность заместителя директора школы по учебно-воспитательной работе – завуча. *Предметом* данной части исследования являлась мотивация принятия решения учителями о переходе от педагогической деятельности к управленческой. Выборку составили 80 заместителей директоров школ по УВР из Подмоскovie в возрасте от 27 до 63 лет, из них 5 мужчин (6,3%).

Задачи исследования:

1. Изучить мотивы принятия решения учителями о переходе на управленческую должность.

2. Изучить позитивные и негативные факторы принятия этого решения.

3. Изучить эмоциональное состояние учителей после принятия решения и их ожидания от работы заместителя директора школы.

Основной метод исследования – стандартизированное интервью по специально разработанной программе, состоящее в основном из открытых вопросов. *Обработка результатов* проводилась методами контент-анализа и математической статистики (критерий Фишера).

Основные результаты исследования

Мотивы принятия учителями решения о переходе от педагогической деятельности к управленческой. Обнаружено два принципиально различных типа принятия учителями данного решения: вынужденное и самостоятельное (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

**Мотивы принятия решения учителями о переходе на управленческую работу,
% общего количества высказываний**

Тип принятия решения	Мотивы принятия решения	Доля высказываний	Ранг мотивов самостоятельного решения
Вынужденное	Влияние жизненных обстоятельств	10,0	–
	Нежелание или неумение отказывать	8,9	–
	ИТОГО	18,9	–
Самостоятельное	Самореализация	17,8	1
	Полезность обществу	14,4	2
	Карьера	13,3	3–4
	Интерес к управленческой деятельности	13,3	3–4
	Стремление к новизне	11,1	5
	Достижения	2,2	6–9
	Престиж	2,2	6–9
	Комфорт	2,2	6–9
	Повышение зарплаты	2,2	6–9
	Знание работы («уже знала по опыту эту работу»)	1,1	10–11
	Активность, деятельность («люблю работать»)	1,1	10–11
	ИТОГО	81,1	–

Пятая часть (21,8%) ответивших заявили, что это решение было в той или иной степени вынужденным, т.е. мотивацией в данном случае выступало не собственное желание, а необходимость подчиниться обстоятельствам. Детерминантами вынужденного принятия решения выступали две группы причин. Во-первых, влияние жизненных обстоя-

тельств: переход в другую школу в связи с переездом и отсутствие в ней других вакансий; отсутствие часов по предмету; состояние здоровья, не позволяющее далее вести преподавательскую работу (у учителя физкультуры) и т.д. Фактически в данном случае педагог не имел возможности работать учителем и делал выбор между возможностью остаться в школе и уходом из сферы образования, т.е. первая группа причин обуславливала полную или преимущественную вынужденность принятия решения.

Вторая группа причин связана с ситуацией в школе, где работал учитель. Принятие решения педагогом происходило под давлением либо директора школы, либо коллектива (*«коллеги очень настаивали»*; *«не умею говорить нет»*, *«директор назначил»*) и носило не полностью, а частично вынужденный характер, поскольку было обусловлено не только обстоятельствами, но и личностью учителя, точнее, его неумением и/или нежеланием противостоять влиянию ближайшего окружения.

Отсутствие внешнего давления (обстоятельств или других людей) при переходе на новую работу было зафиксировано в ответах четырех из пяти респондентов (78,2%). Чаще всего ведущими мотивами принятия решения занять должность заместителя директора школы выступали:

- мотив самореализации (*«интересно попробовать себя в новом качестве»*) – 17,8% всех высказываний;
- мотив полезности обществу (*«принесу пользу школе»*) – 14,4%;
- мотив развития карьеры (*«желание карьерного роста»*) – 13,3%;
- мотив интереса к управленческой деятельности (*«на предыдущей работе мне стало скучновато»*, *«интерес к управлению»*) – 13,3%;
- мотив новизны, смены деятельности (*«желание изменить что-то в жизни»*) – 11,1%.

Мотивы достижения, престижности деятельности, комфорта, роста уровня материального благосостояния в качестве ведущих выступали очень редко (доля высказываний 1–2%). Если рассматривать мотив интереса как частное проявление стремления к самореализации, то мотив самореализации становится безоговорочно доминирующим мотивом перехода учителей на управленческую работу.

Детальный анализ показывает, что абсолютно самостоятельное принятие решения о переходе в управление среди уже состоявшихся руководителей школ встречается не часто (37,5% выборки). Мы просили заместителей директоров ответить, кто (что) главным образом повлиял на принятие решения о переходе на новую работу. Выделилось два основных фактора принятия решения: влияние референтной группы и собственное мнение (табл. 2). Комбинация этих факторов обусловила существование трех групп учителей, различающихся по степени самостоятельности принятия решения о переходе на управленческую работу:

- 1) «самостоятельно» принявшие решение, т.е. опиравшиеся только на собственное мнение (*«я сама все решила»*) – 37,5% выборки;

2) опиравшиеся при принятии решения примерно в равной степени на свое мнение и на мнение ближайшего окружения («директор очень просил, плюс уверенность, что лучше никто не справится», «мнение мужа-коллеги по работе и желание проверить свои возможности») – 5,0%;

3) принявшие решение в основном под влиянием референтной группы («муж сказал: «Надо расти!»; «подруга уговорила и обещала помочь», «убедил директор») – 57,5%.

Т а б л и ц а 2

**Основной фактор принятия решения учителями о переходе
на управленческую работу**

Основной фактор принятия решения	Субъекты влияния	%
Только влияние референтной группы	Друзья, коллеги, члены семьи	32,5
	Директор	21,3
	И близкие, и директор школы	3,7
	ИТОГО	57,5
И собственное мнение, и влияние референтной группы	Сам учитель и влияние директора	1,3
	Сам учитель и влияние близких	3,7
	ИТОГО	5,0
Только собственное мнение	Сам учитель	35,0
	Жизненная необходимость	2,5
	ИТОГО	37,5

Меньшинство, опиравшееся в принятии решения только на свое мнение, неоднородно: в эту группу вошли как педагоги, активно стремившиеся к руководящей деятельности, так и учителя с мотивацией подчинения жизненным обстоятельствам, пассивно относящиеся к карьере. Если отдельно рассматривать подгруппу респондентов, нацеленных на карьерный рост, то она относительно всей выборки составляет только треть (32,5%). Это означает, что из вновь назначенных завучей школ лишь эта часть руководителей не будет испытывать серьезных внутренних трудностей в адаптации к управленческой деятельности.

Педагоги, принявшие решение под воздействием своего ближайшего окружения – членов семьи, коллег и друзей по работе, директора школы, составляют подавляющее большинство.

Степень влияния референтной группы на принятие решения была очень различной, рассмотрим ее на примере взаимодействия учителя и директора. Минимальное воздействие директора выражалось в предоставлении учителю информации о преимуществах новой работы («директор показал перспективы»). Средний уровень влияния проявлялся в форме советов и уговоров («убедил директор»). Максимальное влияние директора школы на принятие решения учителем о переходе на управленческую работу проявлялось тогда, когда субъекта педагогической деятельности ставили перед фактом назначения на новую должность («директор назначил»).

Низкий и средний уровни влияния референтной группы не воспринимались учителями как оказание на них психологического давления, в данном случае педагоги заявляли о свободном (невынужденном) решении. Высокий уровень влияния референтной группы был воспринят субъектами педагогической деятельности как то, что их решение о переходе в управление было навязанным, вынужденным.

Были выявлены положительные **дополнительные факторы принятия решения о переходе от педагогической к управленческой деятельности** (табл. 3), на существование которых указали 61,2% респондентов.

Т а б л и ц а 3

**Второстепенные позитивные факторы принятия решения учителями
о переходе на управленческую работу**

Факторы принятия решения		Обобщенные высказывания	% высказываний	Ранг мотивов ПР
Влияние референтной группы	Влияние семьи	Поддержка семьи	13,6	—
		Семейная традиция	2,3	—
		Семейные обстоятельства	4,5	—
		ИТОГО	20,4	—
	Влияние коллектива или руководства	Знакомый коллектив	2,3	—
		Поддержка коллег	4,5	—
		Давление со стороны руководства	4,5	—
		ИТОГО	11,3	—
ВСЕГО			31,7	—
Личностные особенности субъекта	Мотивация интереса к управленческой деятельности	Наличие готовности к этой работе	4,6	3–5
		Наличие интереса к управлению	4,5	3–5
		Возможность самореализации в управлении	2,3	7–9
		ИТОГО	11,4	—
	Мотивация к работе на определенной должности или в определенном месте	Мотив повышения зарплаты	27,3	1
		Мотив комфорта (близко от дома)	9,1	3–5
		Мотив смены деятельности (собиралась менять место работы)	4,5	6
		Мотив повышения статуса	2,3	7–9
		Мотив психологического комфорта (нашла себе замену на прежнем месте)	2,3	7–9
		ИТОГО	45,5	—
Мотивация общественной полезности		11,4	2	
ВСЕГО			68,3	—

Двумя группами дополнительных факторов, способствующих принятию решения, оказались «личностные особенности субъекта» и «влияние референтной группы». Наиболее часто упоминаемыми второстепенными факторами принятия решения стали личностные факторы – особенности мотивационной сферы педагога. В качестве мотивов, играющих роль дополнительных факторов принятия решения, высту-

пили (в порядке уменьшения частоты упоминаний): желание повысить уровень материального благосостояния; мотив комфорта (близко от дома); смены деятельности (места работы); общественная полезность (желание наладить работу в школе); интерес к управлению, самореализации; повышение статуса.

Влияние референтной группы как дополнительного фактора принятия решения проявлялось прежде всего в поддержке значимыми другими этого решения (либо семьей, либо коллегами по работе). Значительно реже роль второстепенного фактора играла ситуация в референтной группе, на которую ориентировался педагог: семейные обстоятельства («сын пошел в школу») или обстоятельства в рабочем коллективе (например, возможность руководить знакомым коллективом).

Просматривается определенная закономерность: если мотив принятия учителем решения о переходе в управление выступает как один из ведущих, то он редко играет роль второстепенного фактора принятия этого решения (например, мотив достижения – первый в иерархии ведущих мотивов, но как дополнительный он отсутствует). И наоборот, чем дальше от лидирующих позиций стоит мотив как причина согласия учителя на управленческую работу, тем выше его значимость в качестве дополнительного фактора этого решения. Ярким примером выступает мотив роста заработной платы, в роли ведущей причины практически не воспринимаемый, но занимающий первое место в иерархии факторов, поддерживающих решение.

Обнаружены различия на уровне тенденции в распределениях дополнительных факторов в группах, «самостоятельно» и «несамостоятельно» (под влиянием референтной группы) принимавших решение. Для субъектов, опиравшихся только на свое мнение, в качестве дополнительных стимулов чаще выступали внешние факторы: поддержка семьи, рост зарплаты, необходимость смены места работы и т.д. Учителя, ориентировавшиеся в принятии решения главным образом на мнение референтной группы, чаще упоминали личностные факторы: наличие интереса и психологической готовности к новой работе.

Негативные факторы, препятствующие принятию решения занять управленческую должность, по сравнению с позитивными были более разнообразны и многочисленны. На отсутствие негативных факторов указали 20% респондентов. Обнаружилось четыре группы негативных факторов: связанные с личностью, с характеристиками будущей деятельности, с отношениями в коллективе и группа «другие», в которую мы объединили разнородные переменные (табл. 4).

Наибольший «вес» в совокупности всех негативных факторов принятия решения имеет группа, представляющая собой учительскую оценку различных характеристик управленческой деятельности в школе (46,3% всех высказываний). Прежде всего отрицательное влияние на переход от педагогической деятельности к управленческой оказывает

существующее у учителей представление о чрезвычайной загруженности заместителей директоров школ. Не менее значимым негативным фактором являются коллективные представления о содержании деятельности завуча, не позволяющем удовлетворить основные потребности педагогов в труде. Учителя уверены, что в работе заместителей директоров школ основной акцент сделан на работу с документами, происходит отрыв от собственно педагогической работы (работы с детьми), уровень творчества низкий. Немаловажно и то, что при переходе на управленческую должность, по мнению учителей, значительно возрастает уровень ответственности, при этом, как подчеркивали некоторые респонденты, не подкрепленный адекватным ростом заработной платы. И, наконец, последним в этой группе факторов выступает представление об отсутствии видимых результатов в работе заместителя директора.

Т а б л и ц а 4

Негативные факторы принятия учителями решения о переходе на управленческую работу, % высказываний в соответствующей группе

Факторы принятия решения		Общая выборка	Группы учителей, принявшие решение	
			самостоятельно	под влиянием референт. группы
Личностные характеристики	Отсутствие управленческого опыта	3,8	7,4	2,0
	Неуверенность в себе	3,8	0	4,0
	Слабое знание компьютера	1,2	3,7	0
	Маленький стаж работы	1,2	0	2,0
	Необщительность	1,2	0	2,0
	ИТОГО	11,2	11,1	10,0
Характеристики деятельности	Увеличение рабочего времени, нагрузки	18,8	14,8	20,0
	Большая ответственность	8,8	11,1	8,0
	Содержание работы	8,8	3,7	12,0
	Отрыв от педагогической деятельности	7,5	3,7	10,0
	Понижение зарплаты	1,2	0	0
	Отсутствие видимых результатов в работе	1,2	0	2,0
	ИТОГО	46,3	33,3	52,0
Характеристика и история взаимоотношений с коллективом	Руководство педагогами с большим стажем	7,5	3,7	10,0
	Нездоровая обстановка в коллективе	3,8	7,4	4,0
	Личность коллеги	3,8	3,7	4,0
	Негативное отношение части коллектива	3,8	11,1	0
	Приход в новый коллектив	3,7	7,4	2,0
	Наличие негативного примера работы завучем	2,5	0	4,0
	Педколлектив, в котором руководитель учился	1,2	3,7	0
	Нежелание оставлять старый коллектив	1,2	0	2,0
	ИТОГО	27,5	37,0	26,0
Другое		15,0	18,6	12,0

Данное представление не является особенным, поскольку во всех сферах народного хозяйства исполнители редко могут отследить управленческое воздействие руководителя на организацию. Организационно-управленческое влияние, оказываемое заместителем директора школы, растянуто во времени, малозаметно и не всегда понятно учителям с точки зрения конечных целей.

При сравнении с наблюдаемыми итогами работы учителя – изменениями, происходящими в психике активно развивающегося ребенка, – деятельность управленца в образовании, безусловно, проигрывает в ее способности удовлетворить потребность в достижении конкретного результата.

Второй по значимости (27,5% высказываний) группой факторов, оказывающих негативное воздействие на переход от педагогической деятельности к управленческой, является совокупность переменных, отражающих характеристику и историю взаимоотношений учителя с коллективом. С одной стороны, часть учителей серьезно тревожит ситуация, когда предлагается возглавить новый, не известный педагогу коллектив, перейдя на работу в другую школу. Отрицательное отношение к новой работе, связанное с боязнью *«нового коллектива»*, усугубляется иногда *«нежеланием оставлять старый сплоченный коллектив»* и *«негативным состоянием школы»*, куда придется перейти на работу.

Описанная ситуация типична: неизвестность, связанная с формированием будущих отношений с коллегами по службе, волнует практически любого человека. Спецификой педагогических коллективов является то, что повышенная тревожность учителей как трудовой группы обуславливает в данном случае столь высокий уровень переживаний, что превращает эти переживания в негативный фактор принятия решения.

Другую часть учителей, указавших на взаимоотношения с коллективом как фактор, препятствующий переходу на управленческую работу, беспокоит не боязнь нового коллектива, а необходимость остаться в старом коллективе. Причинами в данном случае выступают как общие для всех трудовых коллективов, так и присущие только педагогическому сообществу характеристики производственной ситуации, а именно:

- *«нездоровая обстановка в коллективе»*, которая может быть связана с производственным конфликтом (*«предшественника сняли и перевели в учителя»*), личностью и деятельностью директора школы или даже отдельного учителя;

- неприятие будущего заместителя директора школы частью подколлектива (*«часть коллектива была против»*);

- необходимость руководства коллегами, которые не только значительно старше и опытнее потенциального заместителя директора (*«трудно руководить педагогами, работающими в школе много лет»*), но иногда еще являлись учителями будущего руководителя (*«педагогический коллектив, в котором я училась»*);

– наличие отрицательного примера работы на должности замдиректора школы.

На третьем месте по частоте упоминаний в качестве факторов, отрицательно влияющих на принятие решения учителем, находится группа переменных – личностных особенностей субъекта (11,2% всех высказываний): неуверенность в себе и связанная с ней низкая самооценка компетентности в новой области. Оценка управленческой компетентности при отсутствии реальных знаний о требованиях, предъявляемых новой работой к субъекту деятельности, производилась учителями на основе анализа своих самых общих навыков и умений: педагогического опыта, уровня общительности и владения компьютером. Значительно реже оценка производилась на основании анализа успешности имеющего управленческого опыта.

Несмотря на отсутствие значимых различий, стоит отметить, что две группы педагогов, различающиеся степенью самостоятельности принятия решения о переходе на управленческую работу, характеризуются различными доминирующими негативными факторами принятия решения. Если для принимавших данное решение самостоятельно наиболее значимыми оказались параметры отношений учителя с коллективом, то для педагогов, ориентировавшихся на мнение референтной группы, самым главным фактором, препятствующим решению, оказались характеристики будущей деятельности.

Ожидания учителей от управленческой работы носили в большинстве позитивный характер (69% всех высказываний). Основные положительные ожидания были связаны с новизной будущей деятельности и открытиями в ней («*узнаю, кто же это – заместитель директора*», «*много нового и интересного*»). Важными для учителей были ожидания позитивных изменений как во внешней по отношению к личности ситуации («*моя деятельность даст школе развитие*»), так и во внутриличностной ситуации: получение удовлетворения от процесса работы, рост самоуважения.

Негативные ожидания были связаны с одним-единственным фактором – увеличением объема работы и повышением трудности деятельности («*необходимо освоить большой объем новых обязанностей*», «*много времени придется отдавать работе*», «*будет тяжело*»), что означало для учителей значительное повышение психической и физической нагрузки.

Близкими к этим ожиданиям являются более конкретизированные ожидания, описывающие неизбежные сложности будущей деятельности, но уже с уверенностью в своих силах и в позитивном результате этих усилий для школы: «*придется расшевелить болото*», «*[ожидаю] нормализации отношений между руководителем и коллективом*», «*придется налаживать новые контакты, завоевывать авторитет*» и т.д. Эту группу ожиданий мы назвали нейтральными.

Т а б л и ц а 5

Ожидания учителей от управленческой работы, % высказываний в группе

Обобщенные высказывания		% высказываний в группе		
		Общая выборка N = 71	«Самостоя- тельно» при- нявшие ре- шения N = 38	«Влияние референтной группы» N = 33
Позитив- ные	Ожидание открытия	20,3	15,8	27,2
	Позитивные изменения в школе	9,5	2,6	15,2
	Рост творчества и самореализации	8,2	10,5	6,1
	Повышение зарплаты	6,7	13,2	0
	Получение удовлетворения от работы	5,4	5,3	6,1
	Открытие карьерных перспектив	5,4	7,9	3,0
	Будет больше возможностей	4,1	7,9	0
	«Директор поможет»	2,7	0	6,1
	«Ждала только хорошего»	2,7	2,6	3,0
	Рост уважения коллег, учащихся	1,4	2,6	0
	Уменьшение ответственности	1,3	2,7	0
	Станет легче работать	1,3	2,7	0
	ИТОГО	69,0	73,8	66,7
Нейтраль- ные	Много придется исправлять	12,2	10,5	9,1
	Придется завоевывать авторитет	5,4	10,5	0
	«Думала, что работа временная»	1,3	0	3,0
	И положительные, и отрицательные	1,3	0	0
	ИТОГО	20,2	21,0	12,1
Негатив- ные	Увеличение нагрузки	6,7	2,6	12,1
	Предстоит тяжелая работа	4,1	2,8	9,1
	ИТОГО	10,8	5,2	21,2

Сравнение долей, приходящихся на негативные ожидания в группах педагогов с разным уровнем самостоятельности принятия решения, показывает, что эти доли статистически достоверно различаются (критерий Фишера равен 2,09; $p = 0,018$). Респонденты, чье решение было независимым от влияния референтной группы, характеризуются более позитивными ожиданиями от будущей деятельности. На наш взгляд, это объясняется большим ощущением субъектности своей жизни и деятельности педагогами, которые без постороннего вмешательства определяли свою судьбу.

Независимо от того, положительными или отрицательными были ожидания субъекта от будущей работы, подавляющее большинство учителей (79,3%) испытывали тревогу в той или иной степени. Причины тревоги вскрывают глубокий пласт проблем в подготовке руководящих кадров общеобразовательной школы.

Наиболее значимой с практической точки зрения причиной тревоги является малая подготовленность кандидатов к будущей работе (58,8% всех высказываний). Тревожное состояние порождали не только новизна деятельности, но и слабая осведомленность о специфике

будущей работы («неизвестность функций», «многие аспекты были мне совершенно не знакомы») и отсутствие какого-либо управленческого опыта, что, в свою очередь, обусловило глубокую неуверенность в себе («боялась не справиться», «было страшно»).

Следует заметить, что в работе молодого руководителя неуверенность в себе проявляется через избыточную осторожность и низкую самостоятельность в принятии решений, конформность и зависимость от директора или от коллектива, что, естественно, не способствует повышению эффективности деятельности.

Второй по значимости причиной тревоги является боязнь новых взаимоотношений с коллективом (14,1% высказываний). Здесь целый комплекс психологических проблем, испытываемых учителем при переходе от педагогической работы к управленческой. Присутствует и неуверенность в своих способностях выстроить взаимоотношения с коллективом по-новому, с позиции статусного неравенства, и боязнь неодобрения («не знала, какотреагируют старшие коллеги») или откровенно «негативного отношения части коллектива» к назначению, что означало бы для молодого руководителя отсутствие поддержки или даже сопротивление подчиненных.

Третья и четвертая причины тревоги будущего руководителя носят не психологический, а организационный характер. Серьезной и осознаваемой будущими управленцами проблемой является нечеткость функциональных обязанностей заместителя директора школы и потенциальная возможность расширения их до бесконечности, а также отсутствие должного количества прав для реализации соответствующих обязанностей (3,1% высказываний).

Психологической причиной тревоги в данном случае являлось понимание заместителями директоров школ, что «нечеткий функционал» чреват потенциальными конфликтами как с подчиненными, так и с вышестоящим руководством. К этому следует добавить такую организационную проблему, как исторически сложившаяся очень высокая ответственность руководителей школы. Психологическая неготовность принимать на себя столь разнообразную (за детей, педагогический коллектив и его работу) и высокую ответственность обусловила тревогу каждого девятого респондента (10,9% высказываний).

Выводы:

1. Обнаружено два типа принятия учителями решения о переходе на управленческую работу: вынужденное и самостоятельное решение. Детерминантами вынужденного принятия решения выступали: влияние жизненных обстоятельств и ситуации в школе, где работал учитель. Ведущими мотивами самостоятельного решения занять должность заместителя директора школы стали мотивы достижения, полезности обществу, карьеры, развития, новизны и интереса к управленческой деятельности.

2. Выявлено два главных фактора принятия решения: влияние референтной группы и собственное мнение. В качестве второстепенных факторов, способствующих принятию кадрового решения у учителей, опиравшихся в решении только на свое мнение, чаще выступали внешние по отношению к личности факторы (поддержка семьи, рост зарплаты, необходимость смены места работы), а у учителей, принявших решение под влиянием референтной группы, – личностные факторы (наличие интереса и психологической готовности к новой работе). В общем случае имеет место закономерность: если мотив не выступает как основной фактор принятия решения, то чаще всего он является дополнительным позитивным фактором и наоборот. Факторами, препятствующими принятию учителями решения о занятии управленческой должности, являлись: негативная оценка особенностей будущей деятельности, характеристика и история взаимоотношений учителя с коллективом, низкая оценка своей управленческой компетентности.

3. Ожидания учителей от управленческой работы носили в большинстве позитивный характер и были связаны с новизной будущей деятельности, с позитивными изменениями в школьной ситуации, получением удовлетворения от будущей работы, ростом самоуважения. Негативные ожидания были связаны с увеличением нагрузки и повышением трудности деятельности. Педагоги, ориентировавшиеся только на свое мнение в принятии решения, характеризуются более позитивными ожиданиями от будущей деятельности по сравнению с педагогами, принимавшими решение под влиянием референтной группы. Большинство учителей, принимая решение, испытывало тревогу, причинами которой были профессиональная и психологическая неготовность к будущей работе, боязнь новых взаимоотношений с коллективом, нечеткость функциональных обязанностей завуча и очень высокая ответственность.

Литература

1. *Александров Жозефина*. Рефлексивное самоопределение личности как фактор готовности к управленческой деятельности : автореф. дис. ...канд. психол. наук. Киев, 2000.
2. *Аверьянов С.В.* Формирование готовности к управленческой составляющей профессиональной деятельности у курсантов вуза : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006.
3. *Скориков В.Б.* Психологическая готовность работника к руководству научно-производственным коллективом : дис. ... канд. психол. наук. М., 1991.

MOTIVATION OF DECISION-MAKING BY TEACHERS ABOUT TRANSITION FROM PEDAGOGICAL ACTIVITY TO THE ADMINISTRATIVE

Filinkova E.B. (Moscow)

Summary. Motives and factors of acceptance by teachers of the decision on employment of a post of the deputy director of school are studied. It is revealed two types of this decision – force and independent. The negative factors interfering decision-making by teachers, and also the basic and minor factors promoting this decision are described.

Key words: motivation; decision-making; pedagogical activity; management.

В ПОМОЩЬ ПСИХОЛОГУ: ИССЛЕДОВАТЕЛЮ И ПРАКТИКУ

УДК 330.16

МОДИФИКАЦИЯ ОПРОСНИКА «ЯКОРЯ КАРЬЕРЫ»: ЦЕННОСТНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ НА ИННОВАЦИОННУЮ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

С.А. Богомаз (Томск)

*Исследование выполнено с использованием средств гранта
Правительства Российской Федерации для государственной поддержки
научных исследований, проводимых под руководством ведущих ученых
в российских образовательных учреждениях высшего профессионального
образования, № 11.G34.31.0043.*

Аннотация. Представлены результаты анализа структуры опросника «Якоря карьеры», охарактеризована его модификация, обсуждаются межгрупповые различия, выявленные с помощью модифицированного опросника.

Ключевые слова: опросник «Якоря карьеры»; ценностные ориентации; ориентация на инновационную и предпринимательскую деятельность.

Результаты психологических исследований последних лет продемонстрировали роль психологических переменных как реальной силы в современной инновационной высокотехнологической экономике и наметили возможность использования выявленных психологических закономерностей в программах поддержки инноваторов и предпринимателей [7, 8]. Эти программы призваны обеспечить предпринимательскую и инновационную сферы деятельности высококачественным человеческим ресурсом, важными составными частями которого, по нашему мнению, следует считать личностный и коммуникативный потенциалы [1–6, 12]. Количественная оценка параметров этих потенциалов представляет собой актуальную задачу для психологической практики.

В наших исследованиях ключевым является понятие личностного потенциала, которое было предложено Д.А. Леонтьевым [11]. С его точки зрения, под личностным потенциалом следует понимать системную организацию личностных особенностей, образующих «стержень личности» и отражающих уровень личностной зрелости. Заметим, что речь идет не столько о базовых личностных чертах или установках, сколько об особенностях системной организации личности в целом. По определению Д.А. Леонтьева, личностный потенциал есть интеграль-

ная характеристика индивидуально-психологических особенностей, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. Вместе с тем личностный потенциал – это характеристика, отражающая меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете, преодоление личностью самой себя [11]. Он отражает возможность человека проявлять надситуативную активность, способность эффективно справляться с новыми задачами посредством самостоятельного создания необходимых условий как в профессиональной области, так и в других сферах жизни. Высокий личностный потенциал человека оказывается важным условием формирования эффективных механизмов саморегуляции, он лежит в основе личностной автономии и самодетерминации [10, 11].

С нашей точки зрения, наличие высокого личностного потенциала у человека может обеспечить в случае необходимости многократную мобилизацию его интеллектуальной, креативной и прочих видов активности, способствуя достижению продуктивности и результативности деятельности [6].

Кроме того, по нашему мнению, важно учитывать, что личностный потенциал может быть в разной степени ориентирован на предпринимательскую деятельность (а также на инновационную, с учетом мнения Й. Шумпетера [14] о тождестве предпринимательской и инновационной деятельности), исполнительскую деятельность или на достижение личной свободы [3]. Данные типы ориентации на деятельность были выявлены нами в ходе факторного анализа результатов, полученных при использовании опросника «Якоря карьеры», предложенного Э. Шейном. Этот опросник создавался на основе представлений, согласно которым прошлый жизненный опыт формирует у человека определенную систему ценностных ориентаций, социальных установок по отношению к карьере и работе вообще. В профессиональном плане субъект деятельности рассматривается и описывается через систему его диспозиций, ценностных ориентаций, социальных установок, интересов и тому подобных социально обусловленных побуждений к деятельности. В американской социальной психологии этому понятию соответствуют такие термины, как «карьерные ориентации», или «якоря карьеры». Они возникают в процессе социализации, на основе и в результате научения, они устойчивы и могут оставаться стабильными длительное время. Однако очень часто человек реализует свои карьерные ориентации неосознанно.

В процессе использования опросника «Якоря карьеры» накопилась большая база данных (1 310 респондентов), что позволило уточнить структуру его шкал с помощью факторного анализа и предложить модификацию методики для выявления молодых людей, перспективных для инновационной и предпринимательской деятельности.

Цель данной статьи – описание результатов этого анализа и характеристика нового варианта опросника.

Напомним, что в исходный вариант опросника «Якоря карьеры» включено 41 утверждение, с помощью которых можно оценить степень выраженности 9 ценностных ориентаций на деятельность, таких как: «компетентность», «менеджмент», «служение», «стабильность места», «стабильность работы», «автономия», «вызов», «интеграция», «предпринимательство» [13].

Проведенный нами факторный анализ (метод главных компонент с вращением Varimax normalized) вопросов подтвердил структуру опросника. Действительно было получено 9 факторов, которые в совокупности описывали 56,3% общей дисперсии. При этом часть утверждений со значимыми нагрузками четко вошла в состав того или иного фактора в соответствии с «ключами» опросника (например, это было характерно для ориентаций на «служение» и на «вызов»). Наряду с этим отдельные утверждения «выпали» из данной закономерности. Так, в фактор «Ориентация на предпринимательство» со значимой нагрузкой вошло утверждение № 10, которое в исходном варианте опросника учитывалось для подсчета выраженности ориентации на «менеджмент», и не вошло утверждение № 8, которое в исходном варианте опросника учитывалось для подсчета выраженности предпринимательской ориентации. В связи с этим в новом варианте опросника для подсчета степени выраженности этой ориентации стало учитываться утверждение № 10 и не бралось во внимание утверждение № 8.

Кроме того, два из 41 утверждения (№ 2 и 26) не вошли в состав ни одного фактора. Напротив, утверждение № 27 со значимыми нагрузками вошло сразу в состав двух факторов и поэтому было исключено из нового варианта опросника.

Анализ распределения других утверждений по факторам позволил предложить 2 оригинальные шкалы нового варианта опросника. Одна из этих шкал получила название «свобода для», а другая – «свобода от». Такие названия опираются на концепцию двух основных видов свободы, которая была сформулирована Э. Фроммом и В. Франклом на основе идей Ф. Ницше [9]. Утверждения, которые позволяют оценивать эти шкалы, представлены в табл. 1. Как можно заметить, первая часть этих вопросов в большей степени отражает стремление к свободе, которая является условием достижения значимых результатов, а вторая часть вопросов – стремление к персональной свободе, когда бы субъекта «не напрягали» соблюдением организационных правил, предписаний и ограничений. Конечно, это только авторская гипотеза, и необходимо собрать эмпирический материал, чтобы ее проверить.

Поскольку в наших исследованиях решалась задача отбора субъектов, перспективных для предпринимательской и инновационной деятельности, в состав модифицированного опросника «Якоря карьеры»

вошли только 23 утверждения и 5 шкал: ориентация на «служение», на «вызов», на «предпринимательство», на «свободу для» и на «свободу от». Кроме того, 10-балльная шкала оценки утверждений была заменена на 7-балльную как оптимальную для процедуры диагностики.

Т а б л и ц а 1

**Утверждения, позволяющие оценить степень выраженности
двух шкал нового варианта опросника «Якоря карьеры»**

Ориентация на «свободу для»	Ориентация на «свободу от»
Иметь возможность делать все по-своему и не быть стесненным правилами какой-либо организации	Строить карьеру, которая позволит мне не изменять моему образу жизни
Создать и построить нечто, что будет всецело моим произведением или идеей	Карьера имеет смысл только в том случае, если она позволяет вести жизнь, которая мне нравится
Иметь работу, не ограниченную режимом или другими организационными величинами	Я не хочу, чтобы меня стесняла какая-нибудь организация или мир бизнеса
Иметь работу, которая предоставляет максимум свободы и автономии в выборе времени выполнения, характере занятий и т.д.	Выбрать и поддерживать определенный образ жизни важнее, чем добиваться успеха в карьере

Опросник заполнялся без ограничения времени, приблизительно за 10 минут.

Обработка и интерпретация результатов

Модифицированный вариант опросника содержит пять диагностических шкал измерения ценностных ориентаций.

1. «Служение». Основными ценностями при данной ориентации являются «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т.д. Человек с такой ориентацией не будет работать в организации, которая враждебна его целям и ценностям, и откажется от продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит ему реализовать главные ценности жизни. Люди с такой карьерной ориентацией чаще всего работают в области охраны окружающей среды, проверки качества продуктов или товаров, защиты прав потребителей и т.п.

2. «Вызов». Основные ценности при ориентации данного типа – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Человек ориентирован на то, чтобы «бросать вызов». Социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции выигрыша – проигрыша. Процесс борьбы и победа более важны для человека, чем конкретная область деятельности или квалификация. Например, торговый агент может рассматривать каждый контракт с покупателем как игру, которую надо выиграть. Новизна, разнообразие и вызов имеют для людей с такой ориентацией очень большую ценность; если все идет слишком просто, им становится скучно.

3. «Предпринимательство». Человек с такой ориентацией стремится создавать что-то новое, он хочет преодолевать препятствия, готов к риску. Он не желает работать на других, а хочет иметь свою марку, свое дело, свое финансовое богатство. Причем это не всегда творческий человек, для него главное – создать дело, концепцию или организацию, построить ее так, чтобы это было продолжением его самого, вложить туда душу. Предприниматель будет продолжать свое дело, даже если сначала он будет терпеть неудачи и ему придется серьезно рисковать.

4. «Свобода для». Для человека с высоким показателем по этой шкале свобода есть необходимое условие для того, чтобы самостоятельно что-то сделать, чего-либо достичь. Ярко выражена потребность все делать по-своему: самому решать, когда, над чем и сколько работать.

5. Особенности в деятельности могут возникать при выраженной ценностной ориентации человека на «свободу от». Первичная забота личности с такой ориентацией – освобождение от организационных правил, предписаний и ограничений. Такой человек может работать в организации, которая обеспечивает достаточную степень свободы, но не будет чувствовать серьезных обязательств или преданности организации и будет отвергать любые попытки ограничить его свободу. Характерно стремление к тому, чтобы «не напрягали».

По каждой карьерной ориентации подсчитывается количество баллов. Далее баллы суммируются и делятся на количество вопросов (на 5 – для ориентации на «служение», на «вызов» и на «предпринимательство»; на 4 – для ориентации на «свободу для» и «свободу от»). Полученное значение свидетельствует о выраженности соответствующей ценностной ориентации.

Обобщенный результат – «индекс мотивации к деятельности» – среднеарифметическое значение суммы баллов, полученных испытуемым по всем карьерным ориентациям, – может говорить о выраженности фактора профессиональной мотивации, о «напряженности» направленности на деятельность. Кроме того, был предложен «инновационный индекс» как среднеарифметическое 4 шкал, т.е. ориентация на: «служение», «вызов», «предпринимательство» и «свободу для». Именно эти виды ориентации на деятельность в наибольшей степени соответствуют представлениям об успешном и эффективном инноваторе [7, 8]. Учитывая значения этого индекса и наличие высокого личностного потенциала, можно прогнозировать потенциальную возможность испытуемого реализовать себя в инновационной деятельности.

Модифицированный вариант опросника «Якоря карьеры» уже использовался в нескольких исследованиях, что позволило создать электронную базу данных и вычислить собственные нормативные значения (табл. 2). Учитывая эти значения, можно осуществлять отбор субъектов, потенциально перспективных для инновационной и предпринимательской деятельности.

Модифицированный опросник «Якоря карьеры»

Опросник, который вы сейчас будете заполнять, выявляет ваши предпочтения в выборе профессионального пути и построении карьеры. Обведите ту цифру на шкале, которую считаете соответствующей вашим предпочтениям.

1 балл – совершенно не важно; 4 – что-то среднее; 7 баллов – исключительно важно.

№ п/п	Утверждение	Оценка
1	Иметь возможность делать все по-своему и не быть стесненным правилами какой-либо организации	1 2 3 4 5 6 7
2	Употреблять свое умение общаться на пользу людям, помогать другим	1 2 3 4 5 6 7
3	Работать над проблемами, которые представляются почти неразрешимыми	1 2 3 4 5 6 7
4	Создать и построить нечто, что будет всецело моим произведением или идеей	1 2 3 4 5 6 7
5	Быть первым руководителем в организации	1 2 3 4 5 6 7
6	Иметь работу, не связанную с режимом или другими организационными ограничениями	1 2 3 4 5 6 7
7	Употребить свои умения и способности на то, чтобы сделать мир лучше	1 2 3 4 5 6 7
8	Соревноваться с другими и побеждать	1 2 3 4 5 6 7
9	Строить карьеру, которая позволит мне не изменять моему образу жизни	1 2 3 4 5 6 7
10	Создать новое коммерческое предприятие	1 2 3 4 5 6 7
11	Иметь работу, которая предоставляет максимум свободы и автономии в выборе времени выполнения, характере занятий и т.д.	1 2 3 4 5 6 7
12	Иметь возможность использовать свои умения и таланты для служения важной цели	1 2 3 4 5 6 7
13	Единственная действительная цель моей карьеры – находить и решать трудные проблемы независимо от того, в какой области они возникли	1 2 3 4 5 6 7
14	Я всегда нахожусь в поиске идей, которые дадут мне возможность начать и построить свое дело	1 2 3 4 5 6 7
15	Я всегда искал работу, на которой мог бы приносить пользу другим	1 2 3 4 5 6 7
16	Соревнование и выигрыш – это наиболее важные и волнующие стороны моей карьеры	1 2 3 4 5 6 7
17	Карьера имеет смысл только в том случае, если она позволяет вести жизнь, которая мне нравится	1 2 3 4 5 6 7
18	Предпринимательская деятельность составляет центральную часть моей карьеры	1 2 3 4 5 6 7
19	Я не хочу, чтобы меня стесняла какая-нибудь организация или мир бизнеса	1 2 3 4 5 6 7
20	Я хотел бы посвятить свою карьеру достижению важной и полезной цели	1 2 3 4 5 6 7
21	Я чувствую себя преуспевающим только тогда, когда постоянно вовлечен в решение трудных проблем или в ситуацию соревнования	1 2 3 4 5 6 7
22	Выбрать и поддерживать определенный образ жизни важнее, чем добиваться успеха в карьере	1 2 3 4 5 6 7
23	Я всегда хотел основать и построить свой собственный бизнес	1 2 3 4 5 6 7

Спасибо!

Ключи к опроснику:

Пункты опросника				
Служение	Вызов	Предпринимательство	Свобода для	Свобода от
2	3	5	1	9
7	8	10	4	17
12	13	14	6	19
15	16	18	11	22
20	21	23	–	–

Т а б л и ц а 2

Средние значения шкал модифицированного опросника
«Якоря карьеры» (n = 502), баллы

Шкалы	Среднее значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Станд. отклонение
Ориентация на «служение»	5,50	4,8	6,2	1,07
Ориентация на «вызов»	4,51	3,8	5,4	1,18
Ориентация на «предпринимательство»	4,12	2,8	5,4	1,66
Ориентация на «свободу для»	5,10	4,25	6,0	1,09
Ориентация на «свободу от»	4,91	4,25	5,5	1,06
Индекс мотивации к деятельности	4,83	4,3	5,3	0,73
Инновационный индекс	4,81	4,2	5,41	0,82

Необходимо отметить, что в ходе выполнения корреляционного анализа были обнаружены значимые корреляции «инновационного индекса» с показателем «целеустремленность» ($r = 0,384$; $p = 0,000$; $n = 501$) и с «индексом самоорганизации деятельности» ($r = 0,334$; $p = 0,000$; $n = 501$), который вычислялся по результатам тестирования с помощью «Опросника самоорганизации деятельности». Это означает, что ценностная ориентация на инновационную и предпринимательскую деятельность у молодых людей сочетается с целеустремленностью и настойчивостью в деятельности, а также со склонностью самостоятельно планировать и организовывать деятельность. Наличие такой связи, по моему мнению, представляется важным условием успешности в деятельности инноватора и предпринимателя.

Наряду с этим была выявлена значимая корреляция ($r = 0,310$; $p = 0,004$; $n = 84$) «инновационного индекса» с показателем «процесс жизни» теста «Смыслжизненные ориентации». Следовательно, степень выраженности ориентации на инновационную и предпринимательскую деятельность у юношей и девушек положительно коррелирует с восприятием ими своей жизни как интересной, эмоционально насыщенной и наполненной смыслом. В связи с этим можно предположить, что сочетание насыщенности жизни смыслом с ценностной ориентацией на предпринимательскую и инновационную деятельность может выступать в качестве двух ключевых факторов успешности и эффективности этой деятельности.

Особое внимание было уделено обнаружению различий между группами обследуемых людей. При этом использовался дисперсионный анализ ANOVA-MANOVA из пакета статистических программ

Statistica. Как было установлено, существуют значимые различия между девушками ($n = 344$) и юношами ($n = 157$) в степени выраженности ценностных ориентаций на «вызов» ($4,39 \pm 0,07$ и $4,78 \pm 0,08$ балла соответственно; $p = 0,0006$) и на «предпринимательство» ($3,99 \pm 0,09$ и $4,39 \pm 0,13$ балла; $p = 0,0124$). Девушки и юноши различались также по величине «инновационного индекса» ($4,75 \pm 0,04$ и $4,94 \pm 0,07$ балла; $p = 0,0134$). Это совпадает с ожидаемой более высокой ориентацией юношей на предпринимательство и инновационность по сравнению с девушками и свидетельствует о целесообразности использования модифицированного опросника для дифференциации групп респондентов.

Различия также были обнаружены между группой, в состав которой вошли аспиранты и магистры Томского государственного университета ($n = 45$), и группой, образованной магистрами Томского политехнического университета ($n = 39$), в котором исследования проводила проф. Н.В. Козлова. При этом ценностная ориентация на «предпринимательство» оказалась существенно ниже в первой группе ($3,14 \pm 0,24$ балла) и выше – во второй ($4,75 \pm 0,25$ балла; $p = 0,000$). Вместе с тем эти две группы лишь незначительно отличались по «инновационному индексу» ($4,63 \pm 0,12$ и $5,04 \pm 0,16$ балла соответственно; $p = 0,045$). Межгрупповые различия могут, очевидно, отражать различия в организации учебного процесса в двух университетах – «классическом» и «инженерном».

Существенные различия были выявлены при сравнении группы Томского госуниверситета и группы, которую составили участники молодежного конкурса инновационных проектов «БИТ-Сибирь» ($n = 35$), где исследования проводила канд. психол. наук Ю.В. Сметанова. Анализ средних значений показателей модифицированного опросника «Якоря карьеры» позволил определить, что группа молодых «инноваторов» в меньшей степени ориентирована на «служение» по сравнению с аспирантами и магистрами Томского госуниверситета ($5,23 \pm 0,17$ и $5,85 \pm 0,13$ балла; $p = 0,005$). Однако «инноваторы» характеризовались более высокой степенью ориентации на «предпринимательство» ($5,30 \pm 0,17$ против $3,14 \pm 0,24$ балла; $p = 0,000$) и отличались более высокими значениями «инновационного индекса» ($5,17 \pm 0,12$ против $4,63 \pm 0,12$ балла; $p = 0,003$). Такие различия полностью совпали с нашими ожиданиями, поскольку юноши, вошедшие в группу «инноваторов», не просто демонстрировали свой интерес к инновационной проблематике, но уже начали пробовать себя в разработке инновационных проектов, предполагающих возможность их коммерциализации.

В целом выявленные межгрупповые различия свидетельствуют в пользу того, что показатели модифицированного опросника «Якоря карьеры» позволяют по критерию «ценностной ориентации на деятельность» осуществлять дифференциацию групп субъектов, социализирующихся в разных образовательных системах и в разной степени вовлеченных в инновационную деятельность.

Таким образом, совокупность полученных фактов позволяет рекомендовать модифицированный опросник «Якоря карьеры» для экспресс-оценки ценностной ориентации на инновационную и предпринимательскую деятельность для выявления субъектов, потенциально перспективных для этих видов деятельности.

Литература

1. Богомаз С.А., Непомнящая В.А. К проблеме поиска психологических оснований развития инновационной компоненты личности в юности и молодости // Сиб. психол. журн. 2007. № 25. С. 78–82.
2. Богомаз С.А., Баланев Д.Ю. Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сиб. психол. журн. 2009. № 32. С. 23–28.
3. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Личностный и коммуникативный потенциал инновационно- и предпринимательски-ориентированных субъектов // Сиб. психол. журн. 2010. № 37. С. 48–51.
4. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Креативность и личностный потенциал победителей молодежного научно-технического конкурса // Психология интеллекта: Традиции и инновации : материалы научной конференции, посвященной памяти Я.А. Пономарева и В.Н. Дружинина (7–8 октября 2010 г.). М. : ИП РАН, 2010. С. 289–297.
5. Богомаз С.А., Каракулова О.В. Типологические особенности коммуникативного потенциала // Вестник ТГУ. 2011. № 347. С. 126–130.
6. Богомаз С.А., Мацута В.В. Оценка личностного потенциала и выявление основных типов ориентации на профессиональную деятельность у современной вузовской молодежи // Психология обучения. 2010. № 12. С. 77–88.
7. Гемюнден Х.Г., Конрад Э.Д. Поведение предпринимателя при создании нового предприятия как важный фактор успеха. URL: http://vasilieva.narod.ru/ptpu/20_3_01.htm
8. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Психология инновационного поведения. Томск : ТГУ, 2009. 240 с.
9. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как основа самодетерминации // Учен. зап. каф. общей психологии МГУ им. Ломоносова / под общ. ред. Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2002. Вып. 1. С. 56–65.
10. Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю., Осин Е.Н. и др. Опыт структурной диагностики личностного потенциала // Психол. диагностика. Москва ; Обнинск, 2007. № 1. С. 8–31.
11. Леонтьев Д.А. Томские лекции «Личностный потенциал». Томск, 2010.
12. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М. : Смысл, 2011. 679 с.
13. Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г.С. Никифорова, М.А. Дмитриевой, В.М. Снеткова. СПб., 2001. 302 с.
14. Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / предисл. В.С. Автономова. М. : ЭКСМО, 2007. 864 с.

MODIFICATION OF THE CAREER ANCHORS QUESTIONNAIRE: ORIENTATION TO INNOVATIVE AND ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Bogomaz S.A. (Tomsk)

Summary. The paper analyses the structure of the Career Anchors Questionnaire, describes its modification and discusses the intergroup differences revealed by using the questionnaire modified.

Key words: Career Anchors Questionnaire; value orientations; orientation to innovative and entrepreneurial activity.

КОНФЕРЕНЦИИ, СИМПОЗИУМЫ, СЕМИНАРЫ

ВПЕЧАТЛЕНИЯ О РАБОТЕ V СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В.В. Мацута (Томск)

По решению Президиума РПО 14–18 февраля 2012 г. в Москве состоялся V Съезд Российского психологического общества.

В работе съезда приняли участие преподаватели нашего факультета, члены Томского отделения РПО: Э.В. Галажинский, Г.В. Залевский, О.И. Муравьева, В.В. Мацута, Ю.В. Сметанова. В качестве делегата съезда я посетила пленарное заседание и симпозиумы направления «Психология интеллекта, творчества и одаренности».

Необходимо отметить, что вопросы интеллекта, творчества и одаренности в настоящее время приобрели особую актуальность, о чем свидетельствуют, в частности, такие факты, как социальный заказ со стороны Министерства образования и науки РФ, запросы реальной практики образования, а также повышение интереса исследователей к данным вопросам.

Вероятно, поэтому направление «Психология интеллекта, творчества и одаренности» привлекло такое большое количество участников съезда и было широко представлено теоретическими и практическими работами зарубежных и отечественных исследователей и практиков.

Так, симпозиум «Творчество и одаренность» (ведущий – Л.Я. Дорфман) был посвящен обсуждению таких вопросов, как концепция интеллектуальной активности, теория социального интеллекта, понятия инновационного потенциала одаренного человека, творческой личности, художественной одаренности, а также проблемам выявления творческих способностей и их развития.

На круглом столе «Соотношение понятий: способности, одаренность, творчество, новации» (ведущий – Э.В. Галажинский) активно обсуждались актуальные для современной психологии вопросы соотношения понятий «творчество» и «одаренность», «воображение» и «творчество», «способности» и «креативность», «креативность» и «творчество». Особое внимание было уделено современным теориям креативности и проблемам взаимосвязи креативности и инновационной деятельности, креативности и толерантности.

Симпозиум «Способности и интеллект» (ведущие – М.А. Холодная, Л.А. Ясюкова) был посвящен обсуждению теорий «успешного интеллекта» и «социального интеллекта», связи данных феноменов с социокультурными факторами (культура общества, особенности возрастного развития, оценка значимых других и др.).

Участие в работе данного направления было для меня особенно интересным и полезным, поскольку на факультете психологии ТГУ в настоящее время реализуется ряд проектов, касающихся проблем выявления, поддержки и развития одаренности у детей и подростков. Мне удалось установить профессиональные контакты и договориться о сотрудничестве с известными специалистами в области психологии одаренности: Е.И. Щеплановой, Н.Б. Шумаковой.

Результаты моего участия в работе направления «Психология интеллекта, творчества и одаренности» уже нашли свое отражение в следующих мероприятиях: семинар «Диагностика одаренности: современное состояние и проблемы», повышение квалификации «Обучение преподавателей и специалистов высшего и общего образования, работающих с одаренными детьми и подростками в системе взаимодействия учреждений высшего и общего образования по программам трех профилей: математическому, физическому, технологическому».

Другим важным событием V Съезда Российского психологического общества стало участие в выставке профессиональных достижений «Психологи России». Я как делегат съезда от Томского отделения РПО познакомила многочисленных гостей выставки с экспозицией «Проектная деятельность факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета». Наш факультет представил ведущие проекты, которые активно осуществляются в течение последних 2 лет:

1. Разработка и внедрение моделей взаимодействия учреждений высшего профессионального и общего образования по реализации общеобразовательных программ старшей школы, ориентированных на развитие одаренности у детей и подростков на базе центра при Томском государственном университете.

2. Психология инновационного поведения.

3. Использование потенциала взаимодействия вузов и школ для повышения качества образования и формирования Открытого образовательного пространства региона.

4. Природа индивидуальных различий когнитивных процессов, лежащих в основе математических способностей.

5. Издательская деятельность факультета психологии ТГУ.

Могу с уверенностью сказать, что экспозиция нашего факультета вызвала повышенный интерес у гостей выставки. В результате многие участники выразили желание принять участие в реализуемых на нашем факультете проектах, конференциях и повышениях квалификации. Сотрудники нашего факультета также были приглашены на аналогичные мероприятия, реализуемые факультетами психологии ведущих российских вузов (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Московский государственный психолого-педагогический университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Баш-

кирский государственный университет, Южный федеральный университет, Институт психологии им. Л.С. Выготского и др.).

Хочу отметить интерес участников съезда к научным и методическим изданиям наших сотрудников. Так, поступило много заявок на издание наших авторов, лидерами среди которых являются: монография В.Е. Ключко и Э.В. Галажинского «Психология инновационного поведения», монография В.И. Кабрина «Транскокоммуникация: преобразование жизненных миров человека» и методическое пособие «Комплекс психологических практик развития потенциала достижений», монографии Г.В. Залевского «Личность и фиксированные формы поведения», «Психологическая супервизия: современное состояние и перспективы развития» и учебник «Введение в клиническую психологию», монография В.Я. Семке, И.Я. Стояновой и Н.А. Бохана «Психологические образования в адаптивно-защитной системе у больных с психическими расстройствами не психотического спектра и в норме (психологическая модель)», монография Г.Н. Прокументовой «Переход к Открытому образовательному пространству. Типологизация образовательных инноваций», монография Н.Н. Абакумовой и И.Ю. Малковой «Компетентностный подход в образовании: организация и диагностика», учебное пособие Н.В. Козловой и И.Ю. Малковой «Образовательное проектирование и его роль в совершенствовании высшего профессионального образования», монография И.П. Кужелевой-Саган «Методология реконструкции генезиса публичных отношений», учебное пособие И.П. Кужелевой-Саган и Р.В. Гумеровой «Основы теории коммуникации».

О высокой оценке достижений факультета в данной области свидетельствует награждение Г.В. Залевского дипломом II степени в номинации «Лучшее учебное пособие по психологии» за учебное пособие «Психологическая супервизия», награждение монографии В.Е. Ключко и Э.В. Галажинского «Психология инновационного поведения» дипломом в номинации «Лучшая монография по психологии».

И, разумеется, нельзя обойти вниманием интерес участников съезда к «Сибирскому психологическому журналу». Среди основных достоинств журнала называли его финансовую доступность, охват основных разделов психологии и наличие полезной информации о научных мероприятиях. Думаю, в ближайшее время число авторов и подписчиков должно увеличиться.

Что касается более субъективной оценки съезда, хочу отметить, что участие в событии такого рода, общение с признанными авторитетами, «светилами» психологической науки, по трудам и учебникам которых учились, учатся и будут учиться студенты-психологи, наполняет позитивными эмоциями, значительно укрепляет веру в психологию как науку и практику, подвигает на интересные исследования и мотивирует на дальнейшее развитие в этой области.

НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ V СЪЕЗДА РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Ю.В. Сметанова (Томск)

V Съезд Российского психологического общества собрал специалистов в сфере психологии из 52 регионов РФ и стран ближнего зарубежья. По официальным сведениям, в работе Съезда приняли участие более тысячи психологов. Все мероприятия проходили в течение 3 дней (14–18 февраля).

Программа мероприятий включала 40 направлений и около 100 симпозиумов и круглых столов, охватив наиболее актуальные, фундаментальные и прикладные аспекты современного научного психологического знания.

16 февраля 2012 г. состоялась секция «Экономическая психология. Психология предпринимательства. Психология рекламы», включившая в себя два симпозиума: «Экономическая психология в современном российском обществе» под руководством О.С. Дейнека (Санкт-Петербург) и А.Д. Карнышева (Иркутск), и «Современные проблемы экономической психологии» под руководством А.Б. Купрейченко (Москва).

В рамках симпозиумов были представлены результаты последних исследований в сфере экономического поведения и различных социальных феноменов, его составляющих, а также серия докладов по проблемам современного предпринимательства. Так, например, в исследованиях А.Г. Шмелева и Е.Ю. Лоскутовой анализировалась система поведенческих шаблонов и личностных выборов, которые осуществляет покупатель в процессе покупки мобильного телефона. В частности, авторами было доказано, что потребительское поведение не зависит от социально-демографических характеристик покупателей, но обусловлено личностными особенностями.

А.Д. Карнышев в своем докладе сформулировал проблему экологичной экономики – проблему, чрезвычайно актуальную для российских регионов, все чаще становящихся центром внимания иностранных и российских туристов, и проанализировал ее на примере экономических стратегий развития Байкальского экорегиона.

Ю.В. Сметановой в этой же секции были представлены результаты анализа ценностно-смысловых и экзистенциальных проблем, сопровождающих процессы вхождения в предпринимательство у современных молодых инновационных предпринимателей и успешных предпринимателей 1990-х гг. Были выявлены основные сходства и различия и определены возможности применения данного знания для развития молодежного предпринимательства в условиях психологического сопровождения.

О.С. Дейнека представила результаты последних исследований экономико-психологического статуса рубля как валюты, укрепление которого несет значительный экономический потенциал для решения проблем валютной политики государства. С помощью семантического дифференциала автор выявила, что самым гармоничным и привлекательным имиджем на настоящий момент обладает евро, тогда как самым активным и престижным по-прежнему остается доллар.

Кроме того, на секции обсуждались результаты исследования представлений об экономическом благосостоянии студентов; был выявлен источник макроэкономической тревоги и представлен анализ факторов, влияющих на процесс получения высшего образования; обсуждались итоги последних исследований по изучению нравственного компонента экономического поведения. Отдельным вопросом обсуждения стали методы и методические приемы, адекватные проблематике экономического и потребительского поведения.

Уникальным для данной секции оказалось то, что на ней присутствовали одновременно 4 из 7 докторов психологических наук, работающих в направлении изучения экономической психологии в Российской Федерации.

Во второй половине того же дня одним из крупных мероприятий стал круглый стол «Интеллектуальные права в психологии». В его работе приняли участие ведущие специалисты в сфере психологии, психодиагностики; руководители предприятий, занимающихся переводом и изданием книг ведущих зарубежных ученых на русском языке, а также изданием методических материалов, опросников и другой психодиагностической продукции; руководители профессиональных психологических интернет-сообществ и целая команда юристов – специалистов по интеллектуальной собственности и авторскому праву.

В ходе работы круглого стола был очерчен круг объектов интеллектуального права в психологии; обсуждались вопросы защиты интеллектуальных прав в разных отраслях психологии – психодиагностике, образовательной деятельности и т.д. Были озвучены основные проблемы, с которыми сталкивается и может столкнуться в будущем авторское законодательство, многие из этих проблем обусловлены развитием научного психологического знания в РФ и стремительным распространением психологической культуры, в их числе: проблема и технологии защиты психодиагностических методик и ключей; проблема интернет-сообществ и распространения авторских текстов в сети Интернет; проблема копи-пастинга и плагиата, которая все еще имеет место быть в работах молодых специалистов, и многие другие.

Зал, в котором проходил круглый стол, не смог вместить всех желающих, поэтому состав «боковых участников» с периодичностью обновлялся, озвучивались новые вопросы, новые взгляды, новые сомнения.

17 февраля состоялся симпозиум «Социальные аспекты психологии труда» под председательством Л.Г. Дикой.

На симпозиуме был озвучен целый ряд работ, выполненных посредством теоретико-методологического анализа, в рамках традиционных направлений психологии труда (проблемы востребованности специалистов и профессионального мира; проблемы имиджа специалиста-профессионала и эмоционального выгорания).

Помимо этого, были представлены работы, результаты которых получены в сложных профессиональных средах и на труднодоступных выборках. Так, Н.Б. Лисовская и Е.А. Троцинина доложили о результатах исследования карьерных ориентаций менеджеров среднего звена отечественных и зарубежных компаний. Для построения карьеры в системе американского менеджмента более важной ориентацией является *вызов*, тогда как в сфере жизненных ориентаций отечественные менеджеры оказываются более компетентны во времени, обладают более высоким уровнем способностей, имеют более высокий уровень самоуважения и больше соответствуют образу *успешного руководителя*.

Я.А. Корнеева и Н.Н. Симонова озвучили результаты исследований влияния вахтового труда и труда в условиях Крайнего Севера на психологические особенности (ценностные ориентации и профессиональную деформацию) людей.

Н.В. Якимович и И.Г. Городецкий рассказали о разрабатываемых ими программах обеспечения безопасности в гражданской авиации посредством решения проблемы «человеческого фактора». В частности, вниманию слушателей были представлены: обучающая программа «Контроль за факторами угрозы полету», способствующая формированию плана действий по выходу из внештатных ситуаций; программа «Повышение вклада второго пилота в безопасность полета» по формированию у вторых пилотов активной корректирующей стратегии поведения в случае ошибочных действий командира, а также специальная компьютерная методика «Адаптивная модель операторской деятельности», позволяющая оценивать степень сохранности психофизиологических ресурсов у пилотов.

Л.Г. Дикая и С.Ф. Сергеев сформулировали новые системные подходы к решению проблем современной психологии труда и инженерной психологии. Так, Л.Г. Дикая, формулируя свои представления о необходимости применения метасистемного подхода к решению проблемы эмоционального выгорания, доказывала, что интегрирующим качеством профессиональной деятельности субъекта следует считать метарегулятивную активность субъекта, которая позволит решать проблемы психической саморегуляции в профессиональной деятельности на качественно ином уровне. Специфично, что модель, предложенная автором, своими методологическими корнями, с одной стороны, уходит в субъектно-деятельностный подход Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубин-

штейна, с другой – выражает идеи биопсихосоционэтической модели здоровья Г.В. Залевского.

С.Ф. Сергеев, являясь ведущим отечественным специалистом в сфере инженерной психологии и эргономики, утверждает, что необходимо рассматривать данные научные дисциплины в русле постнеклассической научной рациональности и представления об открытых самоорганизующихся системах. Оказываясь в предельной близости к концептуальным построениям теории психологических систем В.Е. Ключко, автор указывает на возможности развития на такой методологической основе идеи «NBIC-конвергенции», которая заключается во взаимопроникновении и обогащении научно-технического прогресса и технологий за счёт пересечений областей исследований N – нано; B – био; I – инфо; C – когнитивных наук.

Одним из наиболее многочисленных оказался симпозиум «Экзистенциальная психология» под руководством В.В. Знакова и Д.А. Леонтьева. На протяжении двух последовательных заседаний обсуждались проблемы, приписываемые отечественными исследователями сфере экзистенциального психологического знания: мотивации, жизненному сценарию, со-бытийности, организации экзистенциального опыта и модусам бытия субъекта, и многие другие. Привлекая к себе все больше внимания, отечественная экзистенциальная психология по-прежнему остается преимущественно наукой теоретической. Для решения ее проблем используются методы, более характерные для естественно-научной парадигмы в психологии (Г.В. Залевский). Так, наиболее «качественными» из используемых остаются методы контент-анализа, СЖО. Изредка в исследованиях последних лет встречаются рефлексивные и нарративные формы анализа. Феноменологический и экзистенциальный анализы, в силу процедурной сложности и трудностей верификации, практически не используются.

Вечером того же дня состоялось приуроченное к Съезду 26-е заседание московского общепсихологического семинара под руководством Б.С. Братуся. Большая психологическая аудитория факультета психологии МГУ с трудом вместила всех желающих послушать доклад В.А. Шкуратова «Существует ли еще историческая психология?». В числе слушателей были В.В. Умрихин, В.М. Аллахвердов, Е.А. Соколова, А.Н. Кричевец, Д.А. Леонтьев и многие другие известные психологи.

Автор, позиционировав историческую психологию как элемент скорее искусства, чем традиционной академической (классической) науки, очень метафорично обозначил основные аспекты современной исторической психологии, определяя в ее методологических возможностях – традиции постнеклассической научной рациональности (например, «у истории нет живых испытуемых, ей не нужны методики изучения личности, ей нужны технологии глубокого чтения текста»). В.А. Шкуратов ука-

зал на необходимость историко-психологической рефлексии и глубокого погружения в исторический контекст для решения актуальных фундаментальных задач психологического знания.

В.М. Аллахвердов, верный традициям монизма и классического научного мышления, на реплику докладчика о том, что историческая психология скорее искусство, заметил, что к искусству претензий у него не возникает.

Завершая заседание семинара, Б.С. Братусь указал на первичное значение фундаментального научного знания по сравнению с прикладным, на «извращенность» представления о необходимости востребованности и самоокупаемости современной науки. Он отметил, что современное общество, погрязнув в мелких, частных, «непереваренных» проблемах, избегая историко-психологической рефлексии, не аутентично своей истории и своему духовному началу. Указывая на проблему дихотомий в современной отечественной психологии и возможности их решения, Б.С. Братусь сослался на возможность решения этого через обращение к модели биопсихосоционотического человека Г.В. Залевского (в изложении Б.С. Братуся – био-социо-душевно-духовного).

После заседания студенты факультета психологии МГУ, воспользовавшись возможностью, устроили для профессоров и молодых ученых – участников Первой Всероссийской летней психологической школы студентов, аспирантов и молодых ученых «Архитектоника психологии: плюрализм или единство», состоявшейся в 2008 г. при сотрудничестве факультетов психологии МГУ и ТГУ, а также при финансовой поддержке Оксфордского российского фонда, – небольшую видеопрезентацию. Фото с алтайской школы, видео, приятная музыка, вручение символов плюрализма и приглашение всех к чаепитию с пирогом – символом единства психологического знания – завершили рабочий день и Съезд Российского психологического общества.

ПРОГРАММА
Международной конференции
«Теория и фундаментальные проблемы психологических
практик (на примере психологической супервизии)»
4–6 июня 2012 г.

4 июня 2012 г.
ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(конференц-зал главного корпуса ТГУ)

9.00–10.00 – *Регистрация участников международной конференции.*

Выставка изданий научных психологических работ.

10.00–10.30 – Открытие конференции. Приветствия.

10.30–13.30 – Пленарное заседание.

Пленарные доклады:

1. Психологическая практика в поисках психологической теории (Г.В. Залевский, д-р психол. наук, профессор, заслуж. деятель науки РФ, супервизор РПА (Россия, Томск)).

2. Современные психосоциальные практики: теоретико-методологические исследования (И.Н. Карицкий, д-р психол. наук, МГУ, г. Москва).

3. Теория и практика психологической супервизии в Германии (П. Шюлер, психотерапевт, супервизор НОС, Э. Хевер, д-р психологии, психотерапевт (Германия, Кассель)).

4. Психологическая супервизия в психиатрической клинике (Г. Кунце, проф., д-р медицины (Германия, Кассель)).

5. Психологическая супервизия в системе подготовки и повышения квалификации психологов: методологические и организационные проблемы (Ю.П. Зинченко, проф., д-р психол. наук, член-корр. РАО, декан ф-та психологии МГУ (Россия, Москва)).

6. Практика супервизии в службе экстренной психологической помощи (В.Г. Залевский, канд. психол. наук, доцент кафедры общей и прикладной психологии Алтайского госуниверситета; супервизор Службы экстренной психологической помощи населению (Россия, Барнаул)).

Дискуссия по докладам.

13.30–14.30 – Видеоконференция «Психологическая супервизия: опыт Востока и Запада».

14-30–15-30 – Обед.

15-30–17-00 – Круглый стол: Психологическая супервизия в контексте фундаментальных проблем психологической науки и практики.

Соведущие: Г.В. Залевский, Ю.П. Зинченко, И.Н. Карицкий, В.И. Кабрин.

17.30–19.00 – Фуршет.

5 июня 2012 г.

10.00–13.30 – *Секции и мастер-классы.*

1. П. Шюлер: «Психотерапия и супервизия при социальной патологии».

2. Э. Хевер: «Когнитивная терапия и консультирование в контексте военной психологии».

3. В.И. Кабрин: «Балинтовские группы».

4. А.К. Баскурян: «Проблемы психоаналитической супервизии».

5. И.В. Щелин: «Психологическая супервизия в профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений».

13.30–15.00 – Обед

15.00–17.00 – *Секции и мастер-классы.*

1. Н.В. Козлова: «Психологическая супервизия как средство акмеологической динамики».

2. Т.Г. Бохан: «Синдром эмоционального выгорания как предмет психологической практики».

3. Т.В. Ваулина: «Психологическая супервизия в системе высшего образования США».

4. О.И. Лукьянов: «Психологическая супервизия. Экзистенциальный подход».

5. В.Г. Залевский: «Технологии супервизии в службе экстренной психологической помощи (телефон доверия)».

17-00–19-00 – Круглый стол: «Супервизия на перекрестке решения фундаментальных проблем отношения психологической теории и практики» (ведущие – Г.В. Залевский, П. Шюлер, Э. Хевер, В.П. Зинченко).

6 июня 2012 г.

9.00–12.00 – Экскурсия по Томску, Томской технико-внедренческой зоне, Томскому государственному университету и Бизнес-инкубатору ТГУ.

12.00–13.30 – Презентация научных лабораторий факультета психологии:

• **Лаборатория психофизиологии** (зав. – проф. С.А. Богомаз) занимается исследованиями проблем физиологических основ психической деятельности и поведения человека, является основой и базой учебно-исследовательских работ студентов, специализирующихся в области генетической и клинической, а также организационной психологии.

• **Лаборатория психологической экспертизы** (руководитель – проф. Э.И. Мещерякова) проводит научно-теоретические и прикладные исследования в области психологической экспертологии. В настоящее время правомочна проводить около 25 видов экспертной и консультационной работы.

• **Лаборатория психологических практик** (руководитель – проф. В.И. Кабрин) занимается разработкой, исследованиями, супервизией и экспертизой инновационных психологических практик, разрабатывает методы активного исследования и исследует эффективность различных психологических практик.

• **Лаборатория междисциплинарных исследований качества жизни современного человека** (руководитель – доц. Т.Е. Левицкая) проводит научно-теоретические и прикладные исследования в области качества жизни человека, осуществляет медико-психологическую поддержку населения.

11.00–12.30 – Утренние лекции ведущих профессоров.

12.30–14.00 – Встречи участников международной конференции со студентами и аспирантами факультета психологии ТГУ. Консультации с ведущими учеными по проблемам реализуемых исследовательских проектов.

14.00–15.00 – Обед.

15.00–17.00 – Вечерние лекции ведущих профессоров.

Кафедра социальной и экономической психологии
Байкальского государственного университета экономики и права
Факультет психологии Томского Государственного Университета

**13-я международная научно-практическая конференция
«Экономическая психология: актуальные
теоретические и прикладные проблемы»**

Уважаемые коллеги!

Приглашаем принять участие в 13-й международной научно-практической конференции «Экономическая психология: актуальные теоретические и прикладные проблемы», организованной 13–14 июня 2012 г. кафедрой социальной и экономической психологии в сотрудничестве с факультетом психологии Томского государственного университета и учеными из ФРГ. **Напоминаем, что приоритетом конференции будет следующая тематика: «Межкультурные ресурсы в экологичной экономике и психологии здоровья».** Приветствуются тезисы докладов и сообщений по другим направлениям экономической психологии.

Сборник трудов конференции предполагается выпустить до её начала. Его стоимость будет в пределах 600-650 рублей. Если Вы будете участвовать (очно или заочно) в конференции, просим Вас:

1) направить **до 10 мая 2012 года** статьи и тезисы докладов по адресу **nyush@list.ru** (**Объем статьи 5-8 страниц**). Обязательно получите подтверждение о получении Ваших материалов. Требования к оформлению представлены в приложении;

2) написать, нужен ли Вам вызов на конференцию и в каком виде;

3) сообщить, будете ли Вы приобретать сборник конференции.

*Председатель орг. комитета конференции, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии
БГУЭП, д-р психол. наук, профессор*

А.Д. Карнышев

Требования к оформлению статей

Тезисы статей для публикации нужно прислать **до 10 мая 2012 г.** по электронной почте **nyush@list.ru**. При получении статьи мы уведомим Вас об этом, поэтому, **не получив подтверждения**, обязательно свяжитесь с нами.

При форматировании текста статьи важно соблюсти следующие условия:

1. Объём статьи 5–8 страниц.
2. Параметры заголовка: шрифт: Times New Roman Cyr, размер – 16 пт., начертание полужирное, межстрочный интервал перед – 12 пт., после – 6 пт., форматирование по центру, абзацный отступ 8 мм.
3. Фамилия, имя, отчество указываются сразу после названия статьи. Шрифт Times New Roman Cyr, размер 16 пт., начертание полужирное, межстрочный интервал перед – 12 пт., после – 6 пт., форматирование по правому краю.
4. Параметры текста: шрифт: Times New Roman Cyr, размер 14 пт., межстрочный интервал одинарный, форматирование по ширине, абзацный отступ – 8 мм, колонтитулы – 20 мм. Установка функции «переноса» обязательна.
5. Поля: верхнее, нижнее – 30 мм, левое, правое – 25 мм.
6. Если используются таблицы и схемы, то их границы не должны выходить за границы основного текста. В таблицах и схемах используется шрифт основного текста размером на 2–3 пункта меньше (11–12 пт.). Таблицы располагаются непосредственно в тексте статьи.
7. Иллюстрации (рисунки, графики) должны быть расположены в тексте статьи и выполнены в одном из графических редакторов (формат tif, psc, jpg, pcd, msp, dib, cdr, cgm, eps, wmf). Допускается также создание и представление графиков при помощи табличных процессоров «Excel», «Quattro Pro», «MS Graph». Каждый рисунок должен иметь подпись. Рисунки должны иметь контрастное черно-белое изображение.
8. На отдельной странице должны быть представлены краткие сведения об авторах статьи (полностью фамилия, имя, отчество, год рождения, ученая степень и звание, место работы, должность, область научных интересов, контактные данные – телефон или адрес электронной почты).

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия

на научно-практическое руководство

«Психологическая диагностика и коррекция в соматической клинике». Авторы: Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова,

О.Ю. Щелкова. Научный редактор – профессор Л.И. Вассерман.

СПб. : Речь, 2011. 270 с.

Научный редактор в своем предисловии к данной книге говорит о том, что издание предназначено для врачей и психологов, работающих в соматической клинике. Смею утверждать, что круг, так сказать, потребителей этой книги может и должен быть значительно шире, выходить далеко за пределы соматической клиники. Однако указанное редактором и одним из авторов книги адресное предпочтение справедливо, поскольку именно в этой области пока еще не установились четкие представления о возможностях медицинской (клинической) психологии, в том числе и в решении задач психодиагностики.

Особенно отличает этот коллективный труд – научно-практическое руководство – от, казалось бы, подобных руководств тот факт, что это не просто сборник или компендиум психодиагностических методов, это фундаментальный труд по психодиагностике. Фундаментальность его обеспечивается тем, что прежде чем предложить конкретные методы психодиагностики в соматической клинике (кстати, эти методы в большинстве случаев либо разработаны самими авторами и их коллегами в лаборатории, либо адаптированы и модифицированы, а также компьютеризированы), авторы руководства отводят довольно много места вопросам методологии психологической диагностики в клинике соматических расстройств.

Во введении рассматриваются проблемы общей методологии психологической диагностики в клинике соматических расстройств. Авторы представляют свою позицию, указывая, что «многие годы доминировавшая нозологическая парадигма в медицине сегодня не без сопротивления, но уступает место биопсихосоциальной и адаптационной парадигмам...» (с. 7). Они в этой связи считают уместным подчеркнуть, что предпосылки к биопсихосоциальной модели психического здоровья и болезни можно найти у основателя Психоневрологического института В.М. Бехтерева. В контексте указанного подхода конечной целью многомерной личностной диагностики в соматической клинике является повышение адаптационного потенциала больного за счет актуализации его личностных ресурсов и ценностного сознания (с. 11). Нетрудно заметить, что реально позиция авторов в связи с целью психодиагностики

в соматической медицине (и, видимо, не только) выходит за пределы биопсихосоциальной модели, совпадая с нашей позицией, отраженной в понятии биопсихосоциальноэтической модели и в целостно-ценностном подходе к пониманию природы человека, его здоровья и болезни (Залевский, 2010; Залевский, Кузьмина, 2011).

Глава 1 руководства посвящена истории, теории и практике применения медицинской (клинической) психологии в соматической клинике, что тоже является довольно оригинальным ходом в написании такого рода практических руководств. Уделяется внимание, что совершенно справедливо, психодинамическому, личностно-типологическому, психонейрофизиологическому, когнитивно-поведенческому направлениям в психосоматике, а также обсуждаются проблемы психосоматических и соматопсихических расстройств в международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10).

Во 2-й главе руководства рассматриваются вопросы о необходимости учета психосоциальных компонентов нарушения психической адаптации при соматических расстройствах: выраженности и структуры неврозоподобной симптоматики как симптомов напряженности механизмов психической адаптации и ее нарушений (в связи с соматогенными и психогенными влияниями); отношение к болезни, лечению и врачебной помощи в системе значимых отношений личности больного; стратегии совладания со стрессом и механизмы психологической защиты при соматических расстройствах; особенности личностно-средового взаимодействия и качества социальной адаптации; качество жизни как интегральная характеристика уровня и качества психической адаптации (благополучия) личности.

Центральной, на наш взгляд, является 3-я глава: «Медицинская психологическая диагностика в соматической клинике: методология и методы исследования». Авторы, как бы делая некоторое движение по кругу, возвращаются к вопросам теории и методологии медицинской психодиагностики в соматической клинике, рассматривают ее цели и задачи, вопросы классификации методов психодиагностики. Жаль только, что не упомянута в этой связи классификация, предложенная М.С. Роговиным и Г.В. Залевским в книге «Теоретические основания психологического и психопатологического исследования» (1988). Обсуждаются в этой главе задачи, методы и методики медико-психологического исследования в соматической клинике.

Конкретизации психодиагностических исследований с иллюстрацией их результатов посвящена глава 4 «Медицинская психодиагностика в соматической клинике: обзор результатов клинко-психологического исследования». Представлен широкий спектр этих результатов в разнообразии психосоматических расстройств: в клинике соматоформных расстройств, кардиологии, пульмонологии, эндокринологии, гастроэнтерологии, ревматологии, гинекологии и онкологии.

Очень важной представляется позиция авторов руководства, которые, введя в него главу 5 «Психологическая коррекция и психотерапия в соматической клинике», говорят, что психодиагностика не есть самоцель, она для чего-то нужна. Во-первых, это начальный этап оказания психологической помощи больному человеку или вообще клиенту, во-вторых, она должна предварять любую помощь и отслеживать динамику и эффективность оказываемой помощи.

Завершает практическое руководство глава 6 «Основные принципы подготовки и усовершенствования врачей в области медицинской психодиагностики и психологической коррекции. Авторы справедливо считают необходимым не только предлагать психодиагностику и ее методы, но и обучать и повышать квалификацию в этой области соответствующих специалистов.

Рецензируемое издание содержит приложение (с. 227–270), в котором изложен ряд известных и популярных методик, зарекомендовавших себя в медицинской (клинической) психологии, а также отражающих и вкусы авторов.

В целом рецензируемая книга представляется очень ценным и нужным трудом, результатом многолетних усилий коллектива авторов под руководством известного ученого – медика и психолога – профессора Л.И. Вассермана, продолжателя славных традиций школы В.М. Бехтерева, В.Н. Мясищева. Она, несомненно, найдет своего читателя, а мы, пользуясь случаем, рекомендуем ее читателю нашего Сибирского психологического журнала.

Г.В. Залевский

ИНФОРМАЦИЯ

ИЗ ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТОВ

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобразования России от 30 мая 2008 г. № 937-801 открыт диссертационный совет Д 212.267.16 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии», 19.00.04 – «медицинская психология».

Председатель диссертационного совета – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии ТГУ Г.В. Залевский; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор В.Е. Ключко; ученый секретарь – доктор психологических наук Т.Г. Бохан.

22 и 23 марта 2012 года состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

- Неверовой Г.Ю. «Личностные ресурсы в реабилитации больных героиновой наркоманией» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

- Филоненко А.Л. «Становление пренатальной психологической общности как условие здоровой беременности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

- Левиной Л.В. «Психологические возможности коррекции отклоняющегося поведения личности с учетом его специфических особенностей» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

- Штумф В.О. «Роль понимания обмана в формировании представлений и реализации здорового образа жизни у часто болеющих детей дошкольного возраста» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

- Твердохлебовой Н.В. «Особенности идентичности при формировании пивной аддикции (на примере лиц юношеского возраста)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

- Нелюбина Н.И. «Осмысление в структуре познавательной активности (на примере работы студентов с научными текстами)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

- Сметановой Ю.В. «Личностный потенциал как ресурсная составляющая инновационно-предпринимательской направленности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.01 – «общая психология, психология личности, история психологии»;

– Магденко О.В. «Особенности деструктивных мотиваций у беременных женщин при формировании материнской ролевой идентичности» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Ивановой В.С. «Учет особенностей отношения родителей к заболеванию ребенка детским церебральным параличом в психологическом сопровождении семьи» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

18 мая 2012 г. пройдут заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Немцева А.В. «Духовные смыслы в жизненном мире людей, страдающих депрессивными расстройствами» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Суховершина А.В. «Психологическое сопровождение санаторно-курортного оздоровления лиц с синдромом эмоционального выгорания» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Созиновой Е.В. «Когнитивные, эмоциональные и двигательные нарушения у пациентов с болезнью Паркинсона и их реабилитация» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология»;

– Потаниной А.Ю. «Нейропсихологические и социальные факторы трудностей обучения в начальной школе и их коррекция» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.04 – «медицинская психология».

*Ученый секретарь совета
доктор психологических наук, доцент
Т.Г. Бохан*

В Томском государственном университете решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 30 мая 2008 года № 937-802 открыт диссертационный совет Д 212.267.20 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по специальностям 19.00.13 – «психология развития, акмеология» (психологические науки); 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (педагогические науки).

Председатель диссертационного совета – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой управления образованием ФП ТГУ Г.Н. Прокуменова; заместитель председателя – доктор психологических наук, профессор, академик РАО, заведующий кафедрой психологии личности, декан факультета психологии ТГУ Э.В. Галажинский; ученый секретарь – доктор педагогических наук, доцент И.Ю. Малкова.

15 марта 2012 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Симаковой Т.П. «Формирование субъектной позиции семьи на основе социально-образовательного партнерства» на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный консультант – профессор Т.А. Костюкова);

– Мусихина И.А. «Педагогические условия дистанционного сопровождения образовательной деятельности обучающихся во время летних каникул (на примере использования иностранного языка)» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный руководитель – профессор В.Я. Синенко);

– Шабаловской М.В. «Взаимосвязь ментальности и произвольной активности личности в юношеском возрасте (на примере студентов вузов)» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – «психология развития, акмеология» (научный руководитель – профессор Л.Ф. Алексеева).

16 марта 2012 г. состоялись заседания диссертационного совета по защите диссертаций:

– Свиридовой Н.В. «Детский музей как форма организации жизнедеятельности детей и подростков в учреждении дополнительного образования» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный руководитель – профессор В.Я. Синенко);

– Колпакова С.Н. «Образовательное содержание совместного действия и его влияние на освоение учебного материала (на материале организации занятий по физике в общеобразовательной школе)» на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.01 – «общая педагогика, история педагогики и образования» (научный руководитель – профессор Г.Н. Прокументова);

– Айзман Н.И. «Особенности становления сексуальности у студенток вуза и ее гармонизация в условиях психологического воздействия» на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.13 – «психология развития, акмеология» (научный руководитель – профессор Ю.П. Зинченко).

*Ученый секретарь совета
доктор педагогических наук, доцент
И.Ю. Малкова*

НАШИ АВТОРЫ

Бардадымов Василий Анатольевич, аспирант факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва).

E-mail: vasja.maxx@gmail.com

Бобровская Анжелика Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общепрофессиональных дисциплин Волгоградского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса (Волгоград).

E-mail: ban-68@mail.ru

Богомаз Сергей Александрович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой организационной психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: bogomazsa@mail.ru

Ветрова Яна Анатольевна, старший преподаватель кафедры управления образованием, психологии и педагогики Института повышения квалификации (Новокузнецк).

E-mail: ianavet@mail.ru

Залевский Генрих Владиславович, доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заслуженный деятель науки РФ, член Всемирной федерации психического здоровья, заведующий кафедрой генетической и клинической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: usua9@sibmail.com

Инге Сайфге-Кренке, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии развития и образования факультета психологии Майнцкого университета Иоганна Гутенберга (Германия).

E-mail: seiffge@uni-mainz.de

Кадыров Руслан Васитович, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой общепсихологических дисциплин Владивостокского государственного медицинского университета (Владивосток).

E-mail: rusl-kad@yandex.ru

Карнышев Александр Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права, заслуженный учитель РФ (Иркутск).

E-mail: karnushev@isca.ru

Козлова Наталья Викторовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и генетической психологии Томского государственного университета (Томск).

E-mail: akme_2003@mail.ru

Лысакова Елена Николаевна, кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Психологическое обеспечение деятельности в экстремальной ситуации» Московского городского психолого-педагогического университета (Москва).

E-mail: lyssakov@mail.ru

Манхаева Ольга Михайловна, старший психолог психологической лаборатории ФБУ ИЗ-25/1 ГУСФИН России по Приморскому краю (Владивосток).

E-mail: manhaev.2@mail.ru

Мария-Елена Хайд, кандидат психологических наук, ассистент кафедры психологии развития и образования факультета психологии Майнцского университета Иоганна Гутенберга (Германия).

E-mail: mlhaid@uni-mainz.de

Рогачева Татьяна Владимировна, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой клинической психологии Уральской государственной медицинской академии Министерства здравоохранения и социального развития РФ (Екатеринбург).

E-mail: TVRog@yandex.ru

Силвия Гварнери, кандидат психологических наук, ассистент кафедры психологии факультета психологии Университета Флоренции (Италия).

E-mail: silvia.guarnieri@virgilio.it

Сметанова Юлия Валерьевна, старший преподаватель кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск).

E-mail: smetanova@mail.ru

Тихомирова Татьяна Николаевна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Учреждения Российской академии наук Института психологии РАН; старший научный сотрудник лаборатории возрастной психогенетики Учреждения Российской академии образования «Психологический институт» (Москва).

E-mail: tikho@mail.ru

Филинкова Евгения Борисовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета (Москва).

E-mail: jane421@yandex.ru

Франка Тани, кандидат психологических наук, профессор кафедры психологии факультета психологии, Университет Флоренции (Италия).

E-mail: franca.tani@psico.unifi.it

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В «СИБИРСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не принимаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК).

Приводятся (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами, по центру);
- инициалы и фамилия автора (по центру), название города (в скобках);
- краткая аннотация (до 50 слов), которая предваряется словом «**Аннотация**», выделенным жирным шрифтом;
- список ключевых слов (5–7), предваряющийся словосочетанием «**Ключевые слова**» (с двоеточием, после которого перечисляются слова через точку с запятой).

Текст набирается шрифтом Times New Roman. Размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, поля: левое – 20 мм, правое – 20 мм, верхнее – 20 мм, нижнее – 25 мм, абзацный отступ – 10 мм.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

При использовании дополнительных шрифтов необходимо представить их в редакцию в авторской электронной папке.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [9. Т. 2. С. 25]. **Список литературы** располагается после текста статьи, предваряется словом «Литература», нумеруется (начиная с первого номера) и оформляется в алфавитном порядке.

Например:

1. *Вассерман Л. И.* Методологические основы психологической диагностики в клинике соматических расстройств [Текст] / Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев, Е. А. Трифонова, О. Ю. Щелкова // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 38. – С. 24–29.
2. *Залевский Г. В.* Введение в клиническую психологию : учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Залевский. – Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. – 224 с.
3. *Залевский Г. В.* Фанатизм как основание и характеристика деструкции системы ценностей и духовного нездоровья личности и социальных сообществ [Текст] / Г. В. Залевский // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / под ред. В. В. Знакова, Г. В. Залевского. – М. : ИП РАН, 2008. – С. 314–340.
4. *Морозов С. М.* Предмет исследования и единицы анализа в психологической системе Л. С. Выготского : автореф. дис. ... канд. психол. наук [Текст] / С. М. Морозов. – М., 2002. – 24 с.

Под одним номером допустимо указывать только один источник. Количество ссылок не должно превышать 20 (за исключением обзорных статей).

Примечания оформляются в виде **концевых** сносок.

После списка литературы приводятся на английском языке (каждый раз с новой строки):

- название статьи (заглавными буквами);
- фамилия автора и инициалы, название города (в круглых скобках);
- аннотация (**Summary**);
- ключевые слова (**Key words**).

Объём статьи, включая аннотацию и список литературы: для авторов, имеющих учёную степень, **не более 12 стр.**, для авторов без учёной степени – **до 5 стр.**

Отдельным файлом (а также в распечатанном виде) обязательно предоставляются сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- учёная степень, учёное звание;
- должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

Иванов Иван Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности Энского государственного университета (Энск). E-mail: ivanov@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

- ФИО, должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);
- специальность (**название** и номер по классификации ВАК);
- почтовый адрес (рабочий, домашний);
- телефоны (служебный, домашний, **сотовый**).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего автор оформляет и подаёт 2 электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи;
- 2) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например, Иванов1.doc, Иванов2.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Иванов). **При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Иванов.zip или Иванов.rar).**

Авторы должны представить в редакцию письмо, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой он работает или обучается.

В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Бумажные варианты статей направляются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, факультет психологии, редакция «Сибирского психологического журнала» и **обязательно** дублируются на сайте журнала в разделе «Регистрация»: <http://spj.tsu.ru>

Статьи, присланные по электронной почте, не рассматриваются.

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.) в своем личном профиле.

Не рекомендуется посылать статьи ценным письмом или бандеролью, так как это значительно задерживает получение вашего почтового отправления. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

Публикации аспирантов осуществляются на некоммерческой основе.

СИБИРСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор Г.В. Залевский

№ 44. 2012 г.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Томский государственный университет, факультет психологии,
редакция «Сибирского психологического журнала».
Телефон редакции (3822) 52-95-80; факс (3822) 52-97-10.
E-mail: den@psy.tsu.ru
Залевский Генрих Владиславович

Редактор К.Г. Шилько
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки А.В. Бабенко

Подписано к печати 15.05.2012 г. Формат 70×108/16.
Бумага белая офсетная. Гарнитура Times.
Ризография. Усл. печ. л. 11,7. Тираж 1 000 экз.

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49